

ООО «Наука и образование»
ФГКВОУ ВО «КВВАУЛ им. А.К. Серова» МО РФ

16+

ИСТОРИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

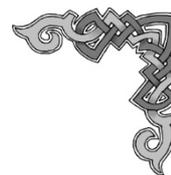
Сетевое издание

www.social-economic.ru

№ 4
2024

ИСТОРИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание / Online edition

№ 4 от 25.12.2024

Выходит 4 раза в год

www. social-economic.ru

Основан в 2019 г.

ISSN 3034-3364 (Print) ISSN 3034-3356 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «История. Культурология. Политология» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
Договор № 453-12/2019

(до 30.10.2024 г. наименование в Перечне «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки» ISSN 2686-8350)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ.

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Медведев Валерий Иванович – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника по учебной и научной работе, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

УЧРЕДИТЕЛЬ (СОУЧРЕДИТЕЛИ): ООО «Наука и образование; Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6.

Тел./whatsApp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Valery I. Medvedev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov;

Valery V. Kasyanov – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: *Elena A. Shelkova*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

THE MURDERERS (CO-FOUNDERS): LLC «Science and Education; Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education «Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:
AND PUBLISHER:**

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, lane Narodny, 2/1, of. 6.

Тел./whatsApp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Заместитель председателя редакционного совета:

Савеленко Вячеслав Михайлович – генерал-майор авиации в отставке, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова.

Члены редакционного совета:

Азизова Наиля Руслановна – доктор культурологии, руководитель учебно-методического отдела ООО ДПО «Университет профессионального стандарта»;

Антонович Иван Иванович – Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол, Республика Беларусь;

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Грошев Роман Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnology, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of improving the efficiency of state and Municipal management.

Deputy Chairman of the Editorial Board:

Vyacheslav M. Savelenko – retired Major General of Aviation, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov.

Members of the Editorial Board:

Naila R. Azizova – Doctor of Cultural Studies, Head of the Educational and Methodological Department of DPO «University of Professional Standards» LLC;

Ivan I. Antonovich – Honored Scientist of the Republic of Belarus, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Belarus;

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociology, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Regionalism and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Viktor Zbigniew – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University;

Roman V. Groshev – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State and Political Science, Adygea State University;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российская таможенная академия (Ростовский филиал);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Мартыненко Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры, Московский политехнический университет;

Ратушняк Валерий Николаевич – Заслуженный деятель науки РФ, Герой труда Кубани, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Токтосунова Адаш Искандеровна – доктор политических наук, профессор, проректор по учебной работе Восточного университета им. Махмуда Кашгари, председатель общественной организации «Диалог культур и цивилизаций», Республика Кыргызстан;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Sciences, Head of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Natalia V. Kiseleva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Sergey A. Kislitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management, Branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, N.P. Ogarev Mordovian State University;

Vladimir V. Martynenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Viktor F. Nicevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department, Moscow Polytechnic University;

Valery N. Ratushnyak – Honored Scientist of the Russian Federation, Hero of Labor of Kuban, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Institute for Interdisciplinary Studies of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics;

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of the Eastern University. Mahmuda Kashgari, Chairman of the public organization «Dialogue of Cultures and Civilizations», Republic of Kyrgyzstan;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Чимаров Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Peter Ya. Tsitkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Technologies, Southern Federal University;

Tatyana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey Yu. Chimarov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Белая Е.Г.</i> Культурно-исторические особенности воспитания национальной идентичности в Приамурье	11
<i>Берлизов Н.Е., Берлизов А.Н.</i> О статусе «всаднических погребений» из синдских и меотских могильников Западного Кавказа	16
<i>Демидович Д.М., Ермилов К.А.</i> Повседневность: теоретические аспекты изучения	26
<i>Касьянов В.В., Басте Р.Ю.</i> Деятельность учреждений культуры и народного образования в условиях Великой Отечественной войны (на примере Адыгейской автономной области)	34
<i>Нарбут Н.Н.</i> Конкурентоспособность Испании в сфере образования и науки: подходы и стратегия	40
<i>Рейнхардт А.И.</i> Формирование российской пенитенциарной системы в дореволюционный период	44

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Калинин В.В.</i> Влияние исторических конфликтов на трансформацию военной символики в XX–XXI веках	53
---	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Аверин А.Н., Комаров Д.С., Бутова А.С.</i> Реализация молодежной политики в Российской Федерации	61
<i>Васьков М.А., Ковров В.В., Самыгин С.И.</i> Христианские и иные религиозные конфессии и течения на Украине: политическое положение и социальная роль на кануне начала Специальной военной операции	67
<i>Ермаков К.А.</i> Информационные технологии, медиа и IT-платформы как инструменты ведения «инфогибридных войн»	74
<i>Понеделков А.В., Аверин А.Н., Бутова А.С., Алборова Д.В.</i> Социальная защита и поддержка инвалидов, ветеранов, людей, подвергшихся радиационному воздействию	80
<i>Стрелецкий Я.И.</i> Специальная военная операция России на Украине: информационная война «альянса демократий»	87

CONTENTS

HISTORY

<i>Evgeniya G. Belaya</i> Cultural and historical features of the education of national identity in the Amur region	11
<i>Nikolay E. Berlizov, Alexander N. Berlizov</i> On the status of «horseman burials» from sind and meotian burial grounds of the western caucasus	16
<i>Daria M. Demidovich, Kirill A. Ermilov</i> Everydaynes: theoretical aspects of study	26
<i>Valery V. Kasyanov, Raziet Y. Baste</i> Activities of cultural and public education institutions during the Great Patriotic War (using the example of the Adygea autonomous region)	34
<i>Natalia N. Narbut</i> The competitiveness of Spain in the field of education and science: approaches and strategy	40
<i>Alina I. Reinhardt</i> Formation of the russian penitentiary system in the pre-revolutionary period	44

CULTURAL SCIENCE

<i>Kalinin V. Kalinin</i> The influence of historical conflicts on the transformation of military symbols in the XX–XXI centuries	53
---	----

POLITICAL SCIENCE

<i>Alexander N. Averin, Danil S. Komarov, Anastasia S. Butova</i> Implementation of youth policy in the Russian Federation	61
<i>Maxim A. Vaskov, Vladimir V. Kovrov, Sergey I. Samygin</i> Christian and other religious confessions and movements in Ukraine: political situation and social role on the eve of the start of a Special military operation	67
<i>Kirill A. Ermakov</i> Information technologies, media and it platforms as tools for warring «info-hybrid wars»	74
<i>Alexander V. Ponedelkov, Alexander N. Averin, Anastasia S. Butova, Dina V. Alborova</i> Social protection and support for the disabled, veterans, people exposed to radiation of organizations in the field of culture	80
<i>Yakov I. Streletsky</i> Russia's special military operation in Ukraine: the information war of the alliance of democracies	87

ИСТОРИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-2>
УДК 37.01

Attribution
cc by

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИАМУРЬЕ

Белая Е.Г.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Аннотация. Актуальностью исследований по проблемам этнокультурного развития определяются научными, этническими интересами российского общества. В изучении истории и культуры нанайцев важный вклад внесли этнографические результаты экспедиций, путешественников, государственных служащих. В отечественной историографии, исследователями были проанализированы изменения традиционного жизненного уклада, роль традиций и обрядов в воспитании национальной идентичности. Цели: выявление особенностей воспитания нанайцев, способствующих формированию и укреплению национальной идентичности на основании проведенных этнографических экспедиций с 2019 по 2024 годы. Задачи: проанализировать анкетирование, интервью в населённом пункте сельского поселения «Село Верхняя Эконь» (2019 г.); Бельговское сельское поселение (2019, 2021 гг.) Комсомольского района Хабаровского края; «Село Кондон» (2019, 2021 г.) Солнечного района Хабаровского края; «Село Омми», «Село Ачан» (2024 г.), Амурского района Хабаровского края для выявления уровня знаний о географических объектах, их названий, легенд и мифов, связанных с определенными местами. Выявить роль семьи в передаче знаний о национальном наследии воспитательного процесса. Установить изменения основных элементов системы национального воспитания. Методы: этнографические методы исследования такие как: наблюдение, анкетирование, интервью. Исследовать эволюцию развития основных аспектов системы нанайского воспитания позволил историко-генетический метод. Историко-сравнительный метод дает возможность выделить отличительные черты элементов структуры воспитания в разный период. Результаты: всего составлено 348 анкет для детей школьного возраста, учителей нанайского языка, мастеров декоративно-прикладного искусства, преподавателей танцев и физической культуры. В результате выделены способы увеличения интереса молодежи к традиционной нанайской культуре. Зафиксированы воспоминания о происхождении топонимов, их связь с историческими событиями и культурными традициями изучаемых мест. Проанализированы программы государственной поддержки, которые также влияют на воспитание национальной идентичности. Выводы: так как современному молодому поколению передаются знания о национальных особенностях, именно воспитание формирует основу в сохранении топонимической системы, поддерживая также связь молодежи с природой и культурой своего народа. Это привлекает внимание исследователей к проблеме сохранения и развития национальной идентичности. К открытию новых фактов и данных могут привести научные исследования топонимов, которые будут полезны для дальнейшего изучения и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: национальное воспитание, нанайцы, традиции, образование, культурное наследие, нанайский язык.

CULTURAL AND HISTORICAL FEATURES OF THE EDUCATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE AMUR REGION

Evgeniya G. Belaya

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The relevance of research on the problems of ethnocultural development is determined by the scientific, ethnic interests of Russian society. In the study of the history and culture of the Nanai people, an important contribution was made by the ethnographic results of expeditions, travelers, and civil servants. In domestic historiography, researchers analyzed changes in the traditional way of life, the role of traditions and rituals in the education of national identity. Objectives. To identify the characteristics of the upbringing of the Nanai people that contribute to the formation and strengthening of national identity based on ethnographic expeditions conducted from 2019 to 2024. Research

objectives. To analyze the questionnaires and interviews in the rural settlement "Village Verkhnyaya Ekon" (2019); Belgovskoye rural settlement (2019, 2021) of the Komsomolsky district of the Khabarovsk territory; «Village Kondon» (2019, 2021) of the Solnechny district of the Khabarovsk territory; «Village Omni», «Village Achan» (2024), Amursky district of the Khabarovsk territory to identify the level of knowledge about geographical objects, their names, legends and myths associated with certain places. To identify the role of the family in the transfer of knowledge about the national heritage of the educational process. To establish changes in the main elements of the national education system. Methods. Ethnographic research methods such as: observation, questionnaires, interviews. The historical-genetic method allowed us to study the evolution of the development of the main aspects of the Nanai education system. The historical-comparative method makes it possible to identify the distinctive features of the elements of the education structure in different periods. Results. A total of 348 questionnaires were compiled for school-age children, Nanai language teachers, masters of decorative and applied arts, dance and physical education teachers. As a result, ways to increase the interest of young people in traditional Nanai culture were identified. Memories of the origin of toponyms, their connection with historical events and cultural traditions of the studied places were recorded. State support programs that also influence the education of national identity were analyzed. Conclusions. Since knowledge about national characteristics is passed on to the modern young generation, it is education that forms the basis for preserving the toponymic system, also supporting the connection of youth with the nature and culture of their people. This attracts the attention of researchers to the problem of preserving and developing national identity. Scientific research of toponyms can lead to the discovery of new facts and data, which will be useful for further study and preservation of cultural heritage.

Keywords: National education. Nanai, traditions; education, cultural heritage, Nanai language.

Введение.

Нанайцы, один из малочисленных коренных народов Дальнего Востока России, жизнь которых тесно связана с речными экосистемами Амура и его притоками. Традиционно, природа была не просто средой обитания, а священным пространством с добрыми и злыми духами. Уважительному отношению к природе, бережному использованию её ресурсов обучались дети с раннего детства.

Центральную роль в этническом воспитании ребенка была семья, так как именно в семье закладываются основы культурной идентичности, формируются первые представления о традициях, значениях топонимов, обычаях, норм поведения и ценностях народа. Всесторонне подготавливало детей через трудовое воспитание к жизни для выживания в суровых природных условиях [1, с. 28].

Обсуждение.

Материалы, отчеты традиционного нанайского воспитания представлены в работах О.А. Шабуровой. Традиционно девочек приобщали к ведению домашнего хозяйства, обучали знаниям народной медицины, узнавать растения, грибы. Это способствовало к формированию уважения к месту, которое имеет особое название и значение [2, с. 114].

Именно дома дети изучали правила, особенности нанайского языка, фольклор, который являлся важнейшим инструментом семейного воспитания. Так как письменная традиция нанайцев была слабо развита, важным способом сохранения культурного наследия оставалась устная передача мифов, сказок, песен и легенд, где

дети узнавали о значении топонимов, связанных с их родовыми местами проживания предков, названия важных объектов.

Преобразования в культуре, хозяйстве нанайцев за годы советской власти рассмотрены Ю.А. Сем на основании собранных полевых материалов экспедиций. Особую значимость его работам придает собственная классификация, терминология нанайских фольклорных жанров. Разделив их на мифы, мифологические рассказы и предания, на героический эпос, шаманские мифы и бытовые рассказы, автор показал важность фольклора, который помогал усвоить моральные и этические нормы, а также укреплял их связь с природой, культурой и историей своего народа [3, с. 32].

Идею интернационализма пропагандировала советская идеология; это подразумевало объединение всех народов СССР в единую социалистическую общность. В ходе укрупнения и коллективизации сельских поселений нанайцы были вынуждены переселяться в большие колхозы, совхозы, что значительно нарушило традиционный способ ведения жизненного уклада с внедрением новых технологий.

В 1940–1960-е годы отмечается постепенный переход на русский язык как результат контактов с русскими народами, вступлением нанайцев в смешанные браки. Преподавать в школах стали исключительно на русском языке, что ускорило процесс утраты родного языка и культуры. Следующее поколение детей, не знающих нанайского языка, потеряло возможность полноценного общения с представителями старшего поколения, что затруднило передачу знаний и опыта. Утрачивание нанайского языка – это результат сложных социально-экономических и политиче-

ских процессов, которые имели глубокие последствия для их потомков и всей этнической группы [4, с. 7].

Меняется традиционный хозяйственный, семейный, культурный уклад. Промыслы, которые традиционно являлись трудом во благо семьи, теперь становятся обязательством для Советского государства, так как страна нуждалась в образованных, культурных, квалифицированных кадрах.

Появление школ-интернатов в середине XX века с целью обеспечения доступа к образованию для детей отдаленных районов давала возможность получить базовые знания, навыки, необходимые для жизни в современном обществе, что также способствовало расширению кругозора детей и обогащению культурного опыта. Однако пребывание в интернате отрывало детей от семьи и традиционного окружения, что также приводило к ослаблению связей с родной культурой и к снижению уровня владения языком среди молодого поколения.

Несмотря на сложности, некоторые аспекты нанайской культуры продолжали передаваться из поколения в поколение. Некоторые обычаи и ритуалы, связанные с повседневной жизнью, приготовлением пищи, изготовлением одежды, украшений, а также празднование традиционных праздников, посещение особых, ритуальных мест сохранялись внутри семей. В советское время, заинтересованные в изучении и сохранении культуры коренных народов ученые и исследователи проводили этнографические исследования. Эти результаты также помогали документировать и сохранять элементы нанайской культуры [5, с. 68].

Ситуация меняется уже с 70-х годов XX века, когда советское правительство вводит практику изучения национального языка в начальных классах. Так, А.В. Ахметова, исследуя эволюцию системы воспитания и образования малочисленных народов Дальнего Востока в 1960-е – начале 1980-х гг., выделила их значительные изменения под влиянием внешних факторов, однако, подчеркнула, что традиционные элементы воспитания сохранились и продолжают играть важную роль в формировании национальной идентичности нанайцев. Автор описал результат адаптации нанайского алфавита, так как появился отдельный предмет изучения родного языка [6, с. 119].

Трансляция, передача из поколения в поколение народной культуры, остается одной из основных проблем в воспитании. Профессор С.Ф. Карабана выделила специфику танцев, которая выполняет функцию образовательную, воспитательную и развлекательную. Выделила значение культа природы, верования нанайцев через такие сюжеты, как «Родные Амурские просторы», «танец шамана» [8, с. 63].

Вопросами изучения физического воспитания с использованием природных ресурсов, спецификой северного многоборья занимался В.И. Прокopenко. «Игры народов Севера отличаются универсальностью и комплексностью, развивают жизненно важные двигательные способности, закаляют и укрепляют здоровье, формируют характер» [9, с. 22].

Результаты.

Современные особенности воспитания нанайцев представляют собой сочетание традиционных методов и инновационных подходов. Так, сохранение языка необходимо не только для поддержания культурного разнообразия, но и для обеспечения права народа на сохранение своей идентичности и самовыражения. Вторым учебника нанайского языка для детей, организатор учебно-методических уроков нанайского языка в советское время является Н.Б. Киле [7].

На сегодняшний день культуру нанайцев Приамурья изучают в рамках программы «Возрождение этнических традиций», которая внедрена во всех детских садах, школах национальных сел Хабаровского края. Воспитание национальной идентичности – это процесс формирования индивидом чувств принадлежности к определенной этнической группе, создавая основу для коллективной памяти и самосознания через культурные мероприятия, национальные фестивали, выставки, концерты. На поставленном репертуаре сегодня воспитываются и сами участники коллективов, их родители, зрители.

Передача опыта танцевального искусства подрастающему поколению сейчас происходит через хореографа, учреждения культуры и образования, где на основе обращения к истокам традиционной нанайской культуры, языку, истории, фольклора, декоративно-прикладного искусства развивают чувство национальной гордости. Руководители, при создании нового сюжета, основываются на научную литературу с описанием обычаев, ритуалов своего народа. Повышает интерес к нанайской культуре создание фильмов, мультимедиа на родном языке. Для изучения родного языка взрослому поколению проводят занятия в учебном заведении города Хабаровск.

Заключение.

Несмотря на утрату некоторых традиционных элементов, возникают новые формы культурной экспрессии, такие как современная музыка, литература, отражающие опыт и мировоззрение нанайцев в новых условиях.

Под влиянием советской политики, индустриализации, естественных изменений, этнических факторов происходит изменение и в топонимике нанайцев. Эти последствия приводят к замене нанайских топонимов русскими аналогами, русификации, изменением в бытовой речи, переименованию некоторых объектов.

Как малочисленный коренной народ, нанайцы имеют особый правовой статус в Российской Федерации, и по законодательству предусмотрены меры по защите их прав, включая право на пользование природными ресурсами, сохранение традиционного образа жизни и развитие культуры. Также осуществляются программы поддержки национального языка [10, с. 210].

Таким образом, национальная идентичность нанайцев основывается на глубоких культурных, исторических и духовных корнях, которые проявляются в языке, традициях, искусстве и отношении с природой. Развитие этих аспектов через воспитание остается приоритетной задачей для нанайского народа, стремящегося к сохранению своей уникальной идентичности в условиях современного мира.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Прокопенко В.И. Этнопедагогика нивхов Приамурья и Сахалина (XIX – начало XXI в.). Владивосток : Дальнаука, 2024. 198 с.
2. Шабурова О.А. Воспитание в нанайской семье середины XIX – начала XX вв. : монография. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-н/А гос. пед. ун-та, 2004. 198 с.
3. Сем Ю.А. Жанровая классификация фольклора нанайцев / Ю.А. Сем // Фольклор и этнография народов Севера. 1986. С. 30–51.
4. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / Авторы-сост. С.В. Березницкий, Е.А. Гаер, С.Ф. Карабанова; редколлегия В.А. Тураев (отв. ред.) [и др.] ; Российская Академия Наук. Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. СПб. : Наука, 2003. 324 с.
5. Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Reports in English (November 6, 2024. Beijing, PRC) Historiography of the study of Nanai culture. Belaya E.G. 2024 年 11 月 6 日, 中国北京 November 06, 2024. Beijing : PRC. P. 66–70
6. Ахметова А.В. Эволюция системы воспитания и образования коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1960-е – начале 1980-х годы / А.В. Ахметова // Страницы истории России и Урала. 2014. С. 112–121.
7. Киле Н.Б. Нанай Хэсни. Нанайский язык. Учебник и книга для чтения во 2-ом классе / Н.Б. Киле, Л.И. Сем, Е.А. Гаер. М. : Просвещение, 1980. 315 с.
8. Карабанова С.Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. Издательство «Наука». М., 1979. 140 с.
9. Прокопенко В.И. Традиционное физическое воспитание нанайцев: игры и состязания. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 1992. 112 с.
10. Сохранение родных языков и культур как фактор повышения благополучия и качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ / Сост. Е.Н. Агапова, О.А. Граничина, С.Ю. Трапицын; Отв. сост. М.В. Жарова [и др.]. СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (РГПУ), 2022. 240 с.

References:

1. Prokopenko V.I. Ethnopedagogy of the Nivkhs of the Amur Region and Sakhalin (19th-early 21st century). Vladivostok : Dalnauka, 2024. P. 198
2. Shaburova O.A. Education in a Nanai family in the mid-19th - early 20th centuries : monograph. Komsomolsk-on-Amur : Publishing house of the Komsomolsk-on-Amur state pedagogical university, 2004. P. 198
3. Sem Yu.A. Genre classification of Nanai folklore / Yu.A. Sem // Folklore and ethnography of the peoples of the North. 1986. P. 30–51.
4. History and culture of the Nanai: historical and ethnographic essays / Authors-compilers S.V. Bereznitsky, E.A. Gaer, S.F. Karabanova; Editorial board V.A. Turaev (executive editor) [et al.]; Russian Academy of Sciences. Far Eastern Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. SPb. : Science, 2003. P. 324.
5. Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Reports in English (November 06, 2024. Beijing, PRC) Historiography of the study of Nanai culture. Belaya E. G. 2024 年 11 月 6 日, 中国北京 November 06, 2024. Beijing : PRC. P. 66–70.

6. Akhmetova A.V. Evolution of the system of upbringing and education of indigenous peoples of the Far East in the 1960s – early 1980s / A.V. Akhmetova // Pages of the history of Russia and the Urals. 2014. P. 112–121.
7. Kiele N.B. Nanai Hasni. Nanai language. Textbook and book for reading in 2nd grade / N.B. Kile, L.I. Sem, E.A. Gaer. M. : Prosveshchenie, 1980. P. 315.
8. Karabanova S.F. Dances of small peoples of the southern Far East of the USSR as a historical and ethnographic source. Nauka Publishing House. M., 1979. P. 140.
9. Prokopenko V.I. Traditional physical education of the Nanai: games and competitions. Yekaterinburg : Ural. Un-ty Publishing House, 1992. P. 112.
10. Preservation of native languages and cultures as a factor in improving the well-being and quality of life of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation / Compiled by E.N. Agapova, O.A. Granichina, S.Yu. Trapitsyn; Responsible. compiled by M.V. Zharova [et al.]. SPb. : Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (RSPU), 2022. P. 240.

Информация об авторе

Белая Евгения Григорьевна

кандидат исторических наук,
доцент,
старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
belaya25@mail.ru

Evgeniya G. Belaya

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch
of the Russian Academy of Sciences
belaya25@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-3>
УДК 902/904

Attribution
cc by

О СТАТУСЕ «ВСАДНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ» ИЗ СИНДСКИХ И МЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Берлизов Н.Е.¹, Берлизов А.Н.²

¹Краснодарский государственный институт культуры,

²Институт археологии Российской академии наук

Аннотация. В последние годы в исследованиях по скифо-сарматской археологии все больше внимания уделяется совместным погребениям людей с лошадьми (т.н. «всаднических»). В связи с этим, актуально исследование статуса таких захоронений «варваров» эпохи раннего железа Западного Предкавказья. Исследование массива, состоящего из 1771 погребения второй пол. IX в. до н.э. – IV в. н.э., позволило выявить различные варианты «всаднических» захоронений. Изучение динамики развития этих погребальных практик в рамках периодизации, предложенной для меотской культуры Н.В. Анфимовым, позволяет утверждать, что обряды «всаднических» погребений у синдов и меотов являлись более сложными, чем традиции захоронения их сородичей. Сопоставление материалов из синдских и меотских могильников с погребальными памятниками других культур позволяет утверждать, что традиция совместного захоронения лошади и человека в регионе имела автохтонное происхождение. Можно предположить, что так называемые «всаднические погребения» были оставлены представителями варварского общества, основным занятием которых были грабительские набеги («балцы» Нартовского эпоса).

Ключевые слова: археология, скифо-сарматская эпоха, ранний железный век, погребальный обряд, погребения всадников, меоты, синды, Западный Кавказ.

ON THE STATUS OF «HORSEMAN BURIALS» FROM SIND AND MEOTIAN BURIAL GROUNDS OF THE WESTERN CAUCASUS

Nikolay E. Berlizov¹, Alexander N. Berlizov²

¹Krasnodar State Institute of Culture,

²Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

Abstract. In recent years, research on Scythian-Sarmatian archaeology has increasingly focused on the joint burials of people with horses (the so-called «horsemen»). In this regard, it is important to study the status of such burials of «barbarians» of the Early Iron age of the Western Caucasus. The study of an array consisting of 1771 second-floor burials. IX century BC – IV century AD, it allowed to identify various variants of «horseman» burials. The study of the dynamics of the development of these funeral practices within the framework of the periodization proposed for the Maeotian culture by N.V. Anfimov suggests that the rituals of «horseman» burials among the Sinds and Maeots were more complex than the burial traditions of their relatives. A comparison of materials from Sind and Maeotian burial grounds with funerary monuments of other cultures suggests that the tradition of joint burial of a horse and a man in the region had an autochthonous origin. It can be assumed that the so-called «horseman burials» belonged to a stratum of people whose main occupation was predatory raids (the «baltz» of the Nart epic).

Keywords: archeology, the Scythian-Sarmatian Era; Early Iron Age, burial rite, riders' burials, Meotians, Sinds, Western Caucasus.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора» № 23-18-00196.

Введение.

Наступление эпохи железа в Северо-Западном Предкавказье связано с серией новаций в погребальных традициях оседлого населения. Прежде

всего, резко возрастает само количество погребений. Если для финала эпохи поздней бронзы в регионе известно около полутора десятков погребений белозерского типа, впущенных в более древние курганы [1, с. 28], то для начала эпохи

перехода от бронзы к железу известно 27 грунтовых могильников протомеотской культуры [1, с. 37–55]. При этом только в Николаевском могильнике начального этапа протомеотской культуры исследовано 47 погребений [2]. Кроме того, доминировавший до этого в регионе подкурганый обряд погребения вытесняется бескурганым, со скорченным положением погребенных всё более успешно конкурирует вытянутое на спине, в погребениях более не встречается охра, богаче становятся керамические наборы, больше становится изделий из металла.

К числу таких новаций можно отнести и появление захоронений, в которых вместе с погребенным помещались останки коня, часто взнузданного, либо взнузданного черепа и костей ног коня, которые считаются остатками конского чучела. Кроме этого, в могильниках Прикубанья и Закубанья встречаются отдельные захоронения коней и конских «чучел» с уздой. При этом новая традиция фиксируется с самого начала существования протомеотской культуры. Так, конские костяки и «чучела» обнаружены в погребениях 6, 9, 25, 31 и 35 могильника Фарс/Клады, датированных раннечерногородским временем или концом IX – первой пол. VIII в. до н.э. [1, с. 172, 187, 3]. Им синхронны погребения конских «чучел» № 3, 28, 35, 38, 61, 83, 93 из раскопок А.А. Сазонова [1, с. 174; 4] и найденные в наборе с элементами упряжи кости лошади в п. 31 Николаевского могильника [2, с. 118]. В дальнейшем эта погребальная традиция фиксируется в могильниках меотской культуры вплоть до римского времени.

Сравнительно недавно традиция подобных захоронений в скифо-савроматском мире была исследована в монографии М.А. Очир-Горяевой [5].

Открытие серии «всаднических» погребений второй-третьей четв. V в. до н.э. в некрополе

Волна 1 позволило вернуться к теме возникновения этой погребальной традиции на Азиатском Боспоре [6]. В свете вышесказанного обращение к её проявлениям в мире оседлых племён Северо-Западного Кавказа кажется вполне актуальным и оправданным.

Обсуждение. Результаты.

Итак, был обработан массив из 1771 захоронения оседлых племен Прикубанья и Закубанья второй пол. IX в. до н.э. – IV в. н.э. В настоящее время древнейшие из них (вторая пол. IX – первая пол. VII вв. до н.э.) объединяются в рамках протомеотской, а остальные – меотской АК. В последнее время наметилась тенденция к обособлению памятников обитавшего между Кизилташским лиманом и р. Адагум оседлого населения Закубанья эпохи РЖВ, оставившего специфические «каменные некрополи», которое ассоциируется с синдами, торетами и керкетами античных источников [7; 8, с. 254–256; 9, с. 56–61].

Простейший частотный анализ показывает, что погребения, содержащие элементы конской упряжи либо подзахоронения коней и конских «чучел» не являются редким исключением в протомеотской и меотской погребальной традиции. Так, анализ всей исследованной выборки дал следующие результаты: из 1771 погребения элементы упряжи содержали 129 (7,3 %), а подзахоронения боевых коней либо «чучел» – 133 погребения (7,5 %), в том числе «чучела» коней – 36 погребений (2 %). Результаты дифференциации исследуемого массива в культурном и хронологическом плане в соответствии с периодизацией, предложенной для меотской культуры Н.В. Анфимовым [10] и подтвержденной Н.Е. Берлизовым [11] приведены в таблице 1.

Таблица 1

Частотный анализ выборки погребений оседлого населения Западного Предкавказья эпохи РЖВ по степени представленности в них элементов конской упряжи и подзахоронений боевых коней либо конских «чучел»

1	Общий объем выборки	Детали упряжи	Подзахоронения коней и «чучел»	В том числе подзахоронения «чучел» коней
2	3	4	5	
Протомеотская и меотская АК в целом	1011 (100 %)	94 (9,3 %)	103 (10,2 %)	28 (2,8 %)
Протомеотская АК (вторая пол. IX – первая пол. VII вв. до н.э.)	161 (100 %)	23 (14,3 %)	11 (6,8 %)	7 (4,3 %)
Меотская АК в целом (вторая пол. VII в. до н.э. – первая пол. III в.н.э.)	850 (100 %)	71 (8,3 %)	92 (10,8 %)	21 (2,47 %)
Меотская АК Раннемеотский период (вторая пол. VII–V вв. до н.э.)	132 (100 %)	14 (10,6 %)	18 (13,6 %)	10 (7,6 %)
Меотская АК Меотский период (IV в. до н.э.)	223 (100 %)	11 (4,9 %)	13 (5,8 %)	3 (1,3 %)
Меотская АК Среднемеотский период (III – первая пол. I вв. до н.э.)	395 (100 %)	25 (6,3 %)	38 (9,6 %)	5 (1,3 %)
Меотская АК Позднемеотский период (вторая пол. I в. до н.э. – сер. III в.н.э.)	100 (100 %)	21 (21 %)	23 (23 %)	3 (3 %)
Синдо-торетская группа в целом (вторая пол. VII в. до н.э. – IV в.н.э.)	760 (100 %)	35 (4,6 %)	30 (3,9 %)	8 (1,05 %)
Синдо-торетская группа Раннемеотский период (вторая пол. VII–V вв. до н.э.)	464 (100 %)	22 (4,7 %)	12 (2,6 %)	8 (1,7 %)

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Синдо-торетская группа Меотский период (IV в. до н.э.)	49 (100 %)	1 (2 %)	2 (4 %)	—
Синдо-торетская группа Среднемеотский период (III – первая пол. I вв. до н.э.)	49 (100 %)	1 (2 %)	2 (4 %)	—
Синдо-торетская группа Позднемеотский период (вторая пол. I в. до н.э. – IV в.н.э.)	200 (100 %)	12 (6 %)	16 (8 %)	—
Всего	1771 (100 %)	129 (7,3 %)	133 (7,5 %)	36 (2 %)

Обращает на себя внимание значительное количество захоронений с «чучелам» коней в прото-меотской выборке – 7 погребений (4,3 %). Кроме того, как уже отмечалось, в могильнике Пшиш I выявлено 15 погребений «чучел» коней с упряжью [4, с. 84]. Учет этих комплексов повышает долю погребений с «чучелами» в данной группе до 12,5 %. Чисто-конские погребения известны также на прото- и раннемеотском участке Псекупского могильника [12, с. 22]. Достаточно много погребений с «чучелами» – 10 (7,6 %) – отмечено и для выборки меотской АК раннемеотского периода. При этом в погребении 5 Келермесского грунтового могильника находились как захоронение коня, так и «чучело». В ранней группе Уляпского могильника зафиксированы 6 отдельных конских погребений [13, с. 71].

Для меотского и среднемеотского периодов в целом характерно снижение доли погребений с элементами упряжи и подзахоронениями «чучел». При этом к финалу меотского периода относится конское погребение 15 из раскопа III 1982 года могильника гор. № 3 у х. им. Ленина [14, с. 37]. В среднемеотский период погребения лошадей зафиксированы в Усть-Лабинском могильнике № 2, вышеупомянутом могильнике городища №3 у хут. им. Ленина и Тенгинском могильнике, причём в двух последних памятниках костяк лошади мог сопровождаться останками принесённого в жертву человека [14, 15, с. 170; 16, с. 12–13, 70–71, 87–88, 101, 122–124]. В позднемеотский период можно констатировать «ренессанс» традиции захоронений людей с элементами упряжи либо с боевыми конями и

«чучелами»: они составляют более 1/5 от всего количества комплексов данной эпохи.

Несколько иную картину дает анализ «каменных некрополей» синдов, торетов и керкетов. Здесь конская упряжь и подзахоронения боевых коней и «чучел» встречаются гораздо реже, чем в могильниках протомеотской и меотской культур. «Чучела» фиксируются только в комплексах раннемеотского периода и представлены гораздо скромнее, чем у оседлых племен Прикубанья, Центрального и Восточного Закубанья. Вместе с тем, в позднемеотский период, также, как в синхронных могильниках «классической» меотской культуры вырастает процент погребений, содержащих элементы упряжи и/или подзахоронения лошадей, а в Цемдолине и Широкой Балке фиксируются отдельные конские захоронения [17, с. 117–118, 18, с. 219–225].

О статусе людей, погребённых с деталями упряжи либо с лошадьми или «чучелами», помогает судить многомерный анализ. Итак, в целом в исследованной выборке эти элементы обряда устойчиво сочетались с наличием в погребении металлических сосудов, в том числе золотых, либо серебряных, элементов защитного вооружения и нашивных бляшек, в том числе золотых и серебряных. Перечисленный набор характеристик традиционно ассоциируется с элитными захоронениями. Кроме того, они тесно связаны с погребениями подбойно-катакомбного типа. Выяснилось, что эти особенности обряда в целом характерны именно для «всаднических» погребений, о чём наглядно свидетельствуют данные из таблицы 2.

Таблица 2

Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях оседлого населения Западного Предкавказья эпохи РЖВ

	1	2	3	4	5	6	7
Обычные погребения	1596 (100 %)	10 (0,6 %)	2 (0,1 %)	1 (0,06 %)	2 (0,1 %)	19 (1,2 %)	11 (0,68 %)
«Всаднические» погребения	175 (100 %)	23 (13,1 %)	13 (7,4 %)	6 (3,4 %)	13 (7,4 %)	13 (7,4 %)	12 (6,8 %)

В протомеотских погребениях интересующие нас элементы обряда оказались связаны, помимо других, с наличием в погребениях таких явных выделителей их статуса, как стрелковое и клинковое (ударное оружие, и вотивных каменных и бронзовых топоров. Таблица 3 демонстрирует доминирование этих деталей обряда именно во «всаднических» погребениях.

Для меотских погребений Прикубанья, Центрального и Восточного Закубанья характерна устойчивая корреляция подзахоронений лошадей или «чучел» с планом и разрезом погребального сооружения камерного типа (подбой, катакомбы, каменные и черепяные гробницы, наличием/отсутствием в составе погребального инвентаря стеклянных столовых и металличе-

ских (в том числе золотых и серебряных сосудов, элементов защитного доспеха, предметов упряжи из драгоценных металлов, бус, застежек и украшений из драгоценных металлов, ножа с костями жертвенных животных. Почти все эти элементы погребального обряда традиционно

ассоциируются с прижизненным статусом погребённых. Как можно убедиться из данных, представленных в таблице 4, вновь эти особенности обряда преобладают именно во «всаднических» погребениях.

Таблица 3.

Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях протомеотской культуры

	1	2	3	4
Обычные погребения	138 (100 %)	2 (1,4 %)	2 (1,4 %)	1 (0,7 %)
«Всаднические» погребения	23 (100 %)	1 (4,3 %)	6 (26 %)	2 (8,7 %)

1 – всего погребений, 2 – стрелковое оружие, 3 – клинковое и ударное оружие, 4 – каменный или бронзовый топор.

Таблица 4

Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях меотской культуры

	1	2	3	4
Обычные погребения	138 (100 %)	2 (1,4 %)	2 (1,4 %)	1 (0,7 %)
«Всаднические» погребения	23 (100 %)	1 (4,3%)	6 (26 %)	2 (8,7 %)

В синхронных памятниках синдгов и керкетов Западного Закубанья. наличие в погребении деталей упряжи, костяка или «чучела» коня коррелирует с конструкцией погребального сооружения; наличием подсыпок на полу могилы; кувшина в кремации; сосудов из драгоценных и недорогих металлов; элементов стрелкового вооружения; золотых или серебряных деталей конской упряжи, бляшек, застежек, пряжек, особых деталей костюма; диадем и ворворок; крупных инструментов; амулетов; атрибутов культа и частей туш КРС, коня, либо свиньи в составе за-

упокойной пищи. Как и в ситуации с «классическими» меотскими памятниками в этом наборе доминируют элементы обряда, связанные с положением человека в обществе. Как следует из таблицы 5, в большинстве случаев эти характеристики обряда вновь уверенно преобладают во «всаднических» погребениях за тремя исключениями. Особые детали костюма (диадемы) из драгоценных металлов, крупные орудия труда и кости свиньи в этой группе представлены только в комплексах, не содержащих ни деталей упряжи, ни целых костяков, ни «чучел» коней.

Таблица 5

Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях «каменных некрополей»

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Обычные погребения	713 (100 %)	0	21 (2,9 %)	0	1 (0,1 %)	1 (0,1 %)	57 (8 %)	0	6 (0,8 %)	5 (0,7 %)	7 (1 %)	2 (0,3 %)	5 (0,7 %)	1 (0,1 %)	7 (1 %)	8 (1,1 %)	15 (2,1 %)	2 (0,3 %)
«Всаднические» погребения	47 (100 %)	1 (2,1 %)	4 (8,5 %)	1 (2,1 %)	1 (2,1 %)	1 (2,1 %)	23 (48,9 %)	2 (4,2 %)	5 (10,6 %)	2 (4,2 %)	3 (6,4 %)	0	4 (8,5 %)	0	1 (2,1 %)	1 (92,1 %)	4 (8,5 %)	0

Интересны результаты исследования статуса «всаднических» захоронений оседлого населения Западного Предкавказья по хронологическим срезам. Итак, в выборку раннемеотского времени (вторая пол. VII–V вв. до н.э.) вошло 596 комплексов, в том числе 49 – содержащих элементы упряжи и/или костяки коней либо «чучела». Эти элементы обряда взаимосвязаны, в первую очередь, с полом погребённых, наличием элементов стрелкового и древкового вооружения, атрибутов культа, румян и частей туш КРС, либо лошади. При этом в выборке «невсаднических» погребений останки мужчин и

женщин распределяются примерно поровну (пол определен в 104 случаях), а вот во «всаднической» группе уверенно преобладают мужские захоронения. Стрелковое и древковое оружие, атрибуты культа и румяна во «всаднических» погребениях встречаются гораздо чаще, нежели в остальных. Кроме того, в погребениях с элементами упряжи, подзахоронениями коней или «чучел», отсутствуют части туш КРС, представленные в остальных погребениях, но могут встречаться, наряду с целым костяком коня конские же череп, либо кости ног. Е.Е. Кузьмина уже отмечала, что состав жертвенной мясной пищи

являлся четким социальным маркером в погребениях индоариев ведийского периода [19, с. 76]. Та же закономерность прослежена одним из ав-

торов у носителей савроматской культуры [20]. (табл. 6).

Таблица 6

Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях раннемеотского периода (вторая пол. VII–V вв. до н.э.)

	1	2а	2б	3	4	5	6	7
Обычные погребения	547 (100 %)	58 (55,8 %)	46 (44,2 %)	57 (10,4 %)	70 (12,8 %)	5 (0,9 %)	17 (3,1 %)	16 (2,9 %)
«Всаднические» погребения	49 (100 %)	20 (83,3 %)	4 (16,7 %)	25 (51 %)	28 (57,1 %)	4 (8,2 %)	3 (6,1 %)	10 (20,4 %)

Для меотского периода (IV в. до н.э.) из 272 исследованных комплексов можно выделить 16 «всаднических». Наличие/отсутствие в погребении элементов упряжи и конских подзахоронений в этой группе вновь связано с половой принадлежностью погребенных, а также присутствием в могиле подсыпок, металлических сосудов, элементов стрелкового, древкового и защитного вооружения, нашивных бляшек (в том числе из драгоценных металлов), золотых и серебряных украшений, пряжек, зеркал, амулетов-раковин и ножа с костями жертвенных животных. В этот период, как и в предыдущий, во «всаднической»

выборке процент мужских захоронений оказывается выше, чем в остальных погребениях. Последние никогда не содержат металлических сосудов, встречающихся во «всаднических» погребениях. В свою очередь, с элементами упряжи, либо подзахоронениями коней или «чучел», никогда не сочетаются находки пряжек. Стрелковое и древковое оружие, защитный доспех, золотые украшения, зеркала, амулеты из раковин, ножи с костями жертвенных животных характерны, в первую очередь, для «всаднических» погребений (табл. 7).

Таблица 7

Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях меотского периода (IV в. до н.э.)

	1	2	3а	3б	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Обычные погребения	256 (100 %)	5 (2 %)	30 (66,6 %)	15 (33,3 %)	0	0	24 (9,4 %)	32 (12,5 %)	2 (0,8 %)	2 (0,8 %)	1 (0,4 %)	3 (1,2 %)	1 (0,4 %)	8 (3,1 %)	3 (1,2 %)	15 (5,9 %)
«Всаднические» погребения	16 (100 %)	2 (12,5 %)	13 (92,8 %)	1 (7,2 %)	2 (12,5 %)	2 (12,5 %)	6 (37,5 %)	7 (43,7 %)	1 (7,2 %)	3 (18,7 %)	3 (18,7 %)	3 (18,7 %)	0	3 (18,7 %)	1 (7,2 %)	4 (25 %)

К среднемеотскому периоду (III – середина I вв. до н.э.) относится 442 исследованных комплекса. Из них 42 содержат упряжь и подзахоронения лошадей либо «чучел». Они демонстрируют взаимосвязь этих признаков обряда с конструкцией могильной ямы, перекрытия (заклада) погребальной камеры; присутствием в составе инвентаря кубышки, стеклянных столовых сосудов, украшений из драгоценных металлов, золотого шитья, ножа с костями жертвенных животных. Оказывается, что только «всаднические» погребения могли совершаться не только в обычных грунтовых ямах, но и в ямах с одним большим

заплетиком (предназначенным, как раз, для размещения туши коня). Погребальные камеры в таких погребениях закрывались только деревом, а в остальных могли закрываться и камнем. В погребениях, содержащих костяк или «чучело» коня и/или детали упряжи никогда не встречаются кубышки, представленные в остальных погребениях, зато в порядке чаще фиксируются стеклянные столовые сосуды, золотые и серебряные украшения, ножи с костями жертвенных животных. Только во «всаднических» погребениях встречается золотое шитьё (табл. 8).

Таблица 8

Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях среднемеотского периода (III – середина I вв. до н.э.)

	1	2	3	4	5	6	7	8
Обычные погребения	400 (100 %)	21 (5,25 %)	4 (1 %)	12 (3 %)	1 (0,25 %)	6 (1,5 %)	0	17 (4,25 %)
«Всаднические» погребения	42 (100 %)	4 (9,5 %)	2 (4,8 %)	0	3 (7,1 %)	5 (11,9 %)	2 (4,8 %)	13 (30,9 %)

Обращаясь к выборке позднемеотского периода (300 погребений), можно отметить следующие закономерности. Присутствие в погребении подзахоронения коня или «чучела» и элементов упряжи для этого времени взаимосвязано с конструкцией могил подбойно-катакомбного типа, присутствием в составе инвентаря сосудов из металла (в том числе – драгоценного), элемен-

тов стрелкового и защитного вооружения и бляшек из драгоценных металлов. Все эти детали обряда хорошо представлены во «всаднических» погребениях и крайне скромно – в остальных. Элементы защитного вооружения вообще встречены только во «всаднических» погребениях (табл. 9).

Таблица 9

Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях позднемеотского периода (середина I в. до н.э. – IV в.н.э.)

	1	2	3	4	5	6	7
Обычные погребения	255 (100 %)	7 (2,7 %)	1 (0,4 %)	1 (0,4 %)	6 2,3 %	0	5 (2 %)
«Всаднические» погребения	45 (100 %)	15 (33,3 %)	4 (8,9 %)	4 (8,9 %)	5 (11,1 %)	11 (24,4 %)	11 (24,4 %)

Заключение.

Можно констатировать, что на протяжении всего раннего железного века в могильниках оседлого населения Западного Предкавказья выделяются захоронения людей, которых хоронили с деталями конской упряжи, верховыми конями либо их «чучелами». Это, как правило, мужчины, для которых могли устраиваться более сложные, чем для их сородичей, могилы, в которые чаще, чем остальным, помещали оружие, золотые и серебряные украшения, металлические и стеклянные сосуды и атрибуты культа.

Появление на Кавказе в эпоху перехода от бронзового века к железнному традиции захоронения людей с предметами упряжи, взнузданным конём или «чучелом» проще всего было бы объяснить кочевническим влиянием. Однако анализ степных древностей предскифской эпохи, опубликованных в сводках А.И. Тереножкина [21], В.Е. Максименко [22], С.И. Лукьяшко [23], В.В. Дворниченко [24] и Б.Ф. Железчикова [25], демонстрирует практически полное отсутствие совместных и раздельных погребений людей и лошадей. Ту же картину являют погребения степной Скифии эпохи архаики [26]. Ситуация меняется, когда киммерийцы и скифы попадают в Предкавказье. В VIII в. до н.э. совершаются погребения киммерийских вождей-колесничих в курганах № 1 и 2 в группы Уашхиту I, во второй половине VII–VI вв. раннескифские погребения в I Разменном кургане у ст. Костромской, Келермесских, Ульских и Нартанских курганах, содержавшие захоронения взнузданных коней. Как отмечалось выше, в протомеотских могильниках Закубанья погребения взнузданных коней и «чучел» фиксируются с конца IX – начала VIII вв. до н.э.

Таким образом, традицию «всаднических» погребений эпохи железа для Западного Предкавказья можно считать автохтонной. Вероятно, именно здесь эту традицию могли заимствовать кочевники в ходе походов в Закавказье и на Ближний Восток.

Симптоматично и то, что семантика данной особенности обряда достаточно логично раскрыва-

ется через один из сюжетов Нартовского эпоса осетин. Речь идёт об описании путешествия нарта Созырыко в Страну мёртвых [27, XVIII, 50]. В поисках чудесного Азан-листа нарт отправляется в заупокойный мир на коне. На обратном пути бесы по наущению коварного нарта Сырдона убивают коня, прострелив ему копыта – единственное уязвимое место. Издыхая, конь предлагает снять с него шкуру и набить соломой с тем, чтобы в таком виде доставить Созырыко домой. Герой следует совету, и «в семь раз лучше того, чем был, стал конь» [27, XVIII, 50]. В унисон с этим выступает описание осетинского обряда посвящения коня покойному, зафиксированное В.Ф. Миллером. «Цель его именно та, чтобы покойник имел коня в загробном мире и мог доехать благополучно доехать до места ему предназначенного» [28, с. 136–137]. Интересен и другой осетинский обряд, также описанный В.Ф. Миллером: сидение мёртвых или мёрдтв бадан, в ходе которого вдова, родственники и знакомые покойного поминали его в присутствии чучела последнего, наряженного в его одежду [29, с. 481]. Чучело покойного в данном ритуале явно воспринималось как вместилище для его души, прибывшей на «побывку» к родственникам.

В свете этого, можно предположить, что конь, посвящавшийся покойному и захороненный вместе с ним, мог рассматриваться в качестве своего рода транспортного средства для доставки хозяина в загробный мир. В свою очередь, конское чучело могло выступать в качестве доставщика души умершего из Страны мёртвых в мир живых в поминальные дни. При этом данной привилегией пользовались не все усопшие, о чем свидетельствуют не только материалы погребений, но и упомянутая выше осетинская версия Нартиады. В ней, помимо путешествия в Страну мёртвых нарта Созырыко, описан подобный подвиг нарта Сослана, совершившего вояж в загробный мир и обратно уже пешком [27, XVIII, 51].

Непротиворечивое объяснение из кавказского эпоса погребальной практики, существовавшей на Кавказе, начиная с предскифского времени, и задержавшейся в регионе вплоть до монгольско-

го времени ещё больше утверждает нас во мнении о её местном происхождении.

Возвращаясь к вопросу о статусе «всаднических» погребений оседлого населения Западного Предкавказья, можно предположить, что они принадлежат сформировавшейся в рассматриваемую эпоху прослойке людей, основным занятием которых стали грабительские набеги – «балцы» кавказской Нартиады. Подобные персонажи проживали совместно со своими родовыми группами, о чем свидетельствует рассеянность «всаднических» погребений по могильникам, в которых преобладают погребения без элементов упряжи и подзахоронений коней или

«чучел». Но уже с протомеотского времени в ряде случаев формируются объединения таких людей в рамках родовых групп. Это документируют материалы могильника Пшиш. Для раннескифского времени подобный пример даёт Келермесский грунтовый могильник. Примерно с конца III в. до н.э. формируются уже специализированные «дружинные» кладбища, первый пример которого демонстрирует могильник в Мезмае [30–33]. Развитием этой тенденции является могильник у хут. Городского I–II вв. [34, 35]. Возможно, именно представители такого своеобразного военного сословия изначально обозначались в регионе термином «нарты».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М. : Наука, 2007. 430 с.
2. Анфимов Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского / Н.В. Анфимов // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгейское книжное издательство. 1961. Т. II. С. 103–126.
3. Лесков А.М. Могильник Фарс. Клады: Памятник перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе / А.М. Лесков, В.Р. Эрлих. М. : Гос. музей Востока, 1999. 162 с.
4. Сазонов А.А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I / А.А. Сазонов // Археология Адыгеи. Майкоп : Меоты. 1995. С. 84–107.
5. Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М. : Таус, 2012. 472 с.
6. Кашаев С.В. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 / С.В. Кашаев, Р.А. Мимоход, Н.И. Сударев // Археологические Вести. 2020. Вып. 30. С. 82–96.
7. Малышев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры / А.А. Малышев // Боспорский сборник. М. : НИАЦ «Архэ», 1995. Т. 6. С. 151–157.
8. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. Т. III) / Отв. ред. А.А. Малышев. М. : Гриф и К, 2010. 268 с.
9. Дмитриев А.В. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // Некрополи Черноморья / А.В. Дмитриев, А.А. Малышев; Отв. ред. А.А. Малышев. М. : Гриф и К. 2009. Т. III. С. 53–73.
10. Анфимов Н.В. Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе / Н.В. Анфимов; Eds. J. Philip Prague // Actes du VII-e Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. 21–27 aout 1966. Prague: Academia. 1971. Vol. 2. P. 865–870.
11. Берлизов Н.Е. О периодизации меотской культуры Прикубанья / Н.Е. Берлизов // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар : Издательство КГУКИ. 1999. С. 3–17.
12. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи / Н.Г. Ловпаче; Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп : Б.и., 1985. С. 16–64.
13. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы / А.М. Лесков, Е.А. Беглова, И.В. Ксенофонтова, В.Р. Эрлих. М. : Наука, 2005. 192 с.
14. Лимберис Н.Ю. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Н.Ю. Лимберис; Отв. ред. В.Б. Виноградов. Краснодар : КГУ, 1988. С. 35–54.
15. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 155–207.
16. Беглова Е.А. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника / Е.А. Беглова, В.Р. Эрлих. М.; СПб. : Нестор-История, 2018. 384 с.
17. Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя: монография (Некрополи Черноморья / Отв. ред. А.А. Малышев. М. : Гриф и К, 2008. Т. II. 302 с.
18. Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке (Некрополи Черноморья / Отв. ред. А.А. Малышев. М. : ИА РАН, 2011. Т. IV. 408 с.

19. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе : Илим, 1986. 135 с.
20. Берлизов Н.Е. Кости жертвенных животных из савроматских погребений как индикатор социального положения погребенного / Н.Е. Берлизов; Отв. ред. С.В. Сиротин // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола к юбилею доктора исторических наук М.Г. Мошковой. Институт археологии РАН. М., 2020. С. 32–43.
21. Тереножкин А.И. Киммерийцы. К. : Наукова думка, 1976. 224 с.
22. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д. : Изд-во РГУ, 1983. 224 с.
23. Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко // Донские древности. Вып. 7. Азов : Азовский краеведческий музей, 1999. 240 с.
24. Дворниченко В.В. Погребения предскифского времени на Нижней Волге / В.В. Дворниченко // Краткие сообщения института археологии. 1982. Вып. 170. С. 59–70.
25. Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 1998. 136 с.
26. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. К. : Наукова думка. 1984. 134 с.
27. Нарты. Героический эпос осетинского народа. Книга 2. М. : Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1989. 492 с.
28. Миллер В.Ф. Осетинские этюды / В.Ф. Миллер; Осетинские этюды. Владикавказ : Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. 1992. Ч. 1. С. 5–170.
29. Миллер В.Ф. Осетинские этюды / В.Ф. Миллер; Осетинские этюды. Владикавказ : Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. 1992. Ч. 2. С. 171–488.
30. Шевченко Н.Ф. «Полукенотаф» эпохи раннего железного века в грунтовом могильнике Мезмай 1. (Краснодарский край) / Н.Ф. Шевченко; Отв. ред. М.Б. Мужухоев // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас : Археологический центр им. Е.И. Крупнова, 2010. С. 365–370.
31. Шевченко Н.Ф. Элитное женское погребение в могильнике Мезмай 1 / Н.Ф. Шевченко; Отв. ред. Р.М. Мунчаев // Историко-археологический альманах. 2020. Вып. 15. Армавир; Краснодар; М. : ИА РАН; МУК «Армавирский краеведческий музей». С. 66–84.
32. Шевченко Н.Ф. Грунтовый могильник «Мезмай 1» / Н.Ф. Шевченко // Древности Кубани. 2020. Вып. 24. Ростов-на-Дону – Таганрог : Издательство Южного федерального университета. С. 47–88.
33. Шевченко Н.Ф. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) / Н.Ф. Шевченко, Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 115–152.
34. Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского / А.А. Сазонов; Отв. ред. Д.Х. Мекулов // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея» Комитета по печати и информации Республики Адыгея, 1992. С. 244–274.
35. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского / А.А. Сазонов, Ю.Н. Спасовский, З.Н. Сохтарьек, А.А. Тов; Отв. ред. П.А. Дитлер // Археология Адыгеи. Майкоп : Меоты. 1995. С. 113–137.

References:

1. Erlich V.R. The North-Western Caucasus at the beginning of the Iron Age: Proto-Gothic group of monuments. M. : Nauka. 2007. 430 p.
2. Anfimov N.V. Protomeotian burial ground of S. Nikolaevsky / N.V. Anfimov // Collection of materials on the archeology of Adygea. Maikop : Adyghe Book Publishing House. 1961. Vol. II. P. 103–126.
3. Leskov A.M. The burial ground of Fars. Treasures: A monument of the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Northwestern Caucasus / A.M. Leskov, V.R. Ehrlich. M. : State Museum of the East, 1999. 162 p.
4. Sazonov A.A. The early group of horse sacrifices of the proto-Gothic burial ground of Prysz-I / A.A. Sazonov // Archeology of Adygea. Maikop : Meots. 1995. P. 84–107.
5. Ochir-Goryaeva M.A. Ancient horsemen of the steppes of Eurasia. M. : Taus, 2012. 472 p.
6. Kashaev S.V. Burials with horses in the necropolises Volna 1 and Artyushchenko 2 / S.V. Kashaev, R.A. Mimokhod, N.I. Sudarev // Archaeological News. 2020. Iss. 30. P. 82–96.
7. Malyshev A.A. On the question of the Black Sea local group of the Meotian culture / A.A. Malyshev // Bosporan collection. M. : NIAC «Arche». 1995. Vol. 6. P. 151–157.
8. The population of archaic Syndics: based on the materials of the necropolis at the farm Dawn (Necropolis of the Black Sea region) / Ed. A.A. Malyshev. M. : Grif and K. 2010. Vol. III. 268 p.
9. Dmitriev A.V. The population of the foothills of the Northwestern Caucasus in the VIII–IV centuries BC / A.V. Dmitriev; Ed. by A.A. Malyshev // Necropolis of the Black Sea region. M. : Grif and K. 2009. Vol. III. P. 53–73.
10. Anfimov N.V. The main stages of the development of the Meotian culture of the Early Iron Age in the North-Western Caucasus / N.V. Anfimov; Eds. J. Philip Prague // Actes du VII-e Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. 21–27 aout 1966. Prague: Academia. 1971. Vol. 2. P. 865–870.
11. Berlizov N.E. On the periodization of the Meotian culture of Prikuban / N.E. Berlizov // Regional studies on national history and culture. Krasnodar : KGUKI Publishing House, 1999. P. 3–17.

12. Lovpache N.G. Burial grounds at the mouth of the Psekupsa River / N.G. Lovpache; Ed. by N.V. Anfimov // Questions of archeology of Adygea. Maikop : B.I, 1985. P. 16–64.
13. Meots of Zakuban in the middle of the VI – beginning of the III century BC: Necropolises near the village of Ulyap: burial complexes / A.M. Leskov, E.A. Beglova, I.V. Ksenofontova, V.R. Ehrlich. M. : Nauka, 2005. 192 p.
14. Limberis N.Y. Horse burials from the burial ground of the settlement № 3 near the Lenin farm / N.Y. Limberis; Ed. by V.B. Vinogradov // Problems of archeology and ethnography of the North Caucasus. Krasnodar : KSU, 1988. P. 35–54.
15. Anfimov N.V. Meoto-Sarmatian burial ground at the station Ust-Labinskaya / N.V. Anfimov // Materials and research on archaeology of the USSR. 1951. № 23. P. 155–207.
16. Beglova E.A. Meots of Zakuban in the Sarmatian period (based on the materials of the Tenginsky soil burial ground / E.A. Beglova, V.R. Ehrlich. M.; SPb. : Nestor-History, 2018. 384 p.
17. Aspurgians in the Southeast of the Asian Bosphorus: based on the materials of the Tsemdolin necropolis: monograph (Necropolises of the Black Sea region / Ed. by A.A. Malyshev. M.: Grif and K. 2008. Vol. II. 302 p.
18. The population of the foothills of the Northwestern Caucasus in the Roman era: based on the materials of the necropolis in the Wide Beam (Necropolis of the Black Sea region / Ed. by A.A. Malyshev. M. : IA RAS, 2011. Vol. IV. 408 p.
19. Kuzmina E.E. The oldest cattle breeders from the Urals to the Tien Shan. Frunze : Ilim, 1986. 135 p.
20. Berlizov N.E. Bones of sacrificial animals from Savromat burials as an indicator of the social status of the buried / N.E. Berlizov; Ed. by S.V. Sirotin // Early nomads of the Southern Urals and the Lower Volga region. Materials of the round table for the anniversary of the Doctor of Historical Sciences M.G. Moshkova. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. M., 2020. P. 32–43.
21. Terenozhkin A.I. The Cimmerians. K. : Naukova dumka, 1976. 224 p.
22. Maksimenko V.E. Savromats and Sarmatians on the Lower Don. Rostov-on/D. : Publishing House of Russian State University, 1983. 224 p.
23. Lukyashko S.I. The Pre-Scythian period on the Lower Don / S.I. Lukyashko // Don antiquities. Azov : The Azov Museum of Local Lore, 1999. Iss. 7. 240 p.
24. Dvornichenko V.V. Burials of the pre-Scythian time on the Lower Volga / V.V. Dvornichenko // Brief reports of the Institute of Archaeology. 1982. Iss. 170. P. 59–70.
25. Zhelezchikov B.F. Archaeological sites of the Ural region. Volgograd : Volga Publishing House. 1998. 136 p.
26. Murzin V.Yu. Scythian archaics of the Northern Black Sea region. K. : Naukova dumka, 1984. 134 p.
27. Sleds. The heroic epic of the Ossetian people. Book 2. M. : Nauka. The main editorial office of Oriental Literature, 1989. 492 p.
28. Miller V.F. Ossetian studies / V. Miller // Ossetian sketches. Vladikavkaz : North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. 1992. Part 1. P. 5–170.
29. Miller V.F. Ossetian studies / V. Miller // Ossetian sketches. Vladikavkaz : North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. 1992. Part 2. P. 171–488.
30. Shevchenko N.F. «Half-cenotaph» of the Early Iron Age in the underground burial ground of Mezmai 1. (Krasnodar Territory) / N.F. Shevchenko; Ed. by M.B. Muzhukhoviev // XXVI Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of the reports of the International Scientific Conference. Magas : Archaeological Center named after E.I. Krupnov, 2010. P. 365–370.
31. Shevchenko N.F. Elite female burial in the burial ground Mezmai 1 / N.F. Shevchenko; Ed. by R.M. Munchaev // Historical and archaeological almanac. Armavir; Krasnodar; M. : IA RAS; MUC «Armavir Museum of Local Lore», 2020. Iss. 15. P. 66–84.
32. Shevchenko N.F. Ground burial ground «Mezmai 1» / N.F. Shevchenko // Antiquities of Kuban. Rostov-on/D.; Taganrog : Southern Federal University Press, 2020. Iss. 24. P. 47–88.
33. Shevchenko N.F. Princely burial of the Hellenistic period in the Mezmai burial ground (North-Western Caucasus) / N.F. Shevchenko, Yu.P. Zaitsev, V.I. Mordvintseva // Bulletin of Ancient History. 2011. № 1. P. 115–152.
34. Sazonov A.A. Burial ground of the first centuries of our era near the village of Gorodskoy / A.A. Sazonov; Ed. D.H. Mekulov // Questions of archeology of Adygea. Maykop : Publishing, printing and bookselling Production Association «Adygea» of the Press and Information Committee of the Republic of Adygea, 1992. P. 244–274.
35. New materials of the burial ground of the first centuries of our era near the village of Gorodskoy / A.A. Sazonov, Yu.N. Spassovskiy, Z.N. Sokhtariyek, A.A. Tov; Ed. by P. A. Ditler // Archeology of Adygea. Maykop : Meots, 1995. P. 113–137.

Информация об авторах

Берлизов Николай Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории,
культурологии и музееведения,
Краснодарский государственный институт культуры
berlizov@mail.ru

Nikolay E. Berlizov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History,
Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute of Culture
berlizov@mail.ru

Берлизов Александр Николаевич
аспирант отдела классической археологии,
младший научный сотрудник отдела сохранения
археологического наследия,
Институт археологии РАН
berlizov-aleksandr@mail.ru

Alexander N. Berlizov
Postgraduate Student
of the Department of Classical Archaeology,
Junior Researcher at the Department
of Preservation of Archaeological Heritage,
Institute of Archaeology
of the Russian Academy of Sciences
berlizov-aleksandr@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-4>
УДК 93/94

Attribution
cc by

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Демидович Д.М., Ермилов К.А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам изучения повседневности. Авторы ставят своей целью не только провести сравнительный анализ терминов «повседневность», «повседневная жизнь» и «быт», но и выделить факторы, которые на них влияют. Предметом данного исследования выступает теоретическое осмысление этого концепта. Методологическую базу составляют принципы историзма, научной объективности и системности, что позволило, анализируя философские, антропологические и исторические труды сформировать целостный образ понятия «повседневность». Авторы приходят к выводу о том, что главным отличием терминов «быт» и «повседневность» является предмет исследования, в первом случае, исследователей интересует совокупность материальной культуры; в свою очередь, при изучении повседневности объектом исследования выступает человек. Таким образом, повседневность – это совокупность факторов, направленных на формирования комфортного физического и психологического существования индивида как биологического и социального существа.

Ключевые слова: повседневность, быт, повседневная жизнь, антропология, история повседневности, философия, теория повседневности, этнография.

EVERYDAYNES: THEORETICAL ASPECTS OF STUDY

Daria M. Demidovich, Kirill A. Ermilov

St. Petersburg State University of Economics

Abstract. The article is devoted to the theoretical aspects of studying everyday life. The authors aim to conduct a comparative analysis of the terms «everydayness», «everyday life», and «habitat», to identify the factors that influence it and to formulate a definition of the concept of «everyday life». The subject of the study is the theoretical understanding of this concept. The methodological basis of the study is the principles of historicism, scientific objectivity and systematicity. Thus, the main difference between the terms «habitat» and «everyday life» is the subject of the study; in the first case, researchers are interested in material culture, while in studying everyday life, the object of the study is a person. The authors come to the conclusion that everyday life is a set of factors aimed at forming a comfortable physical and psychological existence of an individual as a biological and social being.

Keywords: everydayness, habitat, everyday life, anthropology, history of everyday life, philosophy, theory of everyday life, ethnography.

Введение.

Последние десятилетия исследование повседневной жизни в исторической науке стало особенно популярно. Однако перед исследователями встает вопрос: Что же из себя представляет этот феномен?

Очертить границы повседневности достаточно сложно, поскольку практически у каждого индивида она разительно отличается даже в современном мире, не говоря уже об отличиях в исторической перспективе. Кроме этого, отличается мужская и женская повседневность, повседневная жизнь лиц разного возраста, повседневность представителей различных национальностей и т.д. Несмотря на это, повседневная жизнь всех групп имеет общие черты.

Цель данной статьи – выделить общие черты повседневности различных социальных, этниче-

ских, возрастных групп и сформировать определение понятия повседневность, повседневная жизнь, быт.

Чтобы достичь данной цели необходимо выполнить ряд задач:

1. Изучить представленные в различных исторических, антропологических и философских исследованиях определения понятий «повседневность», «повседневная жизнь», «быт».
2. Выявить и проанализировать факторы, влияющие на повседневность.

Обсуждение.

В современной историографической науке существует несколько понятий характеризующих повседневную жизнь социума и человека – быт, повседневность, повседневная жизнь. Все эти

термины имеют примерно одинаковое значение и часто используются как синонимы, но необходимо понимать, что с точки зрения науки они имеют отличия.

Термин «быт» характерен для работ дореволюционных и советских этнографов, и в самом широком смысле означает «уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе, нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии» [1, с. 63–65].

Дореволюционные «бытописатели» понимали этот термин очень широко и включали в него домашнее хозяйство во всех его проявлениях (т.е. быт вещественный), все формы досуга, торговлю, разрешение конфликтов и т.д. (т.е. быт житейский), обычаи и традиционное право (быт нравственный) и язык [2].

Таким образом из этого понятия исключались только политические события и отдельные социально значимые поступки известных личностей. Чаще всего, в трудах этнографов дореволюционного периода «имели место описания материального быта, причем той ее стороны, которая предстает обычному взору внешнего наблюдателя, без попыток объяснить мотивы бытового поведения людей, исходя из свойственного этим исследователям понимания окружающего их мира» [3, с. 24]. В советской историографии «бытописание» приобрело негативную коннотацию и стало означать «поверхностное, излишне натуралистическое изображение жизни» [3, с. 24]. В современной историографии нет единого представления о термине «быт».

В связи с широким распространением нового направления в историографии – истории повседневности, термин «быт» стал заменяться понятием «повседневность». Принято считать, что само понятие было введено в научный оборот Альфредом Шюцом, и он понимал под ним «мир, в котором я существую также, как другие люди, взаимодействуя с ними и с объектами окружающего мира, воздействуя на них, изменяя их, сам, в свою очередь, подвергаясь их воздействиям и изменениям» [4]. Однако представление современных ученых несколько изменилось и под повседневностью, чаще всего, понимают реальность, включающую привычные для человека ситуации и проблемы, а также пути их решения [5, с. 10]. При этом, уже начиная с первых исследований, посвященных повседневной жизни, понятия «повседневность» и «повседневная жизнь» являются тождественными.

Так, П. Бергер и Т. Лукман в исследовании «Социальное конструирование реальности» дают такое определение повседневной жизни – она «представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [6, с. 38].

М.М. Кром отмечает, что «универсального, на все случаи жизни пригодного понятия «повседневности» просто не существует. Это – условная конструкция, и она возникает в тот момент и обретает такие очертания, когда и какие разграничения мы приводим между сферами общественной жизни» [7, с. 12].

Важное значение имеет философское осмысление повседневности. Обращение к данному феномену позволяет понять то, что А. Шюц называл «запасом наличного знания» повседневности. Т.е. такого знания, которое является результатом накопленных действий и привычных сведений, присутствующих в нашем разуме пассивно, но готовых «к актуализации в любой момент» [8, с. 288]. Данная мысль А. Шюца, являясь разработкой концепта жизненного мира (*Lebenswelt*), позволяет увидеть основание и исток научных и социологических понятий. Как указывал Гуссерль, «жизненный мир всегда уже существовал для человечества до науки» [9, с. 169] и выступает фундаментом теоретического знания.

Особое значение в деле осмысления феномена повседневности имеет проект фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера «Бытие и время». В одной из своих лекций В.И. Молчанов высказал суждение о том, что именно в данном труде Хайдеггеру впервые за две с половиной тысячи лет истории мысли удалось дать философскую интерпретацию повседневности. Согласно Хайдеггеру, само бытие человека должно пониматься исходя из того, что «большой частью» [10, с. 16] мы присутствуем в мире, т.е. из повседневности. Необходимо остановиться на формах интерпретации фактического проживания жизни, логически предшествующих любым историческим и культурным условиям. Задача состоит в том, чтобы такое философское описание выражало бы единство и связь бытия с конкретными проявлениями человеческой повседневности. Хайдеггеру обращение к повседневности было нужно для того, чтобы выявить основания для подлинной постановки вопроса о смысле бытия как такого. Повседневность представляется в основных экзистенциалах человеческого бытия. Прежде всего, в *расположенности*, как нахождении себя в мире. А также, в *понимании*, как исходной и неотъемлемой интерпретации всего происходящего с нами. Но, целостно и наиболее «глубоко» – в *заботе*, как вечной, продолжающейся весь человеческий век, деятельности. Забота оказывается, в этом смысле, настолько фундаментальным проявлением нашего бытия, что не только суэта, но и откровенное безделье являются частными случаями экзистенциала заботы, ее модусами. Мы есть то, что и как мы делаем – принцип, продемонстрированный еще Аристотелем в «Никомаховой этике» и подхваченный и развитый в XX веке Мартином Хайдеггером, дает ключ к пониманию феномена повседневности. Наиболее продолжительное, повторяемое и воспринятое в нашей жизни и формирует то существующее, «которое мы есть» [10, с. 7]. Однако «субъектом» повседневности, согласно взгляду Хайдеггера, является усреднен-

ная и неподлинная фигура *das Man*, безличное и анонимное присутствие, сформированное расхожими представлениями и практиками несобственного способа быть в мире.

Негативные проявления повседневности (несобственное понимание, ограниченность, усредненность) преодолеваются в искусстве, поэзии, исторических свершениях, в работе совести, наконец в праздничности. Особое значение, согласно Хайдеггеру, в этом отношении, имеет соприкосновение с возможностью смерти, как границей присутствия и вызовом подлинности и одиночества. В этом контексте, в «Бытии и времени» имеется знаменитая ссылка на «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого. Однако заметим, что все вышеперечисленные феномены и практики зачастую рутинизируются, становясь частью будничного и пустого образа существования в мире, называемого скукой.

Повседневность предстает как наиболее распространенная форма соотношения и раскрытия смысла вещей, себя и мира в единичном и совместном проживании жизни. Возникает вопрос: Где же в реальности располагается повседневность? Ответом может служить указание на характер расположения «между». Оказывается, повседневность усматривается в отношении, которое нельзя свести к психологическому, эстетическому и т.д., проявляясь в круге интерпретации вещей, людей, событий, практик. Соответственно, в силу темпорального характера всякого понимания, повседневность по своей природе исторична и несет в своих конкретных проявлениях отпечаток своей эпохи, местности, культурной среды, государственного и общественного устройства. Поэтому повседневность мы находим в истории.

Несколько иную стратегию обращения и осмысления повседневности мы находим в сочинениях и биографии Василия Васильевича Розанова. Он укоренен в понимании жизненного мира в его органическом единстве, но самое важное – это частная жизнь с ее радостями и повседневными заботами. Питание, рождение детей, «домашние вещи», уют очага – все это представляет собой круг, в котором проявляется подлинная жизнь. Зачастую, утрированные и ироничные описания повседневности у Розанова призваны показать простую вещь. Домашний уют есть форма, в которой проявляется не только любовь к человеку, но лежит основа его подлинного присутствия в мире. Интимность повседневности проявляется не столько в бегстве от истории, а скорее в месте и цели, как точке возвращения на исторический путь как таковой. В таком ракурсе, «знание изначально содержит в себе бытийно-сакральные смыслы, где повседневность освящена, а священное обретает бытие в каждодневном существовании» [11, с. 210].

В общественном сознании закрепилось представление о том, что повседневная жизнь равна рутине. Любое отклонение от привычного жизненного шаблона автоматически выводит это действие из категории повседневности. Поэтому

это понятие иногда формируется от противного, через неповседневность, через выходящие за рамки обыденного события.

Ю.М. Лотман отмечал, что «в каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением:

1. Обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное.
2. Все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: культового, обрядового, воспринимаемого самими носителями данной культуры как имеющее самостоятельное значение» [12, с. 249].

На наш взгляд, главным отличием терминов «быт» и «повседневная жизнь» заключается в объекте исследования. Если при изучении быта объектом исследования выступает материальная культура или уклад жизни, то при изучении «повседневности» объектом исследования выступает прежде всего человек и на основе изучения быта историки делают попытку осмысления его мыслей и поступков.

Таким образом, быт выступает одной из составляющих понятия «повседневная жизнь», а понятия «повседневность» является его синонимом.

Поскольку жизнь представляется неким непрерывным динамическим процессом, понятие «повседневная жизнь» должно включать в себя набор определенных действий. Например, обеспечение ресурсами, семейные отношения, общение, взаимодействие с другими людьми, обрядовые действия и др. Однако к повседневной жизни относят и статичные предметы: одежду, еду, жилище, ресурсы (деньги, средства производства, знания), традиции, язык (речь, коммуникация), животных (питомцев, сельскохозяйственных животных) и др.

Таким образом, все что направлено на формирование комфортного физического и психологического существования индивида как биологического и социального существа относится к сфере повседневности.

Дифференциация повседневной жизни в различных социумах обусловлена большим количеством формирующих ее факторов. Одним из важнейших аспектов, влияющих на повседневную жизнь, является *географическое положение*. Один из его элементов – *климат* (общая картина погодных условий за длительный период времени). От климата зависит еда, одежда, жилище, обычаи, праздники и т.д. В холодном климате абсолютно утилитарная вещь – одежда постепенно начинает влиять не только на быт, но и формирует повседневные особые практики у обывателей. Например, в Петербурге и ближайших губерниях во второй половине XIX века

«у рабочих людей полушубок составляет все, т.е. постоянную одежду и зимой, и летом, бесценно служит свою службу и кроме этого исполняет много других обязанностей – и постели, и одеял, и подушек» [13, с. 6].

Кроме климата, влияние географического положения на повседневность обусловлено тем, что регионы обладают различными природными ресурсами, которые формирует уникальный вид хозяйствования и специализацию на производстве определенных товаров и услуг. Это влияет на быт и повседневную культуру населения. Разнообразие почв приводит к формированию различных сельскохозяйственных культур, например, в Древнем Египте, чья повседневная жизнь была тесно связана с разливами Нила. Кроме этого, географическое положение влияет на доступность общества для культурного обмена. Труднодоступные закрытые общества характеризуются уникальной самобытной повседневностью, в то время как у народов, проживавших на территориях, открытых влиянию других культур, повседневная жизнь несет на себе отпечаток сообщества.

Размер населенного пункта является еще одним важным фактором формирования повседневности его жителей.

Прежде всего, задавая темп жизни – в крупных городах он значительно выше, чем в небольших населенных пунктах. Это обусловлено сразу несколькими факторами.

Во-первых, удаленностью работы и других социально значимых объектов от места жительства.

Во-вторых, инфраструктура крупных населенных пунктов дает больше возможностей для посещения жителями и требует больших временных затрат.

Жизнь жителей мегаполисов подчинена четкому структурированному графику – расписание транспорта, работа учреждений, дедлайны и т.д., в свою очередь, в деревнях ощущение времени иное – менее регламентированное. А следовательно, и повседневная жизнь более размерена.

Чем меньше населенный пункт, тем более тесные в нем социальные связи, что отражается на повседневной жизни жителей.

С одной стороны, в селах и деревнях часто наблюдается более высокий уровень социального контроля, поскольку жители знают друг друга очень хорошо. Это приводит к повышенному давлению и требованию соответствовать общепринятым нормам и ожиданиям.

С другой стороны, жители чаще полагаются на соседей в случае необходимости, вовлекаются в совместные мероприятия, необходимые для функционирования населенного пункта.

Кроме этого, в небольших населенных пунктах доступ к разнообразным услугам и удобствам ограничен, что заставляет жителей теснее взаимодействовать друг с другом для удовлетворения потребностей. Поэтому чем меньше населенный пункт, тем важнее для его жителей мнение соседей.

Не меньшее влияние на повседневность оказывает **уровень технического прогресса**, которого достигло общество. Развитие техники, направленное на то, чтобы сделать человеческую жизнь более безопасной и легкой, активно трансформирует поведенческие практики обывателей и быт.

Чем более развито в техническом плане общество, тем более сложная структура его повседневной жизни.

С одной стороны, увеличивается количество, потребляемых индивидом благ, а с другой - все более сложная система не позволяет вести хозяйство единолично, требуя постоянного вмешательства посторонних людей в повседневную жизнь для ее корректного функционирования. Например, внедрение электричества в быт изменило распорядок дня (оторвав его от светового дня), привнесло в жизнь огромное множество бытовых приборов, в том числе позволило хранить продукты питания длительное время, а, следовательно, сократило затраты на приобретение и приготовление пищи и т.д. Однако это привело к утрате приватности жилища и частной жизни, поскольку обслуживание и эксплуатация электричества требует специализированных знаний.

Кроме непосредственно бытовой стороны повседневной жизни, технический прогресс изменяет систему коммуникации в обществе. Если еще во второй половине XIX века круг общения и обмен социальным опытом были ограничены соседними населенными пунктами, то развитие транспортной сети и появление телеграфа, телефона и интернета позволило расширить круг общения до всего земного шара. Этот процесс повлиял на изменение количества информации и пути ее получения людьми. Огромный объем информации и легкий доступ к ней позволили внедрять в повседневную жизнь вещи, обычаи и нравы других культур. Произошла глобализация повседневности – процесс, в ходе которого элементы быта и повседневной жизни, такие как кухня, одежда, элементы жилища, праздники, обычаи распространяются и интегрируются по всему миру. Этот процесс включает в себя обмен культурными ценностями, идеями и образцами поведения между различными народами и странами.

Религия, а в более широком смысле можно рассматривать верования в целом, важный фактор формирующий повседневность. Прежде всего, повседневная жизнь подчиняется религиозному календарю. Изначально, примитивные верова-

ния формировали сельскохозяйственный календарь, опираясь на наблюдения за цикличностью природных явлений. В попытках объяснения различных явлений природы они одушевлялись и обожествлялись. Более поздние развитые религиозные доктрины, опираясь на этот календарь, добавляли свои важные точки в годовой цикл. Постепенно сформировалась система религиозных праздников, запретов, привязанных к определенным датам, повседневных практик, которые активно формировавшая жизненный уклад.

Поскольку любая религия имеет систему обрядов, которые являются неотъемлемой частью жизни ее последователей, то следующим важным фактором влияния религии на повседневность, можно назвать ритуал.

Совместная жизнедеятельность требует регуляции поведения отдельных представителей социальной общности. Дворникова И.Н. и Беганцова И.С. в статье «Ритуалы как средство регуляции поведения людей в совместной деятельности» отмечают, что человеком «созданы стимулы, побуждающие и регулирующие его собственное поведение, те стимулы, которые подчиняют его самому себе же» [14, с. 75]. Различные верования, наряду с объяснением картины мира, брали на себя эту роль. Чаще всего, ритуализация затрагивает такие важные аспекты повседневности человека как рождение, брак и смерть, поскольку они являются основными вехами жизненного цикла человека.

Особые ритуалы, связанные с рождением ребенка (крещение, обрезание, наименование или благословение), призваны ввести ребенка в общество. В свою очередь, брак выходя за рамки личных отношений между супругами, затрагивает широкий круг социальных, экономических и духовных вопросов. Он создает новые социальные связи и может влиять на структуру общества. Поэтому религиозные ритуалы придают этому событию особую значимость, подчеркивая его важность для сообщества. Обряды прощания и поминовения, такие как похороны, молитвы за упокой и поминальные службы, не только помогают близким пережить утрату, но и выстроить дальнейшую жизнь сообщества без умершего человека.

Важной частью религии как фактора, влияющего на повседневность, являются представления о нормах поведения и морали. Религиозные учения формируют кодекс поведения для своих последователей, предоставляя людям некое руководство по широкому спектру вопросов: что есть добро и зло, правильное и не правильное поведение, запреты, касающиеся питания, одежды и образа жизни и т.д. В свою очередь, религиозная мораль также влияет на отдельные аспекты повседневной жизни. Она затрагивает вопросы, связанные с взаимоотношениями между людьми (включая семью, друзей и общество), понимание справедливости, социальную ответственность

(заботу о бедных, больных и нуждающихся) и другие.

Большое влияние на формирование повседневной жизни оказывает **государство**. Под этим термином мы будем понимать особую политическую структуру, обладающую суверенитетом и располагающую аппаратом воздействия, который обеспечивает исполнение указов на территории всей страны. Повседневность любого общества не может формироваться вне правового поля, которое создается государством через законы. Чем более развито общество, тем большее влияние оказывает на него государство, поскольку берет на себя больше обязательств. Если в период становления государства, оно берет на себя только охранительные и налоговые функции, и практически не вмешивается в повседневную жизнь граждан, лишь требуя уплаты налогов, то в современном обществе государство контролирует практически все сферы повседневности, поскольку берет на себя обязательства по обеспечению граждан базовыми материальными благами и, соответственно, вынуждено формировать законодательство, регулирующее трудовые, административные, гражданские, финансовые и др. отношения граждан.

Важным фактором, влияющим на повседневную жизнь, является **пол**. В современном мире грань между повседневностью женщин и мужчин все более стирается. Однако в исторической перспективе она разительно отличалась, поскольку на нее оказывали значительное влияние сложившиеся гендерные стереотипы и роли, а также физиологические особенности мужчин и женщин. Для мужской повседневности как в городах, так и сельской местности были характерны совершенно определенные действия, связанные с обеспечением семьи ресурсами, что включало не только физический труд, такой как работа на земле или ремесленное производство, но и торговлю, участие в общественной и политической жизни. Кроме того, мужчины занимались строительством и поддержанием жилища, а также защитой семьи от различных угроз. Повседневная жизнь женщин была тесно связана с домашними обязанностями. Основные сферы их деятельности включали ведение хозяйства и поддержание быта. Женщины занимались приготовлением пищи, стиркой, шитьём и другими видами домашнего труда, которые позволяли одновременно заниматься детьми, поскольку роды и материнство играли центральную роль в жизни женщин.

На особенности повседневной жизни людей значительное влияние оказывает **возраст**. Детство, отрочество, юность, зрелость, старость – каждый из этих возрастных периодов в различные исторические эпохи накладывал на человека особые обязанности, поведенческие практики и социальные роли. В связи с этим, отличались их формы досуга, работы, одежда, в некоторых случаях, питание.

В связи с физическими и психологическими особенностями развития ребенка, повседневная жизнь этой категории значительно отличается от остальных членов общества – ее основу составляла игра. Постепенно в обществе трансформировалось представление о детях: от идеи дети – это «маленькие взрослые», до формирования отдельной науки – педологии. Это изменяло и детскую повседневность. До конца XIX века игра как основной вид деятельности ребенка продолжался примерно до 7 лет, потом повседневность практически не отличалась от взрослой (помощь по хозяйству, присмотр за маленькими детьми, работа и т.д.), к концу XX века она была пролонгирована до 14, а потом и до 18 лет. Сегодня детская повседневность кроме игры, в большинстве развитых обществ, характеризуется еще и непрерывностью образования, причем этот процесс становится тем более длительным, чем более развито общество. Кроме этого, особенности детской повседневности тесно связаны с физиологическими особенностями: необходимостью дневного сна, неврологической незрелостью, недостаточной физической силой.

В связи с физиологическими особенностями, отличается и повседневность пожилых людей. Невозможность продолжать активную деятельность, трансформирует их обязанности в социальной группе, одежду, досуг и др. Кроме физиологии на их повседневность влияет уменьшение социальных контактов из-за ограниченной мобильности и смерти ровесников.

Значительно отличается повседневная жизнь различных социальных групп в обществе, поэтому немаловажным фактором, влияющим на повседневность, является **социальный статус**. Под этим термином в современной науке принято понимать «положение индивида в обществе, его постоянное или временное место в социальных иерархиях разного типа, определяющее взаимоотношения с другими членами общества» [15].

Важной чертой социального статуса является то, что именно он определяет место человека в обществе: как его воспринимают члены социальной группы и по каким правилам он с ними взаимодействует. Например, члены общества с низким социальным статусом могли сталкиваться с препятствиями в удовлетворении своих потреб-

ностей и реализации потенциала в связи с неприятием их другими людьми. Одну из ключевых ролей в определении социального статуса индивида играет **экономическое благосостояние**. Его влияние на повседневность обусловлено, прежде всего, различным уровнем доступа к ресурсам (материальные блага) и привилегиям (нематериальные блага). Финансовая независимость дает больше возможностей для выбора, будь то место жительства, работа, путешествия, обслуживание быта, то есть делает повседневную жизнь с одной стороны комфортнее, а с другой стороны более разнообразной. В современном мире на социальный статус большое влияние оказывает **образование**, которое, в свою очередь, трансформирует повседневную жизнь. Чем выше уровень образования, тем человек менее подвержен суевериям и менее консервативен. Это ведет к усложнению повседневности и появлению в ней новых элементов – технических новинок, отдельных частей иной культуры, желанию испытать что-то новое.

Заключение.

Таким образом, из материалов исследования видно, что термин «быт» является частью более широких синонимичных понятий «повседневность» или «повседневная жизнь». А самым важным отличием является предмет изучения – в первом случае исследователей интересует материальная культура, а при изучении повседневности объектом исследования является человек. Авторы приходят к выводу о том, что повседневность – это совокупность факторов, направленных на формирование комфортного физического и психологического существования индивида как биологического и социального существа. Философское осмысление понятия «повседневность» позволило увидеть основание для формирования научных изысканий в этой области. А анализ факторов, формирующих повседневную жизнь (таких как географическое положение, климат, размер населенного пункта, уровень технического прогресса, религия, государство, социальный статус, экономическое благосостояние, образование, пол и возраст) дал возможность понять, что повседневная жизнь не является статичной или изолированной от других аспектов общества. В конечном счете, выделить причины дифференциации повседневности в различных социумах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Виноградов В.В. Быт / В.В. Виноградов // История слов. М. : Толк, 1994.
2. Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской / Н.И. Надеждин // Записки Русского Географического общества. СПб., 1847. Т. 2. С. 61–115.
3. Puškareva N.L. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения / N.L. Puškareva // Гласник Этнографского института САНУ. 2005. Vol. 53. № 1.
4. Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2.
5. Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века) : монография / Д.М. Демидович; Под ред. А.Б. Николаева. М. : Издательство «У Никитских ворот», 2023.
6. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман; Пер. Е. Руткевич. М., 1995.
7. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования / М.М. Кром // История повседневности. СПб., 2003.
8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
9. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб. : Владимир Даль, 2004.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
11. Грякалов А. Василий Розанов. СПб. : Наука, 2017.
12. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1.
13. Ильинский П. Одежда и чистоплотность: Чтение для народа, сост. и произнес. в аудитории Соляного городка П. Ильинским. 5-е изд. СПб. : П.В. Смирнов, 1899.
14. Дворникова И.Н. Ритуалы как средство регуляции поведения людей в совместной деятельности / И.Н. Дворникова, И.С. Беганцова // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-4 (40).
15. Словарь социолингвистических терминов. URL : https://gufo.me/dict/sociolinguistics_terms/Социальный_статус (дата обращения 28.06.2024).

References:

1. Vinogradov V.V. Life / V.V. Vinogradov // History of words. M. : Tolk, 1994.
2. Nadezhdin N.I. Russian Russian ethnographic study / N.I. Nadezhdin // Notes of the Russian Geographical Society. Vol. 2. SPb., 1847. P. 61–115.
3. Puškareva N.L. «The history of everyday life» and ethnographic study of everyday life: discrepancies and intersections / N.L. Puškareva // The Bulletin of the Ethnographic Institute of SANU. 2005. Vol. 53. № 1.
4. Shuts A. On the multiplicity of realities // Sociological Review. 2003. Vol. 3. № 2.
5. Demidovich D.M. Apartment buildings of St. Petersburg: organization, interaction with government and commercial structures, everyday life (1870s – early XX century) : monograph / D.M. Demidovich; Ed. by A.B. Nikolaev. M. : Publishing house «At the Nikitsky Gate», 2023.
6. Berger P. Social construction of reality / P. Berger, T. Lukman; Transl. E. Rutkevich. M., 1995.
7. Krom M.M. Everyday life as a subject of historical research / M.M. Krom // The history of everyday life. SPb., 2003.
8. Shuts A. Favorites: A world shining with meaning. M. : «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2004.
9. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. SPb. : Vladimir Dahl, 2004.
10. Heidegger M. Being and time. SPb., 2006.
11. Gryakalov A. Vasily Rozanov. SPb. : Nauka, 2017.
12. Lotman Yu.M. Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century / Yu.M. Lotman // Selected articles. Vol. 1.
13. Ilyinsky P. Clothes and cleanliness: Reading for the people, comp. and he said it. in the auditorium of the Salt Town by P. Ilyinsky. 5th ed. SPb. : P.V. Smirnov, 1899.
14. Dvornikova I.N. Rituals as a means of regulating human behavior in joint activities / I.N. Dvornikova, Begantsova I.S. // Privolzhsky scientific Bulletin. 2014. №12-4(40).
15. Dictionary of sociolinguistic terms. URL : https://gufo.me/dict/sociolinguistics_terms/Social_status (date of application 06/28/2024).

Информация об авторах

Демидович Дарья Михайловна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальных наук
гуманитарного факультета,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
dept.kfilie@unecon.ru

Daria M. Demidovich

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Social Sciences
Faculty of Humanities,
St. Petersburg State University of Economics
dept.kfilie@unecon.ru

Ермилов Кирилл Андреевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальных наук
гуманитарного факультета,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
dept.kfilie@unecon.ru

Kirill A. Ermilov

Candidate of Philosophy Sciences,
Associate Professor
of the Department of Social Sciences
Faculty of Humanities,
St. Petersburg State University of Economics
dept.kfilie@unecon.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-7>
УДК 94

Attribution
cc by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Касьянов В.В., Басте Р.Ю.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Целью данной работы является изучение условий работы культурно-просветительских учреждений Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Методологической основой работы выступает социальная история, которая помогает создать более целостную картину событий Великой Отечественной войны, обратив внимание на психологию и поведение отдельных социальных групп в экстремальных условиях военного времени. В статье представлен анализ деятельности учреждений культуры и народного образования Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Характеризуется роль данных учреждений в военных событиях, их практическая работа по патриотическому воспитанию советских людей, поиску новых форм и методов культурно-образовательной деятельности. В качестве примера, приводится роль школьников и студентов, которые стараясь оказать всяческую помощь учреждениям культуры, работали чтецами, книгоношами, помогали заведующим изб-читален, выступали с информацией, организовывали кружки по изучению специальности санитарок, оформляли лозунги для клубов и красных уголков. Одновременно они собирали металлолом, лекарственные травы, оказывали помощь семьям красноармейцев, разучивали песни, выступали на сценах клубов, изучали военное дело, принимали участие в полевых работах. Школьники и студенты выступали за отмену каникул, призывали к использованию их для нужд фронта и тыла. Авторами в данной публикации рассматривается проблема нехватки профессиональных кадров для работы в культурно-просветительских учреждениях Адыгеи, в связи с чем, большое значение имело приобщение к восстановлению культурно-просветительских учреждений всего сельского и городского населения, что дало возможность многим учреждениям культуры стать центрами общественно-политической работы.

Ключевые слова: учреждения культуры и народного образования, Великая Отечественная война, военные условия, военное обучение, социальная сфера, избы-читальни, учебные заведения, Адыгейская автономная область.

ACTIVITIES OF CULTURAL AND PUBLIC EDUCATION INSTITUTIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (USING THE EXAMPLE OF THE ADYGEA AUTONOMOUS REGION)

Valery V. Kasyanov, Raziet Y. Baste

Kuban State University

Abstract. The purpose of this work is to study the working conditions of cultural and educational institutions of the Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War. The methodological basis of the work is social history, which helps to create a more holistic picture of the events of the Great Patriotic War, paying attention to the psychology and behavior of individual social groups in extreme wartime conditions. The article presents an analysis of the activities of cultural and public education institutions of the Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War. The role of these institutions in military events, their practical work on the patriotic education of Soviet people, the search for new forms and methods of cultural and educational activities is characterized. As an example, the role of schoolchildren and students is given, who, trying to provide every possible assistance to cultural institutions, worked as readers, booksellers, helped the heads of reading rooms, spoke with information, organized circles to study the specialty of nurses, designed slogans for clubs and red corners. At the same time, they collected scrap metal, medicinal herbs, provided assistance to the families of Red Army soldiers, learned songs, performed on club stages, studied military affairs, and took part in field work. Schoolchildren and students advocated the abolition of holidays, called for their use for the needs of the front and rear. The problem of non-educational institutions of the entire rural and

urban population, which made it possible for many cultural institutions to become centers of socio-political work.

Keywords: cultural and public education institutions, the Great Patriotic War, military conditions, military training, social sphere, reading huts, educational institutions, Adygea Autonomous Region.

Введение.

В годы Великой Отечественной войны культурно-просветительские и образовательные учреждения сыграли значительную роль в укреплении морального духа народа, всемерно развивали патриотические инициативы советских людей, направленные на практическую реализацию лозунга «Все для фронта, все для победы»!

Военные условия требовали оперативности и гибкости в применении средств и методов культурно-просветительской работы, координации деятельности районных Домов культуры, изб-читален, библиотек, кинотеатров, активного использования материально-технической базы учреждений культуры.

Целью данной работы является изучение условий работы культурно-просветительских учреждений Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Методологической основой работы выступает *социальная история, которая помогает создать более целостную картину событий Великой Отечественной войны, обратив внимание на психологию и поведение отдельных социальных групп в экстремальных условиях военного времени.*

Отечественная историография по данной теме определяется комплексным исследованием истории Северо-Западного Кавказа в годы войны, подготовленным М.Х. Шебзуховым [1; 5; 11; 12; 15; 19], а также работа авторского коллектива в составе Р.Ю. Басте, В.В. Касьянова, Ю.А. Яхутль, в которой рассматриваются отдельные этапы развития Адыгейской автономной области [13] и др. В работе также использована периодическая печать, которая в годы войны являлась важным источником информации [6; 8; 17]. Источниками для данного исследования послужили архивные материалы Национального архива Республики Адыгея.

Обсуждение. Результаты.

Деятельность учреждений культуры и народного образования регламентировалась Наркомпросом РСФСР. В сентябре 1941 г., в письме «Работникам политико-просветительских учреждений, изб-читален, колхозных клубов, библиотек, музеев» определялись основные формы и методы их работы по укреплению дисциплины, организованности, мобилизации населения на выполнение задач военного времени [1, с. 270].

Работниками учреждений культуры активно использовались печатные средства информации, газеты и журналы для популяризации и распространения передовых форм работы с населением.

Практиковались ежедневные читки распоряжений военных властей и местных организаций в избах-читальнях, библиотеках, колхозных бригадах, заводах, цехах и т.д. Рядом с данными учреждениями устанавливались стенды с материалами Советского Информбюро, вырезками из газет о героических подвигах красноармейцев, указы Президиума Верховного Совета СССР и другие документы [2, с. 270]. Так, в рамках реализации постановления СНК СССР «О подготовке населения к противовоздушной обороне» изб-читальни Гиагинского района Адыгейской автономной области оперативно организовали активное использование разнообразных источников передачи информации, экстренных сообщений по радио «последних новостей» [3, с. 271]. Много внимания уделялось военному обучению населения. В библиотеках, избах-читальнях выпускались боевые плакаты, схемы, таблицы. Распространялись также плакаты, выпущенные центральными органами печати.

В документах Национального архива Республики Адыгея отмечается инициатива заведующего избой-читальней аула Егерухай, инвалида войны Р.С. Дзыбова, который в рамках реализации приказа Наркомпроса РСФСР от 13 декабря 1941 г. «Об участии политико-просветительских учреждений в весенне-посевной кампании 1942 года» организовал агитационно-массовую работу в доме колхозников, устроив для них регулярную читку газет [4, л. 2].

В связи с уходом в армию значительной части активистов, их место занимали учителя, работая по совместительству, а нередко, школьники и подростки. Старшеклассники работали чтецами, книгоношами и инструкторами службы противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО). Ученики помогали заведующим изб-читален, выступали с информационными, организовывали кружки по изучению специальности санитарок, оформляли лозунги для клубов и красных уголков. Одновременно они собирали металлолом, лекарственные травы, оказывали помощь семьям красноармейцев, разучивали песни, выступали на сценах клубов, изучали военное дело, принимали участие в полевых работах [5, с. 272]. Школьники и студенты выступали за отмену камикул, призывали к использованию их для нужд фронта и тыла. Так, в частности, учащиеся Лесомеханического техникума г. Майкопа обратились с просьбой о направлении их на производство, колхозные поля, заводы и фабрики для помощи рабочим [6].

Достаточно успешно происходила мобилизация на фронт; при этом призывались граждане 14 возрастных категорий, которые родились в диапазоне 1905–1918 гг. [7, с. 235]. Отмечается, что

в первые недели боевых действий на фронт ушло более 20 тысяч жителей Адыгеи, а всего было мобилизовано за военный период более 600 тысяч человек (до 1 миллиона по различным источникам). В качестве примера можно привести массовые заявления о добровольном направлении в действующую армию деятелей социальной сферы. Так, 60-летний врач из станции Гиагинской А.С. Кузнецов, чьи дети будучи студентами и уже служили в регулярных частях действующей армии, лично явился с просьбой зачислить его в действующую армию [8].

Примечательно, что в армию уходили не только юноши, отцы, сыновья и братья, но и в существенном количестве – девушки. Они готовились в качестве санитарок, медицинских сестер и даже рядовых бойцов. Ушли, например, две комсомолки – студентка педагогического училища А.С. Хворостенко, а также учительница А.Г. Дроздова, которые были одними из лучших представителей актива санитарно-оборонной работы области. Они направили заявление с просьбой о зачислении их в РККА в те воинские части, где находились их братья, просьба их была удовлетворена [9, с. 108].

Как отмечают исторические источники, повсеместно существовали трудности с поставками не только готовых изделий, но и сырья для их производства. Это особенно важно было при переходе промышленных объектов на нормативы работы в военное время. Для преодоления нехватки сырьевой продукции, а также оборудования в кратчайшие сроки были перенаправлены и задействованы абсолютно все областные ресурсные центры; особое внимание было уделено тяжелой промышленности. Например, для реализации государственных заказов по производству боеприпасов, по постановлению бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) от 12 сентября 1941 года было дополнительно мобилизовано различное оборудование с других предприятий; также активно ремонтировалось то оборудование, которое уже давно либо было списано, либо находилось в нерабочем состоянии.

На всей территории Адыгейской автономной области было развернуто социалистическое соревнование, участниками которого стали рабочие и инженерно-технические работники. Так, в связи с началом боевых действий, большинство работников производственных мастерских Механического техникума г. Майкопа было мобилизовано либо добровольно ушли на фронт. В кратчайшие сроки их рабочие места были заполнены учениками местных техникумов, и работа по выпуску готовой продукции не прекращалась. Отметим, что на не профилированные предприятия поступали заказы по производству оружия. К примеру, в ноябре 1941 года поступил государственный оборонный заказ по массовому производству корпусов боевых гранат. Данный вид деятельности никак не был профильным на территории области, однако, в кратчайшие сроки прошло обучение работников предприятия по

производству корпусов гранат, и уже к концу 1941 года область вышла на высокие показатели производства данного вида оружия – 132,5 % [10, с. 122].

Наиболее популярным из всех видов искусств в годы войны оставалось кино. Документальные кадры боевой хроники живо интересовали советских людей, что привело к активизации деятельности районных отделов кинофикации. В связи с нехваткой кадров, создавались краткосрочные курсы по подготовке киноработников, практиковались коллективные просмотры и обсуждение кинофильмов. Также, очень сложно было доставлять киноленты в отдельные села, аулы, а часть кинопередвижек вообще прекратила работу. Так, в Адыгейской автономной области из 26 кинопередвижек, имевшихся до войны, работало только 12 [11, с. 273].

В освобожденных районах местные органы власти активно содействовали быстрому восстановлению учреждений культуры, использованию разнообразных форм и методов работы с учетом последствий оккупации и задач, вытекавших из новой политической, хозяйственной и военной обстановки. В области в 1941-1942 гг. насчитывалось 7 районных домов культуры, 164 избы-читальни, 135 массовых библиотек. После освобождения, к 1943 г. количество Домов культуры сохранилось, но изб-читален оставалось всего 47, библиотек – 65 [12, с. 276].

Немецко-фашистские оккупанты полностью разрушили и сожгли на территории области 2 театра, 9 школ, 59 клубов и изб-читален. Остальные театры, школы, клубы и другие очаги культуры подверглись разрушению и полному разграблению. Убытки и ущерб, нанесенные оккупантами народному образованию и культурно-просветительским учреждениям области составили 43 млн 213 тысяч рублей [13, с. 79].

Ощущалась также острая нехватка профессиональных кадров для работы в данных учреждениях, в силу того, что из 79 культпросветработников Адыгеи не было ни одного человека со специальным образованием, хотя по документам 1 работник имел высшее образование, 2 – незаконченное высшее образование, 27 – среднее образование, 33 – неполное среднее образование [14, л. 21]. В связи с таким положением, большое значение имело приобщение к восстановлению культурно-просветительских учреждений всего сельского и городского населения, что дало возможность многим учреждениям культуры стать центрами общественно-политической работы. Районными культурно-просветительскими учреждениями Адыгеи только в 1943–1944 годах были проведены около 3-х тысяч библиографических обзоров, читательских конференций, литературных вечеров, в которых приняли участие более 70-ти тысяч жителей области [15, с. 282].

Документы свидетельствуют о том, что органам власти приходилось заниматься и такими вопро-

сами, как материально-бытовые условия студентов учебных заведений. Так, посещаемость занятий учительского института и педучилища была крайне неудовлетворительной из-за отсутствия обуви у учащихся. Студенты остро нуждались и в теплой одежде. Отмечалась нехватка хлеба в буфетах учебных заведений, студенты стояли в очереди за хлебом по 4–5 часов вечером и ночью. Справки о состоянии жилищных условий студентов сообщают о том, что мыло им выдавали всего по 100 грамм на месяц. И несмотря на такие трудные условия, занятия не прекращались, подготовка кадров педагогов улучшалась с каждым днём [16, л. 1].

В период немецкой оккупации города Майкопа, здание Национальной библиотеки было разрушено, а часть библиотечного фонда погибла. Восстановление Национальной библиотеки началось с разборки сохранившейся части книжного фонда, восстановления каталогов, ремонта инвентаря. Фонд библиотеки постепенно пополнялся, но, к сожалению, восстановить в полной мере довоенный фонд было невозможно, так как было уничтожено или безвозвратно утеряно 60% фонда библиотеки. Несмотря на сложности, в конце 1943 года библиотеку восстановили, и она приняла первых читателей [17].

Благодаря работе, развернутой Теучежем Нухом Цуговичем, поэтом, политическим и общественным деятелем Адыгейской автономной области, в короткий срок были восстановлены во всех районах дома культуры. Н.Ц. Теучеж в дни оккупации (август 1942 – февраль 1943 г.) руководил областным подпольным центром, вел партийно-политическую работу в партизанских отрядах области. После освобождения области от оккупантов, вернувшись на пост секретаря обкома по идеологии, он тут же развернул большую организаторскую работу по восстановлению политической и массово-культурной работы [18, с. 734].

Государственные и общественные организации рассматривали обучение и воспитание подрастающего поколения как одну из своих самых насущных задач. В условиях нужды и лишений,

вызванных войной многие дети не могли посещать школы. Так, в целом в области из-за необеспеченности одеждой и обувью более половины детей разного возраста не учились [19, с. 285]. Тем не менее, благодаря вниманию органов власти, в марте 1943 г. начали учебный процесс в 211 школах из 233, функционировавших до оккупации. В этой обстановке остро ощущалась нехватка учебников, тетрадей, оборудования, необходимого для обучения, но, постепенно эта проблема была решена. Часть классов размещалась в приспособленных помещениях, жилых домах, все школы работали в две смены, а школы № 17 и № 3 города Майкопа учились даже в три смены. Уроки длились всего 30–35 минут. В школьных зданиях было холодно и сыро, существовали проблемы с остеклением помещений; исходя из этого, многие окна закрывались кирпичом, закрывались досками и фанерой [20, л. 1].

Несмотря на трудности, к 1944–1945 учебному году в области готовы были принять учащихся уже 227 школ, из них: начальных – 156, неполно-средних – 44, средних – 27. Были отремонтированы и введены в эксплуатацию более 280-ти зданий учреждений образования и культуры [21, с. 317].

Заключение.

Таким образом, в течение очень короткого периода времени на территории Адыгейской автономной области, удалось восстановить и ввести в эксплуатацию значительное число объектов культурно-образовательного назначения. Эта работа продолжалась в условиях военного времени, а после окончания войны стала одним из важнейших направлений деятельности органов власти.

Приведенный анализ показывает, что, несмотря на тяжелые условия, культурно-просветительские учреждения Адыгейской автономной области в годы войны оказывали всевозможную помощь, в том числе путем проведения агитационно-массовых мероприятий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 270.
2. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 271.
3. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
4. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 272.
5. Адыгейская правда. 11 июля 1941 года.

6. Касьянов В.В. История Кубани : учеб. пособие. Краснодар, 2012. С. 235.
7. Адыгейская правда. 11 июля 1941 года.
8. Ачмиз К. Г. Поколение сороковых. Трудовой подвиг сельской молодежи в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2006. С. 108.
9. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2. С. 122.
10. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 273
11. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 276
12. Басте Р.Ю. Очерки истории Адыгеи в 1922–1992 гг. (от автономной области к суверенной республике) / Р.Ю. Басте, В.В. Касьянов, Ю.А. Яхутль. Краснодар, 2021. С. 79.
13. НАРА. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 164. Л. 21.
14. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 282.
15. НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.
16. Советская Адыгея. 28 августа 2017 года.
17. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: рассекреченные документы. Хроника событий : в 3-х кн. Краснодар, 2003. Кн. 2. Ч. 2. С. 734.
18. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993. С. 285.
19. НАРА. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.
20. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации) / Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов, Е.М. Малышева, А.И. Брантов. Краснодар, 2023. С. 317.

References:

1. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 270.
2. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 271.
3. National Archives of the Republic of Adyghea (NARA). F.R-5. Op. 1. D. 26. L. 2
4. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 272.
5. Adyghe Pravda. July 11 1941.
6. Kasyanov V.V. History of Kuban : training manual. Krasnodar, 2012. P. 235.
7. Adyghe Pravda. July 11, 1941.
8. Achmiz K.G. Generation of the Forties. Labor Feat of Rural Youth in the Great Patriotic War. Maykop, 2006. P. 108.
9. Essays on the History of Adyghea. Maykop, 1981. Vol. 2. P. 122.
10. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 273.
11. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 276.
12. Baste R.Yu. Essays on the History of Adyghea in 1922–1992 (from an autonomous region to a sovereign republic) / R.Yu. Baste, V.V. Kasyanov, Yu.A. Yakhutl. Krasnodar, 2021. P. 79.
13. NARA. F. P-1. Op. 3. D. 164. L. 21.
14. Shebzukhov M.Kh. The rear – to the front (North-West Caucasus during the war of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 282.
15. NARA. F. P-1. Op. 1. D. 135. L. 6.
16. Soviet Adyghea. August 28, 2017.
17. Kuban during the Great Patriotic War of 1941–1945: declassified documents. Chronicle of events: in 3 books. Krasnodar, 2003. Book 2. Part 2. P. 734.
18. Shebzukhov M.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the war of 1941–1945). Maykop, 1993. P. 285.
19. NARA. F. P-1. Op. 3. D. 136. L. 1.
20. Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials (for the 80th anniversary of liberation from Nazi occupation) / Yu.A. Yakhutl, V.V. Kasyanov, E.M. Malysheva, A.I. Brantov. Krasnodar, 2023. P. 317.

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,

Valery V. Kasyanov
Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
Faculty of History, Sociology
and International Relations,

Кубанский государственный университет
ORCID 0000-0002-9844-1802
culture@kubsu.ru

Басте Разиет Юсуфовна
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
ORCID 0009-0008-3365-5771
raz.baste@yandex.ru

Kuban State University
ORCID 0000-0002-9844-1802
culture@kubsu.ru

Raziet Y. Baste
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Russian History
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
ORCID 0009-0008-3365-5771
raz.baste@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-8>
УДК 94

Attribution
cc by

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ИСПАНИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ПОДХОДЫ И СТРАТЕГИЯ

Нарбут Н.Н.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. Актуальность изучения научной и образовательной политики Испании обусловлена прямой взаимосвязью между уровнем развития экономики и образования в государстве. Испания является одной из первых европейских стран, сделавших ставку на политику «мягкой силы» в сфере гуманитарной политики. Особое внимание в исследовании уделено деятельности государственного института Сервантеса. Автор опирается на количественные показатели и рейтинги для выявления прогресса в достижении поставленных государством целей в области гуманитарной политики, а также анализирует участие Испании в деятельности Фонда «Каролина» и межрегиональной организации Иберо-американского сообщества наций. В завершение публикации автор приходит к выводу о том, что Испания в сознании международного сообщества является экономически развитой страной, имидж которой напрямую связан с богатым культурным наследием и высоким качеством образования и науки.

Ключевые слова: Испания, образование, наука, экономическое развитие, Институт Сервантеса, испанский язык, Фонд Каролина, Иберо-американское научное образовательное пространство.

THE COMPETITIVENESS OF SPAIN IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE: APPROACHES AND STRATEGY

Natalia N. Narbut

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University

Abstract. The relevance of studying the scientific and educational policy of Spain is due to the direct relationship between the level of economic development and education in the state. Spain is one of the first European countries to rely on the policy of «soft power» in the field of humanitarian policy. Special attention is paid to the activities of the Cervantes State Institute. The author relies on quantitative indicators and ratings to identify progress in achieving the goals set by the state in the field of humanitarian policy, and also analyzes Spain's participation in the activities of the Carolina Foundation and the interregional organization of the Ibero-American Community of Nations. The author concludes that Spain is an economically developed country in the minds of the international community, whose image is directly linked to its rich cultural heritage and high quality of education and science.

Keywords: Spain, education, science, economic development, Cervantes Institute, Spanish language, Carolina Foundation, Ibero-American Scientific Educational Space.

Введение.

Экономическое развитие и конкурентоспособность современных стран во многом зависят от наукоемких технологий и уровня образования и количества специалистов, способствующих развитию эффективного производства и производительности труда. Качественное высшее образование помогает выполнять эти задачи.

Обсуждение. Результаты.

Согласно эксперту El Economista [5], расходы Королевства Испания на образование в 2024 году в сравнении с 2023 годом увеличились на 6 % и составили 63380 миллионов евро, не толь-

ко сохранив тенденцию к росту с 2015 года, но и превысив все предыдущие показатели. На расходы на научные исследования и цифровизацию в 2022 году из государственного бюджета была выделена самая большая сумма из всех статей государственных расходов – 13298 млн евро.

Из 76 университетов Испании 45 были основаны государством, и на сегодняшний день 55 университетов Испании являются ведущими университетами мира, что позволяет им занять достойное место в мировом рейтинге QS (QS World University Rankings). Улучшение качества высшего образования привело к расширению связей на международном уровне, в особенности со странами Латинской Америки и Европы, увеличению

числа иностранных студентов и трансграничным проектам, и идеям [1, с. 591].

Особое внимание следует уделить роли Фонда «Каролина» в сфере образования и науки. В данный фонд входят государственные учреждения; в рамках его проектов принимают участие известные политики, знаменитости страны, а также бизнес-структуры, финансирующие развитие его деятельности. Кроме того, фонд поддерживает программы профессионального развития и повышения квалификации у иностранных преподавателей и организует встречи с исследователями и руководством образовательных центров и университетов, преследуя целью установление развития международных профессиональных связей в области науки и образования. Данное сотрудничество было весьма плодотворным для Испании, так как сотрудники образовательных центров и высших учебных заведений, по завершению обучения или курсов повышения квалификации в Испании, вернулись в родные страны, транслируя своим студентам позитивный образ страны. Это, в свою очередь, приводит к тому, что связи в сфере культуры, науки образования снова продолжают укрепляться с последующими визитами иностранных профессионалов в Испанию, что также способствует развитию экономики и туризма.

Таким образом, усилия по распространению испанской модели образования в других странах можно разделить на три направления: сотрудничество в сфере высшего образования с университетами других стран, распространение языка и культуры за рубежом и обучение иностранных граждан в Испании [3, с. 201].

В качестве одного из самых эффективных сообществ, способствующих реализации научно-образовательной политики Испании и популяризации страны как мирового научно-образовательного центра, следует упомянуть Иберо-американское сообщество наций (ИСН). Иберо-американское направление всегда оставалось стратегически важным элементом внешней политики Испании, наряду с ориентацией на Европу и приверженностью принципам многостороннего взаимодействия [4, с. 49].

В 2012 г. ИСН взяло курс на научно-образовательное сотрудничество Испании и Португалии со странами Латинской Америки. ИСН активно поддерживает межвузовские программы, осуществляет программы по повышению квалификации преподавателей и др. В настоящее время совместно с Испанией, Португалией и Андоррой реализуются различные латиноамериканские инициативы. Они охватывают поддержку театров, архивов, публичных библиотек и музеев, а также взаимодействие в сфере образования и профессионального обучения [2, с. 105].

В мире непрерывно растет распространение и популярность испанского языка. Испанский является родным языком у более 400 млн человек,

включая население стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Это один из немногих международных языков для общения в структуре таких международных организаций, как ООН, Организация американских государств и др. Испания стремится повысить свою значимость в глобальной культуре и в международных отношениях, используя испанский как политический ресурс [8, с. 149]. Кроме того, распространение языка оказало благотворное влияние на экономику страны, поскольку оно обеспечило Испанию потенциальными рынками для культурного сбыта, например, книг, фильмов и др.

Основными целями сотрудничества в сфере развития образования и международного научного сотрудничества являются: разработка мер по привлечению студентов на учебу в Испанию, разработка общеевропейских программ обучения, таких как Erasmus, Erasmus+ и др., разработка совместных исследовательских программ с другими странами, проведение международных научных конференций и встреч. Основной поток иностранных студентов в настоящее время приходится на Программы международных обменов стран Латинской Америки и Европейского союза [3, с. 202].

В Испании преподавание языка иностранцам является наиболее важной частью культурной и образовательной политики государства и подчиняется среднесрочным стратегическим планам национального развития государства и повышения его значимости в мире. Подобного рода подход разумен, так как, как уже было отмечено, испанский является на сегодняшний день одним из самых широко используемых языков в мире, на котором, по данным Института Сервантеса [6], государственного учреждения Испании, созданного для преподавания испанского языка и распространения испанской и латиноамериканской культур, на 2024 год разговаривают более 600 миллионов человек. Испанский является вторым родным языком в мире по количеству говорящих после китайского и четвертым языком по общему количеству говорящих после английского, китайского и хинди. В 2022 года почти 24 миллиона человек изучали испанский язык [9].

На испанском языке публикуется наибольшее количество научных текстов после английского. 4,4 % мировой научной продукции происходит из испаноязычных стран. Основным действующим лицом в распространении научных знаний на испанском языке по-прежнему остается Испания, поскольку почти 70 % продукции приходится на испаноязычный регион, выпускается в этой стране. В настоящее время испанский язык является третьим наиболее используемым языком в Интернете по количеству пользователей Интернета. Из более чем 5168 миллионов пользователей Интернета во всем мире в феврале 2022 года 7,9 % общались на испанском языке. На большинстве цифровых платформ испанский является вторым наиболее используемым языком [9].

Важным шагом в реализации испанской образовательной стратегии для развития страны и укрепления ее присутствия в мире является развитие идиоматического туризма. Лингвистическое образование не только вышло за рамки стен университетов, но и расширило возрастной диапазон студентов от молодежи до людей пенсионного возраста. Институт Сервантеса, основанный в 1991 году в Испании, главной стратегической и внешнеполитической целью которого стало формирование позитивного имиджа страны, был признан как орган по обеспечению качества преподаваний частных лингвистических центров.

Данный факт можно назвать успехом стратегии экономического развития Испании, а также продвижение её позитивного научно-образовательного имиджа: были созданы новые рабочие места в языковых школах по всей стране, что также привело к развитию связанных с этим отраслей, например, тех, что связаны с туристическими программами и культурным от-

дыхом. Кроме того, были расширены международные контакты среди населения: большинство представителей других стран продолжают обучение в университетах, работают и повышают квалификацию на территории Испании. В свою очередь, это приводит к появлению новых международных проектов и инициатив и оказывает положительное влияние на экономику страны.

Заключение.

Таким образом, согласно главному идеологу испанской «мягкой силы», Хавьеру Нойе [7, с. 5], эффективно реализовать проводимую Испанией политику и увеличить ее влияние на международной арене можно, в первую очередь, посредством повышенного внимания к образованию, науке и языку. Посредством деятельности фондов, научных институтов и международных программ, а также открытостью к диалогу не только к странам Европейского союза, но и Латинской Америки, Испания добивается успехов в реализации поставленной задачи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Борзова А.Ю. Гуманитарная политика Испании в Латинской Америке: особенности и приоритеты / А.Ю. Борзова, О.В. Волосок, Н.Д. Николашвили // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 3. С. 586–599.
2. Туфетулов Т.А. Роль Испании в иберо-американском сотрудничестве / Т.А. Туфетулов // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3. С. 100–111.
3. Химич Г.А. Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании / Г.А. Химич, Е.Д. Терентьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 197–207.
4. Яковлев П.П. Иберо-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке / П.П. Яковлев // Латинская Америка. 2016. № 8. С. 43–57.
5. Juárez M. El gasto público en educación bate récord y ronda ya los 63.380 millones de euros / M. Juárez // El economista. 19.09.2024. URL : <https://www.economista.es/actualidad/noticias/12965678/08/24/el-gasto-publico-en-educacion-bate-record-y-ronda-ya-los-63380-millones-de-euros.html> (date of application 30.10.2024).
6. Montero G. El español supera por primera vez los 600 millones de hablantes y consolida su influencia en cine, música y videojuegos / G. Montero // Instituto Cervantes. 30.10.2024. URL : <https://cervantes.org/es/sobrenosotros/sala-prensa/notas-prensa/espanol-supera-primera-vez-600-millones-hablantes-consolida> (date of application 01.11.2024).
7. Noya J. El poder simbólico de las naciones / J. Noya // Documento de trabajo. № 35. Madrid: Real Instituto Elcano. 2005. 17 p.
8. Rodrigo F. España y las relaciones multilaterales: ONU, OTAN, OSCE. Madrid. 2015. P. 147–159.
9. Vítóres D.F. El español: una lengua viva. Informe 2022 / D.F. Vítóres // Instituto Cervantes. 2022. URL : https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_22/informes_ic/p01.htm (date of application 02.10.2024).

References:

1. Borzova A.Y. Spain's humanitarian policy in Latin America: features and priorities / A.Y. Borzova, O.V. Volosok, N.D. Nikolashvili // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. № 3. P. 586–599.
2. Tufetulov T.A. The role of Spain in Ibero-American cooperation / T.A. Tufetulov // Russia and the world: scientific dialogue. 2023. № 3. P. 100–111.

3. Khimich G.A. The role of humanitarian cooperation in the modern foreign policy of Spain / G.A. Khimich, E.D. Terentyeva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2018. Vol. 18. № 1. P. 197–207.
4. Yakovlev P.P. Ibero-American community of nations in the emerging world order / P.P. Yakovlev // Latin America. 2016. № 8. P. 43–57.
5. Juárez M. El gasto público en educación bate récord y ronda ya los 63.380 millones de euros / M. Juárez // El economista. 19.09.2024. URL : <https://www.economista.es/actualidad/noticias/12965678/08/24/el-gasto-publico-en-educacion-bate-record-y-ronda-ya-los-63380-millones-de-euros.html> (date of application 30.10.2024).
6. Montero G. El español supera por primera vez los 600 millones de hablantes y consolida su influencia en cine, música y videojuegos / G. Montero // Instituto Cervantes. 30.10.2024. URL : <https://cervantes.org/es/sobre-nosotros/sala-prensa/notas-prensa/espanol-supera-primera-vez-600-millones-hablantes-consolida> (date of application 01.11.2024).
7. Noya J. El poder simbólico de las naciones / J. Noya // Documento de trabajo. № 35. Madrid: Real Instituto Elcano. 2005. 17 p.
8. Rodrigo F. España y las relaciones multilaterales: ONU, OTAN, OSCE. Madrid. 2015. P. 147–159.
9. Vítóres D.F. El español: una lengua viva. Informe 2022 / D.F. Vítóres // Instituto Cervantes. 2022. URL : https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_22/informes_ic/p01.htm (date of application 02.10.2024).

Информация об авторе

Нарбут Наталья Николаевна
ассистент кафедры теории
и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
narbut_nn@pfur.ru

Natalia N. Narbut
Assistant Professor of the Department of Theory
and History of International Relations,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
narbut_nn@pfur.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-10>
УДК 343.8

Attribution
cc by

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Рейнхардт А.И.

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Аннотация. Статья посвящена развитию пенитенциарной системы в России – от ее зарождения до революции 1917 года. Исследование охватывает разнообразные аспекты, повлиявшие на формирование пенитенциарной политики, включая изменения в законодательной базе, которые постепенно трансформировали подходы к наказанию и содержанию заключенных. Особое внимание уделяется процессу гуманизации пенитенциарной системы, который сопровождался усилением роли общественных организаций, таких как Попечительное о тюрьмах общество, активно внедряющее прогрессивные принципы в тюремную практику в XIX веке. Рассматриваются вопросы, связанные с социальными инициативами, направленными на улучшение условий содержания заключенных, их моральное и профессиональное развитие. Подробно анализируются ключевые реформы, оказавшие влияние на структуру и функции тюремных учреждений. Статья подчеркивает значимость исторического контекста для понимания современных пенитенциарных практик и их гуманитарных аспектов.

Ключевые слова: тюрьма, тюремная реформа, тюремная система, пенитенциарная система, заключенные, попечительство.

FORMATION OF THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Alina I. Reinhardt

Ufa State Petroleum Technological University

Abstract. The article is dedicated to the development of the penitentiary system in Russia – from its inception to the revolution of 1917. The study covers various aspects that influenced the formation of penitentiary policy, including changes in the legislative framework that gradually transformed approaches to punishment and detention of prisoners. Particular attention is paid to the process of humanization of the penitentiary system, which was accompanied by the strengthening of the role of public organizations, such as the Prison Trusteeship Society, which actively introduced progressive principles into prison practice in the 19th century. Issues related to social initiatives aimed at improving the conditions of detention of prisoners, their moral and professional development are considered. Key reforms that influenced the structure and functions of prison institutions are analyzed in detail. The article emphasizes the importance of historical context for understanding modern penitentiary practices and their humanitarian aspect.

Keywords: prison, prison reform, prison system, penitentiary system, prisoners, guardianship.

Введение.

Непрерывные изменения, происходящие в социальной и политической жизни России, обуславливают необходимость совершенствования уголовно-исполнительной политики государства и ее адаптации к современным вызовам. Важным аспектом в этом процессе является анализ исторического контекста формирования и развития российской пенитенциарной системы.

Изучение эволюции тюремной системы необходимо для понимания функционирования уголовно-исполнительной системы в наши дни, так как опыт управления местами лишения свободы в разные периоды истории России позволяет оце-

нить их влияние на современную пенитенциарную политику.

Целью данной статьи является анализ становления и развития пенитенциарной системы России, от Древней Руси и до пореформенного периода XIX века, с упором на законодательные акты и ключевые преобразования, сформировавшие основу уголовной политики и тюремного управления.

Для достижения поставленной цели выделены следующие задачи:

– рассмотреть развитие уголовной политики в Древней Руси и установить ее первые правовые

основы, касающиеся наказаний и лишения свободы;

– проанализировать изменения в уголовной политике в допетровский период и выявить тенденции, повлиявшие на формирование пенитенциарной системы;

– оценить реформы Петра I и Екатерины II, направленные на создание системы тюрем и учреждений для исполнения наказаний;

– изучить пореформенные изменения в XIX веке, которые обозначили переход к более гуманному подходу в отношении прав и условий содержания осужденных;

– выявить особенности и проблемы в развитии пенитенциарной системы на разных этапах, а также рассмотреть влияние политических и социальных факторов на формирование и преобразование этой системы.

Обсуждение.

Развитие пенитенциарной системы России представляет собой многогранный процесс, отражающий не только изменения в уголовной политике, но и более широкие социальные, экономические и культурные трансформации российского общества. С момента возникновения первых мест лишения свободы в Древней Руси и до настоящего времени, уголовно-исполнительная система претерпела значительные изменения, каждый раз адаптируясь к условиям и требованиям того или иного исторического периода.

С давних времен для обозначения мест лишения свобод использовались разные определения: порубы, погреба, подземелья, узилища, темницы, съезжие дворы, колодничьи палаты, остроги, тюремные замки, тюрьмы.

В статье «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» приводятся конкретное и абстрактное значения понятию «тюрьма». В конкретном смысле тюрьма – это «изолированное от внешнего мира и охраняемое стражей здание для принудительного содержания лиц, подлежащих заключению по приговорам судов или по распоряжению административной власти» [1].

Основываясь на этом значении, Михаил Губский и Евгений Давыдов приводят следующую классификацию мест лишения свободы:

- тюрьмы как места отбытия наказания за менее тяжкие преступления и за проступки;
- арестантские отделения;
- смирительные дома;
- каторжные тюрьмы;
- тюрьмы предварительного заключения;
- пересыльные тюрьмы;

– военные тюрьмы;

– тюрьмы для несовершеннолетних;

– тюрьмы для увечных, больных и аномальных;

– переходные тюрьмы;

– политические тюрьмы;

– тюрьмы для военнопленных;

– тюрьмы для несостоятельных должников;

– мужские и женские тюрьмы [1].

На Руси до появления специальных тюремных учреждений и формирования современной тюремной системы в качестве мест заточения использовались «порубы» и «погреб». Эти сооружения служили прообразами тюрем и имели свои региональные особенности.

Порубы представляли собой деревянные срубные постройки, которые в основном строили в северных областях. Они отличались прочной конструкцией, что обеспечивало надежность и безопасность заключенных, и зачастую располагались в удаленных местах, что усложняло побег.

Погреба, в отличие от порубов, были более характерны для южных краев. Они представляли собой полуземляночные сооружения – углубленные в землю пространства, иногда с небольшими окнами.

На протяжении длительного времени в России отсутствовали нормативные акты, регулирующие условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы. Это объясняется недостаточным развитием пенитенциарного законодательства и практики исполнения наказаний.

Первым сводом законов на Руси считается Русская Правда, датирующаяся XI–XII вв. Этот документ не только отражает правовые нормы своего времени, но и служит важным источником для изучения социальной и политической жизни Древней Руси.

Русская Правда появилась в период, когда на Руси началась централизация власти, и русские князья стремились к унификации правовых норм. Первые редакции связаны с князем Ярославом Мудрым, но работа над законами продолжалась и после его смерти.

Известны три редакции Русской Правды: Краткая, Пространная и Сокращенная. Каждая из них включает в себя различные аспекты права: гражданское, уголовное, процессуальное, наследственное, а также нормы, регулирующие отношения между князьями и народом. Основное же внимание уделяется правонарушениям и наказаниям за них.

Наказания в Русской Правде определялись по тяжести преступления. Одним из самых тяжелых пре-

ступлений считалось убийство человека. Наказание варьировалось в зависимости от обстоятельств – за умышленное убийство могла быть назначена кровная месть, а за случайное – штраф или компенсация [2]. В целом, как и в странах средневековой Западной Европы, штраф был основным наказанием за уголовные преступления.

Русская Правда является важным историческим документом, который дает представление о правовой системе и общественных отношениях на Руси в средние века. Наказания за преступления, изложенные в Русской Правде, отражают как стремление к справедливости, так и жестокость того времени.

Одним из ключевых законодательных актов Российского государства также является Судебник 1550 года, отразивший важные изменения в правовой системе и административной структуре страны. Он был принят во время правления Ивана IV Грозного и стал продолжением работы над законодательством, начатой его предшественниками.

Судебник 1550 года включал ряд важных нововведений, одним из которых стала регламентация судебного процесса; вводились единые правила для разбирательства дел, что способствовало сокращению произвола со стороны местных судей. Вместе с тем, была упорядочена система наказаний. В Судебнике были прописаны различные виды наказаний за преступления, что также помогало снизить произвольность при вынесении приговоров. Помимо этого, Судебник содержал нормы, касающиеся прав собственности и споров о земле, что было особенно актуально в условиях феодальной системы.

Первое законодательное закрепление наказания в виде лишения свободы также появилось в Судебнике 1550 года, однако, его положения не регулировали условия содержания заключенных.

Впервые вопросы условий отбывания наказания начали затрагиваться в Соборном уложении 1649 года, однако, нормы регулирования правового положения заключенных отсутствовали. Государство того времени ограничивалось лишь изоляцией преступников, не уделяя достаточно внимания их правам и быту, что часто порождало произвол на местах.

В XVII веке тюрьма приобрела значительную роль в контексте обострения классовых борьбы между крестьянами и царской властью. В период с 1630 по 1650 годы в ряде русских городов произошли восстания, включая «соляной бунт» в Москве в 1648 году, во время которого были разграблены купеческие дома и убиты несколько высокопоставленных чиновников. Эти события стали следствием нарастающего народного недовольства и обозначили необходимость создания нового свода законов.

К 01 сентября 1648 года в Москве собрались представители разных слоев населения с целью разработки нового кодекса – Соборного Уложения. Его завершили в январе 1649 года и вскоре распространили по всей стране. Уложение в том числе содержало нормы тюремного заключения.

Тюрьма предусматривала различные виды заключения: бессрочное, пожизненное (для разбойников и «лихих людей»), а также временное заключение от одного дня до четырех лет. Тюремное наказание назначалось за широкий круг преступлений, включая нарушения в церкви и государственном управлении, оскорбление чести, преступления против власти, кражу и насилие.

Тюремное заключение могло также сочетаться с телесными наказаниями, имущественными взысканиями или ссылкой.

Ссылка стала особенно распространенной и применялась к различным категориям преступников, включая воров и мошенников. Уложение уточняло, что ссылка могла быть применена, если преступник вновь нарушал закон после отбытия наказания.

Соборное Уложение 1649 года также вводило нормы уголовно-исполнительного характера, но это не означало создание полноценной пенитенциарной системы; оно лишь касалось контроля над осужденными, ответственность за который возлагалась на тюремных сторожей и целовальников. Эти стражи выбирались местными жителями и получали жалование от них, что свидетельствовало о локальном контроле над тюремной системой.

Таким образом, создание Соборного Уложения стало важным шагом в правовом регулировании, отражая стремление властей к централизации и упорядочению общественных отношений в условиях нарастающего народного недовольства.

В дальнейшем, во времена правления Петра I (1682–1725) в России произошло множество изменений, затрагивающих все сферы жизни, включая уголовное право и пенитенциарную систему. Реформы царя не обошли стороной систему наказаний, и это стало частью общего курса на европеизацию страны и укрепление центральной власти.

До реформ Петра I система наказаний в России была весьма суровой и включала различные виды телесных наказаний, такие как порка и казнь, а также каторга. Петр I стремился сделать систему более рациональной и менее жестокой. Он начал проводить реформы, направленные на упорядочение уголовного права.

При Петре I началось активное строительство тюрем. Хотя тюремная система в современном понимании еще не существовала, государственные учреждения, где заключенные могли отбывать свои наказания, начали принимать более организованные формы. Тюрьмы строились в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и

Москва, и предназначались не только для задержания преступников, но и для содержания осужденных, ждущих суда.

Тюрьмы того времени в большинстве своем представляли собой простые здания с ограниченными удобствами. Заключенные часто страдали от нехватки пищи, жестокого обращения и плохих условий содержания. Однако, с точки зрения Петра I, тюрьмы были необходимы для поддержания порядка и дисциплины в обществе. Он стремился создать систему, в которой заключенные могли бы работать на благо государства, что соответствовало его идеям о трудовой этике.

Каторга как форма наказания также получила развитие при Петре I. Следует отметить, что заключенные отправлялись на каторгу для выполнения тяжелых работ не только в целях наказания - их труд использовался для нужд государства. Первые каторжные работы были связаны со строительством инфраструктуры, включая каналы и дороги, что соответствовало амбициозным планам царя по модернизации страны.

Петр I рассматривал каторгу как способ исправления заключенных, давая им возможность трудиться и, впоследствии, вернуться в общество. Тем не менее, условия каторги были очень тяжелыми, и многие заключенные не выживали из-за физического истощения и болезней.

Реформа пенитенциарной системы при Петре I привела к значительным изменениям в подходе к наказаниям. Хотя условия содержания заключенных оставались крайне сложными, появление тюрем и развитие системы каторги стало шагом к более организованному и структурированному уголовному правосудию.

В целом реформы Петра I заложили основу для дальнейших изменений в уголовном праве России. Они продемонстрировали его стремление к созданию сильного и организованного государства, где наказание стало частью более широкой системы управления обществом. Несмотря на свою жестокость, эти изменения стали основой для последующего реформирования пенитенциарной системы в России.

Значительные изменения, особенно в контексте гуманизации уголовного наказания, начались в период правления Екатерины II. Стремясь модернизировать российское общество, она инициировала ряд реформ, касающихся, в том числе, и пенитенциарной системы. В «Наказе» 1767 года Екатерина II осуждала пытки и жестокость, которые практиковались в судопроизводстве того времени. Она провозгласила веротерпимость и равенство граждан перед законом, что было прогрессивным шагом для России XVIII века.

В 1787 году Екатерина II инициировала разработку проекта Устава о тюрьмах. Он предусматривал раздельное содержание заключенных в зависимости от рода их преступлений, пола и

вида наказания. Кроме того, документ регламентировал управление управленческие и кадровые вопросы, включая назначение сотрудников, их обучение и ответственность, что позволяло повысить профессионализм тюремного персонала и улучшить общее управление учреждениями. Устав также содержал рекомендации по улучшению санитарных условий, обеспечению медицинской помощи и организации трудовой деятельности заключенных, что подчеркивало стремление Екатерины II к реабилитации и ресоциализации осужденных [3]. Несмотря на то, что Устав так и не стал законом, он оказал влияние на дальнейшее развитие института прав заключенных.

К началу XIX века институт правового положения осужденных продолжал формироваться, но отсутствие законодательной базы, финансовых ресурсов и подготовленного тюремного персонала сдерживало его развитие.

Важным этапом стало создание в 1819 году Александром I Попечительного о тюрьмах общества. Основной задачей Общества было нравственное исправление преступников, улучшения условий их содержания, а также дифференцированное размещение осужденных. Были предприняты усилия по организации труда заключенных, их обучению грамоте и ремеслам, а также созданию тюремных библиотек. Деятельность Общества способствовала привлечению внимания общественности к тюремному вопросу и развитию различных общественно-филантропических инициатив [4].

Значительным шагом в развитии правового положения заключенных послужило принятие в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в котором четко регламентировались условия отбывания наказания. Важной целью наказания теперь стало не только обеспечение безопасности общества, но и нравственное исправление преступников. Условия содержания стали гуманнее, вводились стимулы к хорошему поведению, такие как сокращение срока наказания.

В пореформенный период изменения в пенитенциарной системе России связаны с основанным в 1879 году Главным тюремным управлением (ГТУ). Создание ГТУ стало важным шагом в направлении централизованного контроля над тюремными учреждениями и повышения их эффективности [5].

ГТУ обеспечивало единые стандарты для всех тюремных учреждений, что способствовало унификации правил и условий содержания заключенных. Одной из главных задач стала разработка программ реабилитации заключенных, направленных на их подготовку к возвращению в общество. ГТУ также отвечало за соблюдение уголовно-исполнительного законодательства, проведение проверок и инспекций в тюрьмах.

При ГТУ была создана Тюремная инспекция и введена должность тюремного инспектора. Со-

гласно «Временным правилам для первоначального руководства Тюремным Инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы» от 30 июня 1879 года, инспекторы обязаны были осуществлять регулярные проверки тюрем, оценивать санитарные условия, безопасность и уровень жизни арестантов. Инспекция следила за тем, чтобы права заключенных не нарушались, чтобы у них был доступ к медицинской помощи, образованию и правовым услугам. По результатам проверок Инспекция подготавливала отчеты о состоянии тюремных учреждений, предлагала рекомендации по улучшению тюремной системы и отмечала необходимые изменения в законодательстве [6].

Результаты.

Как показало исследование, развитие пенитенциарной системы в России связано со значительными реформами, направленными на гуманизацию условий содержания заключенных.

Учреждение Главного тюремного управления и создание Тюремной инспекции стали ключевыми шагами в реформировании пенитенциарной системы. Инспекторы получили расширенные полномочия для проверки состояния тюрем, что способствовало улучшению материально-технического обеспечения и условий жизни заключенных.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Исследование также выявило важность общественных организаций, таких как Попечительного о тюрьмах общества, в реализации гуманистических инициатив и в организации помощи заключенным и их семьям.

В результате этих изменений произошла трансформация представлений о наказании, акцентированная внимание на исправительном воздействии, что заложило основы для дальнейших реформ в уголовном праве и пенитенциарной политике России.

Заключение.

История становления правового положения осужденных в России прошла через множество этапов. От полного игнорирования их прав государство постепенно перешло к осознанию необходимости их защиты и исправления, что нашло отражение в законодательных актах XIX века.

Актуальность данного исследования заключается в его способности осветить исторические корни современных проблем пенитенциарной политики. Изучение этих реформ помогает выявить эффективность различных методов работы с заключенными, а также необходимость дальнейших улучшений в системе правосудия. Исторический контекст служит важным ориентиром для развития гуманитарных практик в сфере уголовного права, подчеркивая важность баланса между наказанием и исправлением.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.Ф. Ефрон. 1890. Т. XXXIV. М. : «ТЕРРА» – «TERRA», 1993. С. 352–364.
2. Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. Русская Правда. XI–XIII века. URL : <http://museumreforms.ru/node/13621> (дата обращения 25.10.2024).
3. Васильева С.А. Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли / С.А. Васильева // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 1. С. 168–184.
4. Петренко Н.И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. Чебоксары : «ИПК «Чувашия», 2002. 531 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 54. Часть первая. Закон № 59360. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1102®im=3 (дата обращения 09.10.2024).
6. ГАРФ. Материалы о выработке временных правил для ревизии учреждений, входящих в состав тюремного ведомства. Ф. 122. Оп. 1. Д. 138.

References:

1. Encyclopedic Dictionary. Reprint reproduction of the edition by F.A. Brockhaus – I.F. Efron. 1890. Vol. XXXIV. M. : «TERRA» – «TERRA», 1993. P. 352–364.
2. Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin. Russkaya Pravda. XI–XIII centuries. URL : <http://museumreforms.ru/node/13621> (date of application 10/25/2024)

3. Vasilyeva S.A. The draft of the «Prison Charter» of Catherine the Second in the context of European penitentiary thought / S.A. Vasilyeva // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10. № 1. P. 168–184.
4. Petrenko N.I. Formation and development of the management of the penal system of Russia. Cheboksary : «IPK Chuvashia», 2002. 531 p.
5. Complete collection of laws of the Russian Empire. Second collection. Vol. 54. Part one. Law № 59360. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1102®im=3 (date of application 09.10.2024).
6. GARF. Materials on the development of temporary rules for the audit of institutions that are part of the prison department. F. 122. Op. 1. D. 138.

Информация об авторе

Рейнхардт Алина Ильгизовна
аспирантка кафедры
международных отношений,
истории и востоковедения,
Уфимский государственный
нефтяной технический университет
itsmealinalina@gmail.com

Alina I. Reinhardt
Graduate Student of the Department
of International Relations,
History and Oriental Studies,
Ufa State Petroleum Technical University
itsmealinalina@gmail.com

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Александр Пушкин

Осеннее утро

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень.
Взошла заря, блистает бледный день –
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее – и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!..
До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

1816 г.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-6>
УДК 008

Attribution
cc by

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ВОЕННОЙ СИМВОЛИКИ В XX–XXI ВЕКАХ

Калинин В.В.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

Аннотация. В статье исследуется влияние исторических конфликтов на трансформацию военной символики в XX–XXI веках, акцентируя внимание на её роли в формировании национальной идентичности и общественного сознания. Рассматривается, как военные символы, включая флаги, эмблемы и ритуалы, служат инструментами легитимации власти и манипуляции мнением населения. Основное внимание уделяется ключевым аспектам: влиянию идеологических доктрин (национализм, коммунизм, либерализм), роли пропаганды и тому, как технологические изменения влияют на символику. В статье также анализируется, как общественное восприятие военной символики меняется в постконфликтный период и в условиях современных гибридных войн. В заключение подчеркивается, что трансформация военной символики – сложный процесс, отражающий изменения в социально-политическом контексте и военно-идеологических парадигмах. Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления исторической памяти и идентичности через призму военной символики в условиях глобализованного мира.

Ключевые слова: символика, военная символика, исторические конфликты, трансформация, идентичность, пропаганда, идеологические доктрины, социально-политический контекст.

THE INFLUENCE OF HISTORICAL CONFLICTS ON THE TRANSFORMATION OF MILITARY SYMBOLS IN THE XX–XXI CENTURIES

Kalinin V. Kalinin

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract. The article examines the influence of historical conflicts on the transformation of military symbols in the XX–XXI centuries, focusing on its role in the formation of national identity and public consciousness. It is considered how military symbols, including flags, emblems and rituals, serve as tools for legitimizing power and manipulating the opinion of the population. The focus is on key aspects: the influence of ideological doctrines (nationalism, communism and liberalism), the role of propaganda, and how technological changes affect symbolism. The article also analyzes how the public perception of military symbols changes in the post-conflict period and in the context of modern hybrid wars. In conclusion, it is emphasized that the transformation of military symbols is a complex process reflecting changes in the socio-political context and military-ideological paradigms. The relevance of the research lies in the need to understand historical memory and identity through the prism of military symbols in a globalized world.

Keywords: symbolism, military symbols, historical conflicts, transformation, identity, propaganda, ideological doctrines, socio-political context.

Введение. Изучение военной символики и её трансформаций, в контексте исторических конфликтов XX–XXI веков, представляет актуальную и значимую задачу для исторической науки, социологии и политологии. Символика, будучи инструментом формирования идентичности и манипулирования общественным сознанием, отражает идеологические основания, стратегические цели и итоги войн, в совокупности влияя на формирование коллективной памяти, исторической нарративности и послевоенного общественного климата.

Результаты. Под военной символикой в рамках данного исследования понимается совокупность визуальных, вербальных и ритуальных знаков и символов, используемых военными структурами, государствами и общественными движениями для легитимации своих действий, мобилизации населения, формирования военного духа и укрепления групповой идентичности [4]. К этому мы относим флаги, эмблемы, награды, формы одежды, военные ритуалы, марши, гимны, идеологически окрашенные слоганы и прочие знаки, несущие символическую нагрузку, связанную с военной деятельностью.

© Калинин В.В.

Выбор хронологических рамок XX–XXI веков обусловлен значительным количеством глобальных и региональных конфликтов, происшедших в этот период, а также кардинальными изменениями в военной технологии, идеологиях и политических системах, которые неизбежно отразились на эволюции военной символики. Данный период охватывает две Мировые войны, Холодную войну, многочисленные межгосударственные и внутригосударственные конфликты, обеспечивая тем самым обширный материал для анализа динамики военной символики и её взаимосвязи с историческими событиями.

В рамках статьи будут рассмотрены следующие ключевые аспекты:

- 1) влияние идеологических доктрин (национализм, коммунизм, либерализм) на формирование военной символики;
- 2) роль пропаганды в манипулировании общественным мнением с помощью военной символики;
- 3) трансформация военной символики под влиянием технологического прогресса (развитие масс-медиа, Интернета);
- 4) изменение, происходящее в общественном восприятии военной символики после окончания крупных конфликтов;
- 5) проблема реабилитации и переосмысления военной символики в постконфликтный период;
- 6) использование военной символики в современных гибридных войнах.

Особое внимание будет уделено исследованию механизмов семантической трансформации военной символики – т.е. изменению её значения и интерпретации в различных исторических контекстах. На основе сравнительного анализа будет предпринята попытка выявить общие закономерности и тенденции эволюции военной символики в XX–XXI веках.

Претерпевшие радикальные изменения технологии ведения войны в 1914 году внесли существенный вклад в эволюцию визуальных кодов армий. Массовое использование огнестрельного оружия, артиллерии, химического оружия и развитие воздушной техники обусловило сдвиг в восприятии поля боя и, соответственно, в символическом его отображении. Традиционные изображения мужества и благородства, характерные для романтической военной символики XIX века, уступили место более реалистичным, а порой и жестоким, изображениям.

Обсуждение.

Символика национального единства и патриотизма, всегда игравшая ключевую роль в военной пропаганде, претерпела трансформацию, став более агрессивной и мобилизационной.

Образы национальных героев и мифологических персонажей, призванные укреплять боевой дух, приобрели более воинственные черты [7]. Пропаганда широко использовала символы для создания образа врага, демонизируя его и усиливая чувство ненависти к противнику. В связи с этим, наблюдается появление карикатурных изображений солдат неприятельских армий, распространение антигерманской пропаганды в странах Антанты и, соответственно, антиантантовской – в Германии и её союзниках.

Влияние Второй мировой войны на трансформацию военной символики оказалось поистине каталитическим, глубоко изменив её семантику и прагматику. Массовое использование символики в пропагандистских целях, ставшее характерной чертой тоталитарных режимов, привело к гипертрофированному значению. Символы, прежде носившие относительно нейтральный характер, были насильственно переосмыслены и перегружены идеологическим содержанием, превращаясь в инструменты мобилизации и подавления.

После Победы Красной Армии символика, ассоциировавшаяся с нацизмом и милитаризмом, была подвергнута активной десакрализации и демонтажу. Свастика, например, стала запрещённым символом во многих странах, а её использование уголовно наказуемым. Как пишет А.Н. Павлов: «Символ свастики последние девяносто лет воспринимается как нечто разрушительное и злое, хотя тысячелетиями являлся символом жизни, света и благополучия. Многие народы мира использовали символ свастики в своей повседневной жизни. В индуизме, буддизме и в других религиях мира свастика выступает в качестве религиозного и сакрального символа. Также, свастика использовалась как в Древней Руси, так и в Советский период: на советских денежных знаках 1918 г., на нарукавных знаках красноармейцев Юго-Восточного фронта, на флаге Сибирского добровольческого корпуса Колчака. С 1920 года Адольф Гитлер утверждает свастику как символ Национал-социалистической немецкой рабочей партии, и в последующие годы этот символ всё более ассоциируется с фашизмом и нацизмом. Сегодня же миллионы людей воспринимают и осознают устойчивую связь свастического знака креста с идеологией национал-социализма и вторжением фашистской Германии, направленное на порабощение неарийских народов» [6].

Холодная война, будучи не прямым, но острым идеологическим противостоянием между двумя сверхдержавами – США и СССР – с их соответственно капиталистической и социалистической системами, оказала глубочайшее влияние на символический ландшафт мировых вооружённых сил. Воздействие проявлялось в формировании специфической военной идеологии, риторики и визуальной культуры каждой из противостоящих сторон, что, в свою очередь, имело долгосрочные последствия для геополитики и военной доктрины.

Центральным элементом символического ландшафта Холодной войны стало формирование противоположных мифологем военной мощи. Советская военная идеология, опиравшаяся на марксистско-ленинскую доктрину, акцентировала внимание на коллективизме, самопожертвовании и непреклонности в борьбе за мировое социалистическое революционное движение. Пропаганда изображала Советскую Армию как непобедимую силу, защищающую трудящихся от империалистической агрессии. Символика была направлена на создание образа могущественного, но при этом народного и справедливого воинства, что выражалось в иконографии (изображения военных героев, парады с массовым участием, победные репортажи), риторике (патриотические лозунги, воспевание пролетарской солидарности), и даже в форме военной техники, которая часто представлялась как инструмент защиты и освобождения.

Напротив, американская военная идеология, будучи основана на принципах либерального капитализма, ставила акцент на индивидуализме, технологическом превосходстве и демократических ценностях. Символика американских вооружённых сил часто была направлена на демонстрацию технологического доминирования (изображения современных самолётов, ракет, атомного оружия), а также на подчеркивание роли США как защитника свободного мира от коммунистической угрозы, достигаясь через кинематограф, комиксы, пропагандистские плакаты и общественную дискуссию, формируя образ сильного, но справедливого и демократического воинства, защитника свободы.

Конкурентная гонка вооружений, которая стала основной характеристикой Холодной войны, неизбежно отразилась на символическом ландшафте. Развитие ядерного оружия, в частности, привело к формированию специфической символики ядерного сдерживания, создавая атмосферу глобальной угрозы и нестабильности. Образ «гриба» ядерного взрыва стал символом «ужаса» и возможности глобальной катастрофы, прочно закрепившись в коллективном бессознательном. Влияние исторических конфликтов на трансформацию военной символики XX–XXI веков неразрывно связано с процессами глобализации, которые внесли существенные коррективы в её эволюцию. Глобализация, как процесс интеграции мирового сообщества, привела к унификации военной символики, особенно в рамках таких международных организаций, как НАТО. Стандартизация знаков различия, опознавательных знаков техники и униформа обеспечивает более эффективное взаимодействие между вооружёнными силами различных государств-членов, упрощая координацию военных операций и предотвращая случайные конфликты, обусловленные непониманием символики. Однако, полная унификация невозможна, поскольку национальная военная символика глубоко укоренена в истории и культуре каждого государства, являясь символом национальной идентич-

ности и военного наследия. Взаимодействие национальной и международной символики происходит на уровне гибридизации – элементы международных стандартов интегрируются в национальную систему знаков, сохраняя при этом определённую специфику. С другой стороны, глобализация породила более дифференцированное восприятие военной символики. Растущая информированность о конфликтах, войнах и их последствиях, доступность информации о преступлениях против человечности и военных злодеяниях привели к тому, что военная символика воспринимается все более критически.

Современные тенденции в трансформации военной символики демонстрируют заметную сложность. С одной стороны, наблюдается возвращение к традиционной военной символике, что можно объяснить желанием укрепить национальную идентичность и военное единство в условиях глобализации. С другой – активный отказ от традиционных символов, связанных с колониализмом или авторитарными режимами. В этом процессе заметна роль общественного мнения и давления гражданских организаций, стремящихся деколонизировать прошлое и изменить общественное восприятие военных символов.

Заключение.

Анализ трансформации военной символики XX–XXI веков, проведенный в рамках данной статьи, выявил ряд ключевых тенденций, свидетельствующих о тесной взаимосвязи между историческими конфликтами и эволюцией визуальных кодов вооружённых сил. Наблюдается явное стремление к модернизации символики, отражающее не только технологические изменения в военном деле, но и сдвиги в идеологических парадигмах и общественном восприятии войны. В начале XX века преобладала символика, отражающая националистические и имперские амбиции, часто апеллирующая к традициям и героическому прошлому. Мировые войны привели к переосмыслению военной символики, с одной стороны, усилив роль национальных эмблем и военных регалий, с другой – породив символы, отражающие идеологические противостояния (например, символика фашистских режимов или советской армии). Холодная война внесла свой вклад в формирование идеологизированной военной символики, с акцентом на пропагандистские образы силы и технологического превосходства. В постхолодный период происходит размывание идеологических коннотаций, наблюдается тенденция к унификации и интернационализации некоторых военных символов, хотя национальные символы по-прежнему играют значительную роль. Однако, параллельно с этим, наблюдается и рост стремления к демилитаризации и гуманизации военной символики, что связано с изменением общественного сознания и ростом антивоенных настроений. Важно отметить, что трансформация военной символики – это не просто смена изображений, а сложный

процесс, тесно связанный с изменением социально-политического контекста, военных доктрин и общественных ценностей.

В дальнейшем, исследования в этой области могут быть направлены на детальный анализ влияния конкретных военных конфликтов на трансформацию военной символики в отдельных странах и регионах. Перспективным является изучение роли новых медиа и технологий в формировании и распространении современной военной символики, включая цифровые образы и виртуальную реальность. Также важно исследо-

вать влияние феномена гибридной войны на трансформацию военной символики и роль символических манипуляций в современных военных конфликтах. Особое внимание следует уделить сравнительному анализу военной символики различных армий и вооруженных формирований, что позволит выделить общие тенденции и особенности национальных традиций в этой области. Наконец, интересным направлением является исследование восприятия военной символики разными группами населения и влияния этого восприятия на общественное мнение и политические процессы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бардыго Н.С. Деятельность органов советского государственного и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг. : автореф. дис. ... на соискание учёной степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 / Министерство обороны Российской Федерации, Военный университет. М., 2003. 30 с.
2. Гонюхов С.О. История эволюции российской армии конца XVII и начала XX веков : дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Красноярск, 1999. 250 с.
3. Кутепов В.А. К истории введения погон и знаков различия в армии России (1732–2014 гг.). Часть первая (1732–1941 гг.) / В.А. Кутепов, К.А. Анкушева // ОНВ. 2014. № 5(132). С. 16–22.
4. Ларкин Л.Г. Символьные аспекты военной культуры / Л.Г. Ларкин // Аналитика культурологии. 2014. № 29. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolnye-aspekty-voennoy-kultury> (дата обращения 16.11.2024).
5. Ларкин Л.Г. Символика военной культуры в социуме / Л.Г. Ларкин // Вестник ТГУ. 2014. № 9(137). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-voennoy-kultury-v-sotsiume> (дата обращения 16.11.2024).
6. Павлов А.Н. Свастика – символ под запретом // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/svastika-simvol-pod-zapretom> (дата обращения 16.11.2024).
7. Рязанцев В.Д. Гражданский патриотизм духовно-нравственная основа военного духа, силы и мощи армии и флота современной России / В.Д. Рязанцев // Армия и общество. 2010. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-patriotizm-duhovno-nravstvennaya-osnova-voennogo-duha-sily-i-moschi-armii-i-flota-sovremennoy-rossii> (дата обращения 16.11.2024).

References:

1. Bardygo N.S. Activity of the bodies of the Soviet state and military administration on the creation and improvement of army uniforms in 1918–1991 : abstract of the dis. ... for the degree of candidate of historical sciences: specialty 07.00.02 / Ministry of Defense of the Russian Federation, Military University. M., 2003. 30 p.
2. Gonyukhov S.O. The history of the evolution of the Russian military uniform and its role in the moral and patriotic education of the Russian army of the late XVII and early XX centuries : dis. ... candidate of historical sciences: 07.00.02. Krasnoyarsk, 1999. 250 p.
3. Kutepov V.A. On the history of the introduction of shoulder straps and insignia in the Russian Army (1732–2014). Part one (1732–1941) / V.A. Kutepov, K.A. Ankusheva // ONV. 2014. № 5(132). P. 16–22.
4. Larkin L.G. Symbolic aspects of military culture / L.G. Larkin // Analitika kulturologii. 2014. № 29. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolnye-aspekty-voennoy-kultury> (date of application 11/16/2024).
5. Larkin L.G. The symbolism of military culture in society / L.G. Larkin // Bulletin of TSU. 2014. № 9(137). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-voennoy-kultury-v-sotsiume> (date of application 11/16/2024).
6. Pavlov A.N. Swastika – a symbol under a ban // Legality and law and order in modern society. 2012. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/svastika-simvol-pod-zapretom> (date of application 11/16/2024).

7. Ryazantsev V.D. Civil patriotism is the spiritual and moral basis of the military spirit, strength and power of the army and navy of modern Russia / V.D. Ryazantsev // Army and Society. 2010. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-patriotizm-duhovno-nravstvennaya-osnova-voennogo-duha-sily-i-moschi-armii-i-flota-sovremennoy-rossii> (date of application 11/16/2024).

Информация об авторе

Калинин Вячеслав Вячеславович
аспирант кафедры философии культуры
и культурологии,
Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
vkalinin.mos@gmail.com

Vyacheslav V. Kalinin
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy of Culture and Cultural Studies,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
vkalinin.mos@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-1>
УДК 323.2

Attribution
cc by

РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аверин А.Н.¹, Комаров Д.С.², Бутова А.С.³

^{1,2}*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

³*Московский гуманитарно-экономический университет*

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется возрастающей ролью молодежи в дальнейшем развитии российского общества. Цель статьи состоит в анализе молодежной политики в Российской Федерации в современных условиях. Объектом исследования является молодежная политика. Используются такие методы исследования, как статистический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция. Полученные результаты. При подготовке статьи использованы федеральный закон о молодежной политике, доклад Федерального агентства по делам молодежи о реализации в 2023 году плана деятельности на период 2019–2024 годов. Показаны цели, принципы молодежной политики, субъекты, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики, формы участия молодежи в реализации молодежной политики, полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере молодежной политики. Особое внимание уделено рассмотрению основных направлений реализации молодежной политики с приведением статистических данных, содержащихся в докладе Федерального агентства. Основной вывод заключается в том, что, несмотря на значительное количество молодых людей, участвующих в многочисленных мероприятиях в сфере молодежной политики, необходимо не только увеличивать число мероприятий, направленных на реализацию молодежной политики, молодых людей, участвующих в таких мероприятиях, но и добиваться повышения эффективности воздействия молодежной политики на молодежь. В обзоре отечественной литературы необходимо указать на наличие многочисленных публикаций по проблемам молодежи, ее воспитания. Важно отметить работы по молодежной политике. Это, прежде всего, публикации по таким вопросам, как государственная молодежная политика, региональная и муниципальная молодежная политика, нормативно-правовое регулирование молодежной политики, инфраструктура молодежной политики, социология молодежной политики, молодая семья как объект молодежной политики, ценностные ориентации молодежи в содержании государственной молодежной информационной политики.

Ключевые слова: доклад, закон, молодежная политика, молодежь, направление, орган государственной власти и местного самоуправления, полномочия, принцип, субъект, форма участия, цель.

IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander N. Averin¹, Danil S. Komarov², Anastasia S. Butova³

^{1,2}*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

³*Moscow University of Humanities and Economics*

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the increasing role of young people in the further development of Russian society. The purpose of the article is to analyze youth policy in the Russian Federation in modern conditions. The object of this research is youth policy. Such research methods as statistical method, analysis and synthesis, deduction and induction were used. Results. In the preparation of the article, the federal law on youth policy, the report of the Federal Agency for Youth Affairs on the implementation of the action plan for the period 2019–2024 in 2023 were used. The goals, principles of youth policy, entities operating in the field of youth policy, forms of youth participation in the implementation of youth policy, powers of federal and regional state authorities, local governments in the field of youth policy are shown. Particular attention is paid to the consideration of the main directions of the implementation of youth policy from the statistical data contained in the report of the federal agency. The main conclusion is that, despite the significant number of young people participating in numerous activities in the field of youth policy, it is necessary not only to increase the number of activities aimed at implementing youth policy, young people participating in such activities, but also to achieve an increase in the effectiveness of the impact of youth policy on

© Аверин А.Н., Комаров Д.С., Бутова А.С.

young people. In the review of domestic literature, it is necessary to point out the presence of numerous publications on the problems of youth and its upbringing. It is important to note the work on youth policy. These are, first of all, publications on such issues as state youth policy, regional and municipal youth policy, legal regulation of youth policy, youth policy infrastructure, sociology of youth policy, young family as an object of youth policy, value orientations of young people in the content of the state youth information policy.

Keywords: report, law, youth policy, youth, direction, body of state power and local self-government, powers, principle, subject, form of participation, purpose.

Введение.

Под молодежной политикой понимается комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления [1]. Комплекс мер реализуется при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и российских граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Меры направлены на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности. Молодежная политика реализуется в отношении молодежи – социально-демографической группы людей в возрасте от 14 до 35 лет, имеющих российское гражданство.

Обсуждение. Результаты.

Целями молодежной политики являются:

- защита прав и законных интересов молодежи;
- обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи;
- создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества и т.д.

К принципам молодежной политики относится:

- сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций;
- взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики и т.п.

Субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, выступают молодежь, молодые семьи, молодежные общественные объединения, федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации.

Органы государственной власти и местного самоуправления имеют полномочия в сфере молодежной политики.

К полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере молодежной политики относятся:

- разработка и реализация; нормативно-правовое регулирование;
- принятие и реализация государственных программ Российской Федерации, федеральных целевых программ, реализация международных программ по основным направлениям;
- осуществление координации и методического руководства региональных органов государственной власти;
- организация подготовки специалистов по работе с молодежью;
- организация и осуществление мониторинга реализации молодежной политики на федеральном уровне;
- подготовка доклада о положении молодежи в Российской Федерации, утверждение порядка осуществления мониторинга реализации молодежной политики, перечней обязательной информации, подлежащей мониторингу.

Полномочиями региональных органов государственной власти являются:

- реализация молодежной политики на территории региона;
- разработка и реализация региональных и межмуниципальных программ по основным направлениям в сфере молодежной политики с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей регионов;
- организация деятельности специалистов по работе с молодежью;
- организация и осуществление мониторинга реализации молодежной политики в регионе.

К полномочиям органов местного самоуправления относятся:

- участие в реализации молодежной политики; разработка и реализация мер по обеспечению и защите прав и законных интересов молодежи на территории муниципального образования;
- организация и проведение мероприятий по работе с молодежью в муниципальном образовании;
- разработка и реализация муниципальных программ по основным направлениям реализации молодежной политики;
- организация и осуществление мониторинга реализации молодежной политики на территории муниципального образования.

Основные направления реализации молодежной политики разнообразны. На основе Доклада о реализации в 2023 году плана деятельности Федерального агентства по делам молодежи на период 2019–2024 годов рассмотрим основные направления [2].

Воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

В федеральных округах проведены четыре окружных форума, участниками которых стали 2,8 тыс. специалистов и организаторов деятельности в сфере патриотического воспитания. Во Всероссийском проекте «Диалоги с Героями», реализованном в 65 регионах, участвовали 150 тыс. чел., во Всероссийском студенческом корпусе спасателей – 14 млн 275 тыс. 513 чел., в системе межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержки общественных инициатив и проектов, направленных на гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи – 2447987 чел. Для реализации мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию получили грантовую поддержку 45 некоммерческих организаций на общую сумму 35 млн 767,2 тыс. руб.

Обеспечение межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, профилактика и предупреждение проявлений экстремизма в деятельности молодежных объединений.

В мероприятиях, направленных на развитие межнационального сотрудничества, сохранение культуры и традиций народов, гражданско-патриотического воспитания молодежи, участвовали 75 тыс. чел.

Поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов из числа молодых граждан, а также лиц из числа

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Общий охват участников составил 2311 человек, получателями социально-правовой помощи стали 120 чел. Реализованы мероприятия для 650 человек с ограниченными возможностями здоровья.

Поддержка инициатив молодежи. Число участников всероссийских мероприятий, направленных на самореализацию и поддержку молодежных инициатив. – 245240 чел. Проведены мероприятия, направленные на гражданское и патриотическое воспитание молодежи, развитие у них творческого, интеллектуального, профессионального потенциала, интереса к научной, научно-исследовательской деятельности, реализацию программы социальной активности обучающихся начальных классов, научно-методическое и ресурсное обеспечение системы образования организациями, подведомственными Министерству просвещения, общее количество участников – 195895 чел., подведомственными организациями Федерального агентства по делам молодежи – 4460 чел. Для целевых аудиторий грантового конкурса социальных инициатив молодежи осуществлена выплата 455 экспертам на общую сумму 18468249,97 рублей за оценку 58933 проектов в заочной форме и за 331 очное мероприятие.

Содействие общественной деятельности, направленной на поддержку молодежи.

Вовлечено 100 тыс. обучающихся образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования в формирование и развитие способностей, личностных компетенций для самореализации и профессионального развития. 29,1 тыс. чел. приняли участие в форумах, слетах, конференциях, других мероприятиях, прошли обучение, в том числе в образовательном молодежном центре «Мастерская управления «Сенеж». Во Всероссийском студенческом форуме участвовали 49725 обучающихся, в форумах, слетах, конференциях – 23 тыс. чел., во Всероссийском образовательном форуме «Территория смыслов» – 4154 чел., в заездах для молодых деятелей культуры и искусства – 3995 чел., в фестивале творческих сообществ «Таврида.АРТ» – 50,8 тыс. чел. Организован Всероссийский проект «Лига вожатых», вовлечены в вожатскую деятельность – 10519 чел. В рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов предоставлены гранты 977 проектам на общую сумму 399937915 рублей.

Организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи, формирование условий для занятий физической культурой, спортом, содействие здоровому образу жизни молодежи.

Направлены в туристические поездки по программе гражданско-патриотического и общественно полезного молодежного туризма «Больше, чем путешествие» 65255 человек. Проведе-

ны мероприятия по развитию молодежного спорта – 10 тыс. участников. 40 тыс. студентов участвовали в студенческом спорте. Во Всероссийском студенческом конкурсе «Твой Ход», направленном на создание условий для активного взаимодействия и продуктивного диалога студентов и преподавателей, формирование навыков проектного мышления у студентов, повышение интереса к решению вызовов и задач, стоящих перед страной и обществом, приняли участие 300 тыс. чел. Организованы 174 экскурсионно-образовательные поездки в регионы для 6925 детей и молодежи Калининградской области.

Предоставление социальных услуг молодежи.

Реализованы мероприятия по осуществлению деятельности, направленной на решение социальных вопросов и вовлечению граждан в социально-значимые проекты, – 65 тыс. участников.

Поддержка молодых семей.

Проведены мероприятия для молодых семей, общее количество участников – 10 тыс. чел. Проводится конкурс «Это у нас семейное», заявки на участие, в котором подали 587250 человек, 102735 семейных команд. В финале конкурса принимают участие 250 семей.

Содействие образованию молодежи, научной, научно-технической деятельности молодежи.

В Программе развития «Другое дело», которая призвана мотивировать молодежь на саморазвитие, повышать уровень гражданского сознания молодежи и вовлекать в социальные активности, приняли участие 1758240 человек.

Организация подготовки специалистов по работе с молодежью.

Проведены мероприятия для прохождения координаторами молодежной политики курсов по работе в сфере государственной молодежной политики и технологиям работы с молодежью. Среди них были обучающие программы: Голос поколения. Регионы – 400 участников; Школа лидеров молодежных событий – 150 чел.; Чемоданчик сотрудника молодежной политики – 3 тыс. чел.; Азбука мероприятий – 5 тыс. чел.; Встреча лидеров в сфере молодежной политики – 30. Реализованы мероприятия по просветительской деятельности экспертов, деятелей науки и культуры, выдающихся ученых, спортсменов, общественных и государственных деятелей и представителей бизнес-сообщества в регионах. Обучены 85 координаторов Всероссийского проекта «Связь поколений». 3052 добровольца (волонтера) вовлечены в реализацию проекта. Обучены современным инструментам и методикам работы с детьми и молодежью в Центре знаний «Машук» – 13309 чел.

Выявление, сопровождение и поддержка молодежи, проявившей одаренность.

© Аверин А.Н., Комаров Д.С., Бутова А.С.

Проведено 280 мероприятий и мастер-классов с охватом 9164 человек, направленных на развитие лидерских и управленческих компетенций для школьников и студентов. Открыто 37 центров компетенций, создано 50 центров оценки компетенций в образовательных организациях. На участие в конкурсе управленцев «Лидеры России» 2023–2024 гг. подано 158995 заявок. Приняли участие 2740 человек. Финалистам конкурса предоставлены гранты для оплаты обучения по образовательным программам высшего образования, дополнительным профессиональным программам.

Развитие института наставничества.

За счет предоставления гранта в форме субсидии реализуется программа наставничества с участием 100 человек, в региональной программе наставничества приняли участие 902 чел.

Обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством студенческих отрядов, профессиональному развитию молодых специалистов и молодых работников.

В XI Всероссийском форуме рабочей молодежи приняли участие молодые специалисты и кадровый резерв компаний, члены молодежных объединений, рабочая молодежь, известные HR-эксперты и представители органов власти. Центральная тема форума – коммуникация и сотрудничество. Образовательная программа форума включила пять направлений: Кадровый резерв: рост внутри компании, Внутреннее предпринимательство, Культурные проекты, Волонтерство на предприятии, ПрофорIENTATION: привлечение и развитие молодежи в компании. Участниками форума стали 300 человек. Общее количество участников мероприятий, организованных и проведенных Центром содействия молодым специалистам – 1,5 тыс. чел. Работала Высшая школа командных составов студенческих отрядов для 130 лидеров движения студенческих отрядов из 41 региона. Участники посетили мастер-классы от руководителей строительного и педагогического направлений, развили навыки командной работы. Спикерами школы стали представители крупных российских компаний, лидеры мнений. 16 руководителей региональных штабов студенческих отрядов прошли обучение в школе командных составов студенческих отрядов для руководителей региональных штабов.

Поддержка и содействие предпринимательской деятельности молодежи.

Общее количество молодых людей, ставших участниками Всероссийской программы по развитию молодежного предпринимательства, составило 37708 человек.

Содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности.

В волонтерской деятельности приняли участие 15,19 млн человек, 600 педагогов и 6 тыс. обучающихся общеобразовательных организаций. Во Всероссийском конкурсе «Добро не уходит на каникулы» участвовали 8719 обучающихся и 1280 педагогов, в межрегиональных и международных стажировках – 300 чел., в мероприятиях регионов и иностранных государств – 2 тыс. чел. Зарегистрированными пользователями единой информационной системой в сфере развития добровольчества (волонтерства) на платформе ДОБРО.РФ были 33327 организаторов, 1502064 волонтера, зарегистрировано 211987 мероприятий, 286437 вакансий, 16 904 проекта, 28670970 волонтерских часов. Создано 717 волонтерских центров, в том числе 89 ресурсных центров, 628 Добро центров, приняли участие 5,9 млн волонтеров. 63274 волонтера прошли обучение и получили сертификаты. Общий объем субсидий, представленных регионам в рамках Всероссийского конкурса лучших региональных практик поддержки волонтерства, составил 197 млн 321,4 тыс. руб. Количество добровольцев в сфере здравоохранения – 79179. В федеральных округах проведены 5 окружных форумов добровольцев (волонтеров), в которых приняли участие 1,5 тыс. волонтеров из 89 регионов. Участниками Всероссийских акций, приуроченных к памятным датам и важным историческим событиям, стали 13 млн 106 тыс. чел., международного форума гражданского участия # МЫВМЕСТЕ – 10 тыс. чел., Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» – 82870 чел. Привлечены для раздачи гуманитарной помощи нуждающимся людям, в работу по привлечению людей в волонтерскую деятельность 65 тыс. волонтеров.

Содействие международному и межрегиональному сотрудничеству в сфере молодежной политики.

В 2024 году проведен Всемирный фестиваль молодежи с участием 10 тыс. российских и 8 тыс. иностранных граждан, привлечено к участию 500 спикеров; задействовано в подготовке и проведении 3 тыс. волонтеров. Организованы мероприятия по международному молодежному сотрудничеству, общее число участников – 1,3 тыс. чел. Реализуется программа комплексного развития молодежной политики в субъектах Российской Федерации «Регион для молодых». Общий объем субсидии составил 5 млрд руб. Всего отремонтировано и оснащено оборудованием 69 учреждений. Участниками Форума по историко-патриотическому воспитанию детей и молодежи в Псковской области стали 1 тыс. человек. Организованы образовательные мероприятия в рамках Университета креативных индустрий в составе арт-кластера «Таврида», количество обученных молодых деятелей культуры и искусств – 11554 чел. В конференциях и мастер-классах,

семинарах, креативных сессиях и иных просветительских мероприятиях приняли участие 14597 чел. Проведена программа подготовки команд молодых специалистов для реализации социальных проектов «Кадры для села», участвовали 15 тыс. чел.

Предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи.

Реализуется комплексная программа «Безопасная молодежная среда», включающая блоки, направленные на обеспечение профилактики социально-негативных явлений в детской и молодежной среде, в том числе правонарушений среди детей и молодежи, в отношении них, распространения идеологии терроризма, экстремизма, профилактики аддитивного поведения. Проведены Всероссийские и окружные семинары-совещания по профилактике социально-негативных явлений для специалистов по работе с молодежью, в работе которых приняли участие 1,5 тыс. чел.

Поддержка деятельности по созданию и распространению, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в сферах массовой информации произведений науки, искусства, литературы и других произведений, направленных на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей молодежи.

Размещен в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» контент, направленный на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодежи, совокупный охват контента среди молодежной аудитории – 730 млн просмотров. Поддержаны 337 проектов по созданию, производству, размещению, распространению государственного контента, направленного на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей в сети «Интернет», в том числе среди молодежи, на популяризацию науки и научных знаний, носящих образовательный и просветительский характер.

Осуществляется содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей, поддержка деятельности молодежных общественных объединений, проведению научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики.

Заключение. Реализация молодежной политики осуществляется по различным направлениям. Целесообразно выделить в качестве основного направления, в том числе и в Федеральном законе о молодежной политике, поддержку молодых военнослужащих и ветеранов, участвующих в специальной военной операции.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
2. Доклад о реализации в 2023 году плана деятельности Федерального агентства по делам молодежи на период 2019–2024 годов // Документы. URL : fadm.gov.ru

References:

1. Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ «On Youth Policy in the Russian Federation» // System GARANT. URL : garant.ru
2. Report on the implementation in 2023 of the plan of activities of the Federal Agency for Youth Affairs for the period 2019–2024 // Documents. URL : fadm.gov.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>
anaverin1947@mail.ru

Комаров Данил Сергеевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

Danil S. Komarov

Master's Student
of the Faculty of Political Science,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Бутова Анастасия Сергеевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений
и международного права,
Московский гуманитарно-экономический
университет
Vasilisa2.78@mail.ru

Anastasia S. Butova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of International Relations
and International Law,
Moscow Humanitarian and Economic University
Vasilisa2.78@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-12>

УДК 32

Attribution

cc by

ХРИСТИАНСКИЕ И ИНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ И ТЕЧЕНИЯ НА УКРАИНЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ НА КАНУНЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Васьков М.А.¹, Ковров В.В.², Самыгин С.И.³

¹Южный федеральный университет,

²Вятский государственный университет,

³Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье рассматривается положение и роль различных не относящихся к Православной Церкви религиозных организаций и течений. Авторы уделяют значительное внимание тому, как именно различные религиозные течения становятся участниками политических процессов и интегрируются в идейно-политическую систему Украины в тех её аспектах, которые касаются поддержки мейнстримной идеологии прежде всего в том, что касается противодействия России, идеологической поддержки вооружённых сил Украины. Авторы рассматривают тот факт, что украинскими властями допускалось легальное существование ряда религиозных организаций, которые в большинстве других стран признаны террористическими. Это можно объяснить стремление использовать их потенциал именно как террористических организаций для решения внешнеполитических задач. В отношении религиозной политики украинских властей наблюдается определённая динамика. В частности, от достаточно активной поддержки раскольнических течений в православной церкви, но первоначально без острых конфликтов с Украинской православной церковью Московского Патриархата к фактически организованным на государственном уровне репрессиям в отношении РПЦ (МП) с использованием силовых структур. Поддержка раскольнических течений в православии и различных иных христианских течений вместе с неоязыческими организациями как часть стратегии разрыва с Россией и теми религиозно-политическими и нравственными ценностями, которые с ней ассоциируются.

Ключевые слова: религия, политика, Украина, религия на Украине; Греко-Католическая церковь, протестанты, неоязычество, политическая роль религиозных организаций.

CHRISTIAN AND OTHER RELIGIOUS CONFESSIONS AND MOVEMENTS IN UKRAINE: POLITICAL SITUATION AND SOCIAL ROLE ON THE EVE OF THE START OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Maxim A. Vaskov¹, Vladimir V. Kovrov², Sergey I. Samygin³

¹Southern Federal University,

²Vyatka State University,

³Rostov State University of Economics

Abstract. The article examines the position and role of various religious organizations and movements that are not related to the Orthodox Church. The authors pay considerable attention to how various religious movements become participants in political processes and integrate into the ideological and political system of Ukraine in those aspects that concern support for the mainstream ideology, primarily in terms of counteraction to Russia, ideological support for the armed forces of Ukraine. The authors examine the fact that the Ukrainian authorities allowed the legal existence of a number of religious organizations that are recognized as terrorist in most other countries. This can be explained by the desire to use their potential as terrorist organizations to solve foreign policy problems. There is a certain dynamic in the religious policy of the Ukrainian authorities. In particular, from fairly active support for schismatic movements in the Orthodox Church, but initially without acute conflicts with the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, to actual state-organized repressions against the Russian Orthodox Church (MP) using security forces. Support for schismatic movements in Orthodoxy and various other Christian movements, together with neo-pagan organizations, as part of a strategy of breaking with Russia and the religious, political and moral values associated with it.

Keywords: religion, politics, Ukraine, religion in Ukraine; Greek Catholic Church, Protestants, neo-paganism, political role of religious organizations.

Введение.

На территории Украины, помимо конкурирующих между собой течений Православной Церкви, присутствует большое количество различных иных христианских течений и конфессий, большое количество христианских и псевдохристианских сект, исламская и иудейская конфессии, а также различные религиозно-политические течения, связанные с неоязычеством и сатанизмом.

Необходимо рассмотреть характеристики данных религиозных объединений в контексте внутренней украинской политики, их взаимоотношений и роль в формировании современного идейно-политического облика Украины с учетом того обстоятельства, что в социально-политических условиях современной Украины помимо факторов, приводящих к конкуренции, существует и объединяющая все эти структуры, руководящая идеология не просто поддержки украинской государственности, а поддержка националистической идеологии и противодействие России.

В данной статье речь идет только о положении, которое отмечается на территории Украины, поскольку те религиозные организации, которые присутствуют как в России, так и на Украине в российских социально-политических условиях являются структурами, действующими в соответствии с российским законодательством и не занимающимися какой-либо деструктивной деятельностью. Речь идет только о конкретных и, по мнению авторов, достаточно уникальных условиях постсоветской Украины.

Обсуждение. Результаты.

На территории Украины одновременно присутствуют несколько православных и католических религиозных организаций, между которыми очень непростые отношения, вплоть до открытых затяжных конфликтов. Помимо этого, на Украине действует большое количество протестантских церквей и общин. Часть из них существует достаточно долгое время, часть же появилась в конце восьмидесятых – начале девяностых годов двадцатого века, после либерализации государственно-конфессиональной политики позднего СССР и, особенно, после прекращения существования союзного государства и обретения украинским государством независимости. Многие из этих поздних протестантских общин возникли первоначально как украинские филиалы западных международных протестантских организаций, развернувших активнейшую миссионерскую деятельность на территории бывших союзных республик в девяностые годы XX века. Аналогичные процессы происходили в то время и в России, однако, в отличие от преимущественно не вмешивающихся в политику отечественных протестантов, их украинские единомышленники политической деятельностью занимались и продолжают заниматься довольно активно.

Проникновение протестантских организаций в политическую жизнь Украины происходит, в основном, двумя путями.

Некоторые протестанты открыто заявляют о своем желании формировать политическую повестку именно в качестве организаций, и прилагают для этого все усилия. Так действует, например, базирующаяся в Латвии неопятидесятническая церковь «Новое поколение».

Другие же предпочитают действовать через своих представителей во властных структурах государства. В качестве яркого примера можно вспомнить деятельность Александра Турчинова, исполнявшего обязанности президента, секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины после государственного переворота 2014 года.

Нет ничего удивительного и в том, что целый ряд украинских протестантских религиозных организаций принимали активное участие и в «оранжевой революции» 2004 года, и в государственном перевороте 2014 года, так как немалая часть украинских протестантов занимает активную прозападную и антироссийскую позицию [6]. Здесь в качестве примера можно привести, так называемый «молитвенный марафон» в г. Донецке, целью которого было не достижение гражданского мира, а противодействие активистам, поддерживающим Донецкую Народную Республику и мобилизация проукраинских политических сил с использованием религиозной основы. Достаточно показательным в этой связи является дневник организатора данного «молитвенного марафона» и те характеристики которых в своей книге он приводит по отношению к ДНР. Книга была опубликована под грифом Министерства информационной политики Украины [16, с. 259].

Отметим также, что на украинском религиозном поле активно присутствуют исламские религиозные организации; причем, среди них довольно заметны организации радикального толка, деятельность которых запрещена как в России, так и зарубежных странах. К числу таковых относится запрещенная в нашей стране как террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Исламская партия освобождения»). Следует упомянуть также и запрещенный в России «Меджлис крымскотатарского народа» – организацию этнического, а не конфессионального толка, но широко использующую исламскую риторику в своей деятельности. Подобные организации, несмотря на их радикализм, несущий потенциальную опасность самому украинскому государству, получают поддержку со стороны киевского режима вследствие своей антироссийской позиции.

Украина в течение многих столетий была местом присутствия больших еврейских общин, поэтому закономерно, что иудейские религиозные организации занимают заметное место на религиозной карте страны. Украина также играет боль-

шую роль в религиозной жизни иудейских общин всего мира. В городе Умань находится могила одного из видных деятелей хасидизма – рабби Нахмана, к которой ежегодно совершают паломничества десятки тысяч последователей иудаизма; причем, многие верующие приезжают ежегодно. В Днепропетровске (после переворота 2014 года был переименован в Днепр) в 2012 году был построен иудейский культурно-деловой центр «Менора», являющийся в настоящее время крупнейшим в мире комплексом подобного рода. Иудейская община Украины, несмотря на то, что после переворота 2014 года в украинском обществе приобрели заметное влияние радикальные националисты и антисемиты, занимает достаточно прочное положение. В ее рядах есть влиятельные представители политических и деловых кругов, которые способны, в той или иной степени, оградить своих единоверцев от нападок радикалов. Тем не менее, на Украине бытовой и политический антисемитизм, источником которого как раз и являются националистические круги, не только не пресекаются, но зачастую встречается одобрительно.

Довольно заметное место на религиозной карте Украины занимают и, так называемые новые религиозные движения (НРД) или секты, как их обычно называют в средствах массовой информации. НРД начали активно распространяться в СССР на рубеже восьмидесятых-девяностых годов двадцатого века. Особенно бурно этот процесс пошел после распада Советского Союза. Наряду с движениями, возникшими на территории стран бывшего СССР, в новые самостоятельные страны хлынул поток зарубежных НРД, открывших для себя прекрасную, как им казалось, возможность значительно увеличить ряды неофитов. Постсоветское общество, оказавшееся в условиях ценностного и мировоззренческого кризиса, было не готово к этому наплыву, и охотно прислушивалось к проповедникам самых сомнительных и откровенно деструктивных движений. Своеобразной кульминацией этого процесса можно считать скандальный эпизод с открытием в стенах Московского государственного университета библиотечного зала, посвященного Рональду Хаббарду, основателю Церкви саентологии – одного из самых одиозных НРД, история которого отмечена, в том числе и уголовными преступлениями. С тех пор ситуация в нашей стране изменилась в лучшую сторону, и ничего подобного уже просто невозможно себе представить. Что же касается Украины, то в этой стране НРД нашли себе, если можно так выразиться, надежное прибежище. Конечно, не обошлось и без скандалов, самым громким из которых была массовая провокация с уличными беспорядками и попыткой захвата Софийского собора в Киеве, организованная в конце девяностых годов членами Великого белого братства ЮСМАЛОС. Тем не менее, НРД занимают прочное место в украинском обществе. Так, уже упомянутая нами Церковь саентологии, по утверждениям ряда источников, приобрела после переворота 2014 года высокого покровителя в лице,

связанного с этой организацией, Арсения Яценюка, занимавшего пост премьер-министра в правительстве, сформированном после «майдана».

Особо следует выделить разнообразные неоязыческие организации группы, получившие очень широкое распространение в современном украинском обществе. Причем, в отличие от ситуации с неоязычеством в нашей стране, на Украине неоязычники, к тому же, самого радикального толка, оказались, фактически, интегрированы в государственные силовые структуры. Так, несколько лет назад на ютьюб-канале одного из самых одиозных националистических формирований – запрещенного в России как террористическая организация полка «Азов» – было размещено видео, на котором «азовцы» устанвливают на территории своей базы под Мариуполем деревянное изображение языческого божества Перуна. Из видеоряда недвусмысленно следует, что это был именно религиозный акт установки идола для поклонения, а не какое-нибудь культурное мероприятие: участвующие в действии произносят ритуальные формулы, прославляющие языческое божество, делают надрезы на руках и сливают кровь к основанию идола, а также выбрасывают правую руку вперед и вверх. Ритуальный жест, копирующий нацистское приветствие, принят у, так называемых «инглингов» – неоязыческого движения откровенно расистского толка, возникшего в России и получившего распространение на Украине.

В России запрещены деятельность головной и ряда других выявленных правоохранителями организаций «инглингов», основная вероучительная литература «инглингов» внесена в список запрещенных к распространению экстремистских материалов, а сам основатель этого движения был осужден и приговорен к лишению свободы условно. Но, в отличие от нашей страны, на Украине «инглинги» и подобного рода националистические неоязыческие группировки действуют совершенно свободно. Во всем этом нет ничего удивительного, учитывая факт прихода к власти на Украине националистически ориентированных политических сил.

Вначале мы охарактеризуем украинский католицизм. На территории Украины действуют две католические церкви: римско-католическая церковь (РКЦ) и греко-католическая церковь (ГКЦ). РКЦ имеет в целом не очень серьезное влияние на религиозную жизнь украинского общества, что и не удивляет. Римско-католиками на Украине являются, по большей части, представители национальных меньшинств – поляки и венгры. Основная часть верующих сосредоточена в западных регионах страны, хотя римско-католические приходы есть и в центре, и на востоке – то есть практически на всей территории Украины. Тем не менее, католическая церковь стремится оказывать влияние на украинское общество как публичными методами, так и не публично. Публичное влияние, как это чаще всего бывает в тех

странах, где католики относятся к меньшинствам, оказывается, в основном, через систему католического образования, отличающегося традиционным для РКЦ высоким академическим уровнем. Непубличное влияние представляется, в украинских реалиях, гораздо более важным, и имеет, скорее, политическую, а не собственно религиозную направленность.

Ватикан, как известно, являет одним из важных центров силы западного мира, посредством которого ведущие западные государства и, в первую очередь, США, стремятся оказывать влияние на политические элиты в других странах.

Сейчас целью коллективного Запада является максимальный отрыв Украины от России, и католическая церковь рассматривается определенными западными силами как один из инструментов этой политики. Так или иначе, представители римско-католической церкви на Украине горячо поддержали антиконституционный переворот 2014 года, а часть ее представителей, в том числе и священнослужители, принимали активное участие в этих событиях.

Таким образом, политическое влияние РКЦ Украины представляется имеющим большее значение, чем это можно было бы предположить, оценивая значение католической церкви на религиозной карте страны

Греко-католики (униаты); то есть, УГКЦ, занимает на религиозной карте Украине значительно большее место, чем РКЦ. При этом, что закономерно, УГКЦ наиболее распространена в западных областях Украины [1]. Эта церковь рассматривается западноукраинскими националистами как неперемный атрибут национальной идентичности, что ярко проявило себя в годы, последовавшие за распадом СССР и получением украинским государством независимости. Как известно, после окончания Великой Отечественной войны греко-католическая церковь, в которой немало священнослужителей и иерархов активно сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами, поддерживали ОУН и УПА, прекратила свое существование по результатам Львовского собора 1946 года. Не признавшие Собор священники и верующие продолжали на территории УССР свою деятельность подпольно, но основным полем деятельности стала украинская эмигрантская среда в западных странах, настроенная радикально националистически и антисоветски.

Сразу же после провозглашения независимости украинского государства в стране активизировались местные националисты, поддерживаемые эмигрантскими центрами, а часть эмигрантов, почувствовав, что настал их час, приехала на Украину. Все это привело к восстановлению греко-католической церкви, ставшей знаменем возрождающегося национализма. Но, в то же время, подчеркнута западноукраинский вариант национализма далеко не всегда встречал поддержку со стороны националистических движений из

других регионов страны. Соответственно, и попытки воссозданной УГКЦ распространить свое влияние за пределы Западной Украины тоже сталкивались с достаточно серьезным противодействием – в частности, со стороны различных православных юрисдикций, рассматривавших эти территории как свое законное поле деятельности. Впрочем, это обстоятельство несколько не уменьшило уровень агрессивности прихожан, священнослужителей и иерархов УГКЦ по отношению, прежде всего, к Украинской православной церкви Московского патриархата: в течение первых десятилетий существования независимого украинского государства продолжались захваты греко-католиками православных храмов, часто сопровождавшиеся насилием по отношению к православным верующим и священникам. Как правило, такие эксцессы происходили в западных областях страны, но отнюдь не ограничивались ими. Характерно, что все это происходило при полном попустительстве, а иногда и при прямой поддержке местных властей, всецело принявших националистическую повестку.

Несмотря на то, что УГКЦ является, по своему статусу, католической церковью восточного (византийского) обряда и подчинена Папе римскому, эта религиозная организация обладает очень большой независимостью и, как показывает история последних десятилетий, склонна проводить частично самостоятельную политику – в тех случаях, когда эти действия не затрагивают генеральную линию Ватикана. В частности, агрессия УГКЦ по отношению к каноническому украинскому православию, особенно в своих самых насильственных проявлениях, иногда вызывала осуждение на словах со стороны Ватикана, однако, все ограничивалось, по сути, дежурными призывами к мирному разрешению всех спорных вопросов, и не привела к каким-либо серьезным шагам со стороны римской курии. В ходе антиправительственных выступлений, начавшихся в 2013 году, и закончившихся государственным переворотом 2014 года, УГКЦ запомнилась активной поддержкой правых радикалов, выступавших против законного правительства [1]. Священники УГКЦ выступал, фактически, в качестве капелланов отрядов боевых боевиков, прибывавших на майдан из Западной Украины.

Итак, можно констатировать, что УГКЦ, несмотря на достаточно локальный характер присутствия своих структур на территории Украины, может оказывать и оказывает заметное влияние на украинскую жизнь. Причем, эта организация влияет не только на религиозную, но и на политическую жизнь страны. Фактически, УГКЦ выступает в качестве одного из инструментов западных сил, стремящихся подчинить Украину своему влиянию.

Заключение.

Проведённое исследование показывает существование на Украине достаточно сложной конфессиональной картины вне рамок Православ-

ных церквей. Различные протестантские церкви, Римско-Католическая церковь, секты находятся в состоянии серьезной конкуренции за имеющую религиозную ориентированность в принципе целевую группу.

Можно говорить о том, что у каждого религиозного течения есть своё определённое ядро адептов, но при этом есть и колеблющаяся часть, которая неустойчива в своих конкретных религиозных убеждениях и склонна перетекать между различными структурами, что не характерно для традиционных конфессий.

Достаточно серьёзную конкуренцию христианским течениям составляет сатанизм и неоязычество; причем, данные религиозно-политические течения проявляют повышенную активность и составляют, наряду с украинским унитарным

национализмом, идеологическую основу радикальных политических движений, а с 2014 г. — и сформированных добровольческих боевых подразделений, которые с момента своего формирования принимали самое активное участие в боевых действиях против провозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик, и были в этот же период времени интегрированы с состав силовых структур Украины.

Рассматриваемые в статье религиозные организации представлены в силовых структурах Украины посредством института военных капелланов. При всех существующих различиях, конкуренции и конфликтах различные конфессии, религиозные течения и секты объединяет негативное отношение к российской государственности и участие в направленных против России информационно-политических проектах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абрамова Е.Н. Религия и цивилизационная идентичность в российско-украинских отношениях / Е.Н. Абрамова, В.И. Аникин // *Обозреватель-Observer*. 2017. № 7(330). С. 5–22.
2. Дегтярев А.К. Конфессиональный раскол как инструмент отчуждения в российско-украинской политике / А.К. Дегтярев, В.В. Черноус // *Наука, искусство, культура*. 2016. Вып. 1(9). С. 89–96.
3. Кравцов Д.Н. «Крестный путь» Русского православия на Украине в условиях современной дискриминационной дерусификации антироссийской пропаганды / Д.Н. Кравцов // *Коммуникология*. 2017. Т. 5. № 5. С. 163–176.
4. Курылев К.П. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г. / К.П. Курылев, Д.В. Станис // *Постсоветские исследования*. 2019. Т.2. № 2. С. 963–981.
5. Лункин Р.Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола / Р.Н. Лункин // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 6. С. 196–202.
6. Лункин Р.Н. Религиозная политика в условиях российско-украинского кризиса / Р.Н. Лункин, В.А. Иванова // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 2. С. 245–252.
7. Назарова Т.П. Специфика развития государственно-конфессиональных отношений на Украине (1990–2000-е гг.) / Т.П. Назарова, О.Ю. Редькина, В.А. Иванов // *Современная научная мысль*. 2022. № 2. С. 100–104.
8. Православные церкви Украины в условиях политических изменений 2014–2022 гг. / Т.П. Назарова, О.Ю. Редькина, А.А. Руднева, В.А. Иванов // *Современная научная мысль*. 2022. № 3. С. 130–134.
9. Сенюшкин Е.А. Внутриправославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии — к геополитизации конфликта / Е.А. Сенюшкин // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 41–45.
10. Слесарев А.В. Украинское и белорусское автокефальные движения в контексте притязаний Константинопольского патриархата на территории исторической Киевской митрополии / А.В. Слесарев // *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2021. № 4. С. 144–162.
11. Снежкова И.А. Современная конфессиональная ситуация на Украине: межконфессиональные проблемы и поиске компромиссов / И.А. Снежкова // *Власть*. 2019. № 4. С. 142–146.
12. Фомин А.А. Украинская автокефалия: путь к независимости или политический проект? / А.А. Фомин, Н.П. Пархитыко // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 1. С. 893–896.
13. Ясеницкий В.М. Взаимоотношения Украинской грекокатолической церкви и украинских автокефалистов в конце XX в. / В.М. Ясеницкий // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 1(28).
14. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. Pew Research Center.

15. URL : <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment> (дата обращения 30.08.2024).
16. Косяк С.Н. Донбасс, которого ты не знал. Дневник священника. Книга первая. К. : Издатель Заславский А.Ю., 2018. 228 с.

References:

1. Abramova E.N. Religion and civilizational identity in Russian-Ukrainian relations / E.N. Abramova, V.I. Anikin // Observer-Observer. 2017. № 7(330). P. 5–22.
2. Degtyarev A.K. Confessional schism as an instrument of alienation in Russian-Ukrainian politics / A.K. Degtyarev, V.V. Chernous // Science, art, culture. 2016. Iss. 1(9). P. 89–96.
3. Kravtsov D.N. «The Way of the Cross» of Russian Orthodoxy in Ukraine in the context of modern discriminatory de-Russification of anti-Russian propaganda / D.N. Kravtsov // Communicology. 2017. Vol. 5. № 5. P. 163–176.
4. Kurylev K.P. Church Schism in Ukraine as a Result of the February 2014 Coup D'etat / K.P. Kurylev, D.V. Stanis // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. № 2. P. 963–981.
5. Lunkin R.N. Political Situation in Ukraine in Light of the Church Schism / R.N. Lunkin // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 6. P. 196–202.
6. Lunkin R.N. Religious Policy in the Context of the Russian-Ukrainian Crisis / R.N. Lunkin, V.A. Ivanova // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 2. P. 245–252.
7. Nazarova T.P. Specifics of the Development of State-Confessional Relations in Ukraine (1990–2000s) / T.P. Nazarova, O.Yu. Redkina, V.A. Ivanov // Modern Scientific Thought. 2022. № 2. P. 100–104.
8. Orthodox Churches of Ukraine in the Context of Political Changes of 2014–2022 / T.P. Nazarova, O.Yu. Redkina, A.A. Rudneva, V.A. Ivanov // Modern Scientific Thought. 2022. № 3. P. 130–134.
9. Senyushkin E.A. Intra-Orthodox Contradictions in Ukraine: Through the Instrumentalization of Religion - to the Geopoliticization of the Conflict / E.A. Senyushkin // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2019. Vol. 8. № 1(26). P. 41–45.
10. Slesarev A.V. Ukrainian and Belarusian autocephalous movements in the context of the claims of the Patriarchate of Constantinople on the territory of the historical Kyiv Metropolitanate / A.V. Slesarev // Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2021. № 4. P. 144–162.
11. Snezhkova I.A. The current confessional situation in Ukraine: interconfessional problems and the search for compromises / I.A. Snezhkova // Power. 2019. № 4. P. 142–146.
12. Fomin A.A. Ukrainian autocephaly: the path to independence or a political project? / A.A. Fomin, N.P. Parkhitko // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. № 1. P. 893–896.
13. Yasenitsky V.M. Relations between the Ukrainian Greek Catholic Church and Ukrainian autocephalists at the end of the 20th century / V.M. Yasenitsky // Society: philosophy, history, culture. 2018. № 1(28).
14. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. Pew Research Center.
15. URL : <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment> (date of application 30.08.2024).
16. Kosyak S.N. Donbass, which you did not know. Diary of a priest. Book one. K. : Publisher Zaslavsky A.Yu., 2018. 228 p.

Информация об авторах

Васьков Максим Александрович

доктор социологических наук,
профессор кафедры регионалистики
и евразийских исследований,
руководитель
Центра восточнославянских исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
mavaskov@sfedu.ru

Ковров Владимир Викентьевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры педагогики,
Вятской государственной университет, г. Киров
SPIN-код 4961-9902
Author ID 345689
lev23@list.ru

Maxim A. Vaskov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Regional Studies
and Eurasian Studies,
Head of the Center for East Slavic Studies
of the Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University
mavaskov@sfedu.ru

Vladimir V. Kovrov

Associate Professor,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Vyatka State University, Kirov
SPIN-код 4961-9902
Author ID 345689
lev23@list.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-5>

УДК 32

Attribution

cc by

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, МЕДИА И ИТ-ПЛАТФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЕДЕНИЯ «ИНФОГИБРИДНЫХ ВОЙН»

Ермаков К.А.

Центр политических исследований «АПЕК-КОНСАЛТИНГ»

Аннотация. В работе рассматривается использование концепций «Effects-Based Approach to Joint Operations» – совместных операций, нацеленных на конечный эффект (СОНКЭ), служащей основой для реализации Soft Power, сочетающей в себе элементы Hard Power и Soft Power, приводятся этапы реализации СОНКЭ в отношении «враг-систем»; дается характеристика концепции NCW (Network Centric Warfare) – «сетевидного способа ведения войны» как ведущего способа реализации Hard Power; проводится параллель между разработанными RAND corporation способами осуществления стратегического информационного противоборства и «инфогибридной» войной. С использованием методов системного и структурно-функционального анализа исследуется применение информационных технологий, медиа и ИТ-платформ в ходе ведения «инфогибридных» войн, делаются выводы: о возможности рассмотрения медиа и ИТ-платформ как глобальных акторов, непосредственно влияющих на международные отношения; о превращении информационных технологий в инструмент ведения информационно-психологических и «инфогибридных» войн; о «сетевидном характере» использования информационных технологий, медиа и ИТ-платформ в качестве компонентов Smart Power.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, «сетевидная война», глобальные акторы, медиа и ИТ-платформы, «инфогибридная» война, стратегическое информационное противоборство, Smart Power, международные отношения, мегатренды.

INFORMATION TECHNOLOGIES, MEDIA AND IT PLATFORMS AS TOOLS FOR WARRIING «INFO-HYBRID WARS»

Kirill A. Ermakov

Center for Political Studies «APEK-CONSULTING»

Abstract. The paper considers the use of the concepts of the «Effects-Based Approach to Joint Operations» – joint operations aimed at the final effect (SONKE), serving as the basis for the implementation of Soft Power, combining elements of Hard Power and Soft Power, provides the stages of SONKE implementation in relation to «enemy systems»; provides a description of the NCW (Network Centric Warfare) concept – «network-centric method of waging war» as the leading method of implementing Hard Power; draws a parallel between the methods of implementing strategic information confrontation developed by the RAND corporation and «infohybrid» warfare. Using the methods of system and structural-functional analysis, the use of information technologies, media and IT platforms in the course of waging «infohybrid» wars is studied, conclusions are made: on the possibility of considering media and IT platforms as global actors directly influencing international relations; on the transformation of information technologies into a tool for waging information-psychological and «infohybrid» wars; on the «network-centric nature» of using information technologies, media and IT platforms as components of Smart Power.

Keywords: Information and communication technologies, «network-centric warfare», global actors, media and IT platforms, «infohybrid» warfare, strategic information confrontation, Smart Power, international relations, megatrends.

Введение.

События последнего десятилетия XX века оказали очень серьезное влияние на последующее мироустройство, систему международных отношений и архитектуру международной безопасности. Крах Организации стран Варшавского дого-

вора, последовавший вскоре распад СССР, выполнявшего роль второго полюса сформировавшейся на тот момент биполярной системы, дали возможность истеблишменту США сделать вывод о победе в Холодной войне [1], и руководствуясь ранее разработанными положениями «гегемонистической стабильности» [2], приступить

к реализации описанной З. Бжезинским возможности стать единственным мировым лидером с учетом роста их мощи и влияния [3]. Происшедшее, в то же время, опережающее развитие информационно-коммуникационных технологий оказало влияние не только на скорость общественных коммуникаций и возможности доступа к медиа и информационному контенту, проникнув во все сферы жизни общества, но и не осталось без внимания военных аналитиков и инженеров. Последовавшие вслед за этим новые разработки в сфере вооружений, средств управления подразделениями, создание новых средств связи и коммуникации, совершенствование средств, методов и способов разведки, широкое использование автоматизации привели к необходимости создания новых концепций ведения войн в условиях глобального проникновения ИКТ.

Обсуждение.

Политика, проводимая США и его сателлитами, непосредственно нацелена на получение односторонних преимуществ как в экономической, в политической сфере и всегда ставит своей задачей достижение определенного конечного эффекта. Достижение намеченных целей происходит с использованием концепции «Effects-Based Approach to Joint Operations» – совместные операции, нацеленных на конечный эффект (СОНКЭ). Концепция СОНКЭ не ограничивается чисто военными составляющими, а представляет из себя определенную совокупность действий, сочетающую в себе элементы Hard Power и Soft Power. Страна, на которую будет оказано воздействие, схематично рассматривается как «враг-система». «Враг-система» при этом изображается в виде сферы, внутри которой в качестве концентрических слоев расположены все компоненты государственной мощи. При этом политическое руководство образует внутреннее ядро, а наружный слой образован непосредственно вооруженными силами, предназначенными для непосредственного отражения внешней агрессии. Этапы осуществления СОНКЭ можно представить следующим образом:

- определение характера и способов наиболее эффективного воздействия на «враг-систему» и при необходимости её окружение;
- перевод её в категорию «система-мишень»;
- определение точек критической уязвимости;
- создание условий по необратимому нарушению стабильности и связей внутри системы;
- достижение синергического эффекта, приводящего к невозможности нормального функционирования;
- разрушение «системы-мишени» под воздействием совокупного кумулятивного эффекта.

В качестве способа реализации Hard Power был предложен NCW (Network Centric Warfare) – «се-

тецентрический способ ведения войны» [4]. По своей сути концепция «сетцентрической войны» представляет способ координации действий войск с использованием достижений информационно-компьютерных технологий и информационного превосходства в области прогнозирования, осуществления управления, связи, коммуникации по коррекции действий в том числе в режиме реального времени. Её использование также позволяет обеспечить эффективность, непрерывность и адаптивность управления подразделениями на основе анализа (в том числе с использованием ИКТ) всего комплекса поступающей о действиях противника информации. Использование информационных технологий и интернет пространства в военных целях является субтрендом мирового развития. В 2020 г. Министерство обороны США и Илон Маск заключили соглашение о тестовом использовании спутниковой системы интернет Starlink в военных целях. По состоянию на декабрь 2023 года по заявлениям украинских военных, ВСУ использовали около 47 тыс. пользовательских терминалов сети Starlink, которые использовались как для обмена информацией и управления подразделениями, так и для управления БПЛА (беспилотными летательными аппаратами) [5]. 07 декабря агентство Bloomberg сообщило, что Пентагон и компания SpaceX заключили контакт о расширении доступа ВСУ к спутниковой группировке Starshield, обеспечивающей в том числе и защищенный стабильный интернет сигнал для использования в военных целях [6]. 14 декабря 2024 г. Министерство обороны США объявило о запуске программы «Rapid Capability Cell» – четырех пилотных проектов по использованию искусственного интеллекта как на поле боя, так и в управлении предприятиями ВПК [7].

Базовые концепции реализации Soft Power были представлены Дж. Наем еще в 2004 г. [8]. Осуществляемые операции «мягкой силы» всегда отличал ярко выраженный «сетцентрический» характер. Весьма интересным примером совокупного использования информационных технологий и деятельности медиа и IT-платформ в качестве Soft Power является их использование в ходе противоправных действий при попытке свержения конституционного строя в Республике Беларусь в 2020 г. Исследование, указанных событий, которое провел К. Нагорняк [9], позволило сделать выводы:

- о целенаправленном формировании циклической протестной активности;
- о наличии двух разработанных в одном координирующем центре сценариев организации свержения конституционного строя: в первом случае предполагалось создание постоянно действующего ядра протестной активности в столице и постепенная изоляция органов государственной власти и управления; во втором - формирование «сетевого протеста» путем организации непрерывной цепи децентрализованных акций с целью последующей организацией пост-

янных протестов в центре Минска и других крупных городов.

Для достижения указанных целей была запланирована постепенная изоляция так называемых «столпов поддержки режима» - органов государственной и муниципальной власти, институтов внутренней безопасности (МВД, КГБ), банковской системы, промышленности и экономики. Координация и управление протестами, получение обратной связи осуществлялось с использованием информационных технологий, включало в себя создание и использование крупных Telegram-каналов, таких как «Nexta Live», «Nexta TV», «Беларусь головного мозга», «TUT. BY новости», «Радио Свобода Беларусь», «Мая Країна Беларусь», «Хартія-97 %», «Наша Ніва». Указанные ресурсы распространяли методические рекомендации по организации забастовок на предприятиях, анонсировали проведение антиправительственных акций и места их проведения, сообщали о местонахождении и приближении представителей силовых структур, публиковали персональные данные сотрудников силовых структур и органов государственной власти, распространяли специальное программное обеспечение по анонимизации пользователей и пр. Также, использовались ИКТ-фильтрации для селективного выдачи информации. При любых поисковых запросах в Google первыми появлялись карты протестов и информация «Euronews» [10]. В этом состоял один из способов поддержки протестующих и предпринималась попытка привлечь большее количество участников и расширить его географию. Особенность протеста в Беларуси в 2020 году состоит в том, что он изначально был задуман как «сетевая протестная волна», и для его генерации, управления, получения обратной связи предполагалось использовать в том числе и специально созданные Telegram-каналы для проведения последующего анализа следует отметить, что события августа-сентября 2020 г. в Беларуси, презентованные западными медиа как исключительно мирные действия таковыми не являлись. Только за 10 августа 2020 г. по данным МВД Республики Беларусь пострадали 39 силовиков и более 50 гражданских лиц [11].

События в 2022 г. в Республике Казахстан, в ходе которых для координации действий агрессивно-настроенных жителей, мародеров, заранее организованных и спонтанных преступных группировок, деструктивных элементов и террористических групп широко использовались информационные технологии, также повлекли многочисленные жертвы.

По заявлению Президента РК Касым-Жомарта Токаева, январская трагедия 2022 г. представляла собой «попытку государственного переворота» и «террористическую атаку» на Казахстан [12].

Казахстанский исследователь Р. Сысоева полагает, что хотя «методология организации» этого

неудавшегося переворота отличается от уже реализованных сценариев «цветных революций» на постсоветском пространстве и в ряде других регионов, но, несомненно, вбирает их основные технологии [13].

В ходе расследования январских событий по статьям, относящимся к убийствам, похищению оружия, мятежу, мародерствам, было возбуждено более четырех тысяч уголовных дел имущества, пострадало около 5 тыс. человек и погибло более 200 человек [14].

Достижение предусмотренного Smart Power совокупного кумулятивного эффекта, реализуется в том числе на основе разработок по осуществлению стратегического информационного противоборства второго поколения, разработанного RAND corporation. Для данного вида противоборства характерно длительное использование в информационном пространстве новейших достижений ИКТ, направленных как на нанесение максимального вреда «системам-мишеням», так и на обеспечение проекции всех видов мощи США на территорию других стран. М. Лебедева определила современное состояние мира как транснационализацию [15]. Транспарентность государственности границ, частичная утрата суверенитета привели к повсеместному использованию информационных технологий, медиа и IT-платформ, по своей сути и характеру являющихся транснациональными. Основное направление их деятельности – повсеместное разжигание вражды и розни, достижение определенных политических целей с использованием инструментов манипуляционно-психологического подведения, что позволяет считать их эффективными компонентами ведения информационно-психологической войны, непосредственно подчиняющимися описанным еще К. фон Клаузевицем закономерностям.

Ф. Фукуяма утверждал, что вопросы идентичности станут осью мировой политики XXI века [16].

Одним из необходимых компонентов ведения войны, не важно используется в ходе неё Hard Power или нет, является создание атмосферы ненависти. Для разжигания вражды и ненависти используются все доступные инструменты: медиа и IT-платформы, средства рекламы и PR-технологии, социальные сети, киноиндустрия, бизнес-коммуникации [17]. В роли координатора действий по разработке, продвижению и реализации, созданных в рамках СОНКЭ стратегий выступает высший менеджмент глобальных IT-платформ («Meta», «YouTube», «WhatsApp», «WeChat», «Google» и др.), СМИ («CNN», «BBC», «Deutsche Welle», «Reuter», «FrancePresse», «The Washington Post», «Голос Америки», «Радио Свобода», «Blumberg», «Economist», «Time», и др.) [18].

С. Небренчин и А. Вьюнов полагают, что все современные войны вне зависимости от того, ведутся ли прямые военные действия или нет, являются «инфогибридными», ввиду их направ-

ленности не только на политическую систему, экономику, военное строительство, но и социальную и социокультурную сферу, религиозную и культурную идентичность [19].

С целью защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях всеобъемлющего проникновения информационно-коммуникационных технологий, обеспечения функционирования органов государственной власти, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, Указом Президента Российской Федерации была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [20].

Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности также предусматривает дальнейшее развитие системы информационной безопасности государств – членов ОДКБ на основе межгосударственного сотрудничества и укрепления межведомственного взаимодействия [21].

Результаты.

Используя методы системного и структурно-функционального анализа можно заключить следующее:

– медиа и IT-платформы стали глобальными акторами, непосредственно воздействующими на международные отношения, и формируют мировосприятие не только отдельных личностей и социальных групп, но и оказывают определяющее влияние на формирование внешней информационной среды;

– информационные технологии превратились в инструмент ведения информационно-психологических и «инфогибридных» войн;

– повсеместное использование ИКТ, медиа и IT-платформ в качестве инструментов СОНКЭ, скоординированный характер действий, несомненная интеграция в общую структуру ведения «инфогибридных» войн, позволяющая сделать вывод об их «сетевом характере» в ходе использования в качестве компонентов Smart Power;

– мегатренд глобального политико-цивилизационного противоборства в информационном пространстве оказывает существенное влияние на международные отношения и государственную политику Российской Федерации и стран ОДКБ.

Заключение.

Информационные технологии, медиа и IT-платформы непосредственно участвуют в формировании государственной мощи. Их состоявшаяся интеграция в общую структуру ведения «инфогибридных» войн требует учета в ходе оценки вызовов и угроз.

Рассматривая возможные трансформации системы международных отношений, необходимо учитывать роль медиа и IT-платформ как глобальных акторов, непосредственно формирующей информационную среду и оказывающей непосредственное влияние на государственную политику.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Буш Дж. О победе США над СССР в Холодной войне (прямая речь 26.01.1992). URL : <https://rutube.ru/video/9cbbb7ed12fdbd4742150d57fb51e592>
2. Webb M.C. Hegemonic stability theory: an empirical assessment / M.C. Webb, S.D. Krasner // Review of International Studies. 1989. № 15. P. 183–198.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский; Пер. с англ. О. Уральской. М. : АСТ, 2019. 384 с.
4. Network Centric Warfare. The RMA Debate. «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». М. : ВАГШ ВС РФ, 2010. URL : <http://www.comw.org/rma/fulltext/netcenterwar.html> (дата обращения 27.09.2024).
5. Varenysia I. URL : <https://tass.ru/armiya-i-opk/20589497> (дата обращения 07.12.2024).
6. Пентагон расширит доступ Украины к системе Starshield. URL : <https://ria.ru/20241207/pentagon-1987867540.html> (дата обращения 16.12.2024).
7. URL : <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3999805/dods-chief-ai-officer-launches-rapid-capability-cell-frontier-ai-pilots-to-acce> (дата обращения 16.12.2024).

8. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New-York, 2004.
9. Нагорняк К.И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года / К.И. Нагорняк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 60–77.
10. URL : <https://korrespondent.net/world/4261878-Google-sozdal-kartu-protestov-v-mynske-a-Telegram-vkluich-yl-antytsenzuru> (дата обращения 10.12.2024).
11. URL : <https://lenta.ru/news/2020/08/10/postr> (дата обращения 10.12.2024).
12. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ // Президент Республики Казахстан. URL : <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-navneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnostiodkb-1002245> (дата обращения 10.12.2024).
13. Сысоева Р.В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане / Р.В. Сысоева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 241–252.
14. Мәжілісте Қаңтар оқиғасының мән-жайы айтылды // Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің. 05.01.2023. (На казахском языке). URL : <https://www.parlam.kz/kk/mazhilis/news-details/id49908/1/15> (дата обращения 10.12.2024).
15. Лебедева М.М. «Система политической организации мира: «Идеальный шторм». URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-politicheskoy-organizatsii-mira-idealnyy-shtorm> (дата обращения 10.09.2024).
16. Fukuyama F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? / F. Fukuyama // Journal of Democracy. January, 2020.
17. Федор Пашин Стратегия гибридного сдерживания России. URL : <https://cont.ws/@paschin-541/272120> (дата обращения 27.09.2024).
18. Небренчин С.М. Стратегия эскалации напряженности в гибридной войне против России. URL : <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2024/09/Небренчин.pdf> (дата обращения 06.10.2024).
19. Небренчин С.М. Современная инфогибридная война против России: стратегия, нарративы, технологии / С.М. Небренчин, А.С. Вьюнов // Военная мысль. 2024. № 6. С. 17–34.
20. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102161033&page=1&rdk=0&link_id=0#l0 (дата обращения 17.12.2024).
21. URL : <https://docs.cntd.ru/document/542645728> (дата обращения 17.12.2024).

References:

1. Bush J. About the victory of the USA over the USSR in the Cold War (direct speech on 01/26/1992). URL : <https://rutube.ru/video/9cbbb7ed12fdbd4742150d57fb51e592>
2. Webb M.C. Hegemonic stability theory: an empirical assessment / M.C. Webb, S.D. Krasner // Review of International Studies. 1989. № 15. P. 183–198.
3. Brzezinski Z. The Great Chessboard / Z. Brzezinski; Transl. from the English O. Uralskaya. M. : AST, 2019. 384 p.
4. Network Centric Warfare. The RMA Debate, «Network-centric warfare. Digest based on materials from open publications and mass media». M. : VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation, 2010. URL : <http://www.comw.org/rma/fulltext/netcenterwar.html> (date of application 09/27/2024).
5. Varenysia I. URL : <https://tass.ru/armiya-i-opk/20589497> (date of application 07.12.2024).
6. The Pentagon will expand Ukraine's access to the Starshield. URL : <https://ria.ru/20241207/pentagon-1987867540.html> (date of application 12/16/2024).
7. Electronic resource URL : <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3999805/dods-chief-ai-officer-launches-rapid-capability-cell-frontier-ai-pilots-to-acce> (date of application 12/16/2024).
8. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New-York, 2004.
9. Nagornyak K.I. Activity of oppositional Telegram channels and the behavioral factor of Google users as a method of studying protests in Belarus in 2020 / K.I. Nagornyak // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2021. Vol. 23. № 1. P. 60–77.
10. URL : <https://korrespondent.net/world/4261878-Google-sozdal-kartu-protestov-v-mynske-a-Telegram-vkluich-yl-antytsenzuru> (date of application 10.12.2024).
11. URL : <https://lenta.ru/news/2020/08/10/postr> (date of application 10.12.2024).
12. Speech by Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the extraordinary session of the CSTO Collective Security Council // President of the Republic of Kazakhstan. URL : <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-navneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnostiodkb-1002245> (date of application 10.12.2024).
13. Sysoeva R.V. January events of 2022 and the CSTO peacekeeping operation in Kazakhstan / R.V. Sysoeva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. № 2. P. 241–252.
14. Mazhiliste Kantar okigasyryn man-zhayy aityldy // Kazakhstan Republikasy Parlamenti Mazhilisin. 05.01.2023. (In Kazakh). URL : <https://www.parlam.kz/kk/mazhilis/news-details/id49908/1/15> (date of application 10.12.2024).
15. Lebedeva M.M. The system of political organization of the world: «The perfect storm». URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-politicheskoy-organizatsii-mira-idealnyy-shtorm> (date of application 09/10/2024).

16. Fukuyama F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? / F. Fukuyama // Journal of Democracy. January, 2020.
17. Fyodor Pashin Strategy of hybrid deterrence of Russia. URL : <https://cont.ws/@paschin-541/272120> (date of application 09/27/2024).
18. Nebrenchin S.M. Strategy of escalation of tension in the hybrid war against Russia. URL : <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2024/09/Небренчин.pdf> (date of application 06.10.2024).
19. Nebrenchin S.M. Modern infohybrid war against Russia: strategy, narratives, technologies / S.M. Nebrenchin, A.S. Vyunov // Military thought. 2024. № 6. P. 17–34.
20. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102161033&page=1&rdk=0&link_id=0#10 (date of application 12/17/2024).
21. Electronic resource URL : <https://docs.cntd.ru/document/542645728> (date of application 12/17/2024).

Информация об авторе

Ермаков Кирилл Александрович
научный сотрудник,
Центр политических исследований
«АПЕК-КОНСАЛТИНГ», г. Москва
profadvmos@mail.ru

Kirill A. Ermakov
Scientific Fellow,
APEK-CONSULTING Center for Political Studies,
Moscow
profadvmos@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-9>
УДК 36

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ, ВЕТЕРАНОВ, ЛЮДЕЙ, ПОДВЕРГШИХСЯ РАДИАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Понеделков А.В.¹, Аверин А.Н.², Бутова А.С.³, Алборова Д.В.⁴

¹Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

³Московский гуманитарно-экономический университет,

⁴Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Тема исследования актуальна поскольку государство уделяет значительное внимание социальной защите инвалидов, ветеранов, людей, которые подверглись радиационному воздействию в результате радиационных катастроф. Цель статьи – рассмотрение социальной защиты граждан, подвергнувшихся радиационному воздействию. В качестве объектов исследования выбраны инвалиды, ветераны, люди, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в производственном объединении «Маяк», ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Методами исследования являются статистический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция. Полученные результаты отражают использование основных положений закона о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, Федеральных законов о социальной защите инвалидов, о ветеранах, социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, доклада об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2023 году и задачах на 2024 год. Используются официальные данные статистики. Рассмотрены меры социальной защиты инвалидов, реабилитация, абилитация, сопровождаемое проживание, обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации, индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалидов, социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий, военной службы, труда. Показаны меры социальной поддержки людей, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, аварии на производственном объединении «Маяк», ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Основной вывод предполагает необходимость дальнейшего развития системы социальной защиты инвалидов, ветеранов, людей, подвергшихся воздействию радиации, увеличения размеров денежных выплат. Обзор литературы дает основание для утверждения о наличии таких опубликованных работ, как организация и содержание работы по социальной защите инвалидов, пути совершенствования системы социальной защиты инвалидов, стратегия формирования системы социальной защиты инвалидов в контексте социально-экономического и демографического профиля региона, развитие института медико-социальной экспертизы и социальной защиты инвалидов, социальная защита инвалидов боевых действий, медико-социальные аспекты заболеваемости, инвалидности и реабилитации инвалидов, профессиональная реабилитация и трудоустройство инвалидов боевых действий и военной службы, социальная защита инвалидов как фактор повышения эффективности социального менеджмента, социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов труда, правовой статус защитников Отечества-ветеранов боевых действий, ресоциализация ветеранов специальной военной операции, вернувшихся на рабочие места, социальная поддержка пострадавших от радиации.

Ключевые слова: абилитация, ветеран, жизнедеятельность, инвалид, индивидуальная программа катастрофа, радиация, реабилитации, абилитации, реабилитация.

SOCIAL PROTECTION AND SUPPORT FOR THE DISABLED, VETERANS, PEOPLE EXPOSED TO RADIATION OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF CULTURE

Alexander V. Ponedelkov¹, Alexander N. Averin²,
Anastasia S. Butova³, Dina V. Alborova⁴

¹South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

³Moscow University of Humanities and Economics,

⁴South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Abstract. The topic of the study is relevant, since the state pays considerable attention to the social protection of the disabled, veterans, and people who have been exposed to radiation as a result of radiation disasters. The purpose of the article is to consider the social protection of the disabled, veterans and people exposed to radiation. Disabled people, veterans, people exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant, in the Mayak production association, nuclear tests at the Semipalatinsk test site were chosen as objects of research. The research methods are the statistical method, analysis and synthesis, deduction and induction. The results obtained reflect the use of the main provisions of the law on the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster, the federal laws on the social protection of the disabled, on veterans, the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the accident in 1957 at the Mayak Production Association and the discharge of radioactive waste into the Techa River, social guarantees for citizens exposed to radiation as a result of the nuclear tests at the Semipalatinsk test site, the Report on the results of the work of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation in 2023 and tasks for 2024. Official statistics were used. Measures of social protection of the disabled, rehabilitation, habilitation, assisted living, provision of the disabled with technical means of rehabilitation, an individual rehabilitation or habilitation program for the disabled, social support for veterans of the Great Patriotic War, military operations, military service, labor are considered. Measures of social support for people exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant, the accident at the production association «Mayak», nuclear tests at the Semipalatinsk test site are shown. The main conclusion suggests the need for further development of the system of social protection of the disabled, veterans, people exposed to radiation, and an increase in the amount of monetary payments. The review of the literature gives grounds for asserting the existence of such published works as the organization and content of work on the social protection of the disabled, ways to improve the system of social protection of the disabled, the strategy for the formation of the system of social protection of the disabled in the context of the socio-economic and demographic profile of the region, the development of the institute of medical and social expertise and social protection of the disabled, the social protection of disabled combatants, medical and social aspects Morbidity, Disability and Rehabilitation Vocational rehabilitation and employment of disabled veterans of military operations and military service, social protection of disabled people as a factor in improving the effectiveness of social management, social protection of veterans of the Great Patriotic War, labor veterans, legal status of defenders of the Fatherland who are veterans of military operations, resocialization of veterans of the special military operation who returned to their jobs, social support for victims of radiation.

Keywords: habilitation, vital activity, disabled, individual program catastrophe, radiation, rehabilitation, habilitation, rehabilitation.

Введение. Социальная защита инвалидов представляет собой систему гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения, компенсации ограничений жизнедеятельности, направленных на создание им равных с другими людьми возможностей участия в жизни общества [1].

Инвалидам оказывается социальная поддержка, которая предусматривает меры, обеспечиваю-

щие социальные гарантии инвалидам, устанавливаемые законами, иными нормативными правовыми актами, за исключением пенсионного обеспечения.

Результаты. Обсуждение.

Инвалидом является человек, который имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм, дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вы-

зывающее необходимость его социальной защиты.

Признание человека инвалидом и определение его потребностей в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, осуществляется при медико-социальной экспертизе на основе оценки ограничений.

Разрабатывается индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалида как комплекс оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, включающий в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных, других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных функций организма, формирование, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности.

Индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалида является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

Для обеспечения жизнедеятельности инвалидов:

- им оказывается медицинская помощь;
- осуществляются обеспечение беспрепятственного доступа к информации, использование факсимильного воспроизведения собственноручной подписи для инвалидов по зрению, беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, жильем, образованием, занятости;
- устанавливаются квоты для приема на работу, создаются специальные рабочие места для трудоустройства, условия труда;
- обеспечивается социальная занятость, которая означает деятельность инвалидов, не являющихся занятыми в соответствии с российским законодательством о занятости населения в связи с имеющимися у них значительно выраженными ограничениями способности к трудовой деятельности и способных к осуществлению не сложных простых видов деятельности исключительно с помощью других людей.

Социальная занятость направлена на социальную адаптацию и вовлеченность инвалидов в жизнь общества, осуществляется с согласия инвалидов на возмездной или безвозмездной основе.

С 2006 года увеличился объем субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку общероссийских общественных организаций инвалидов с 500 млн руб. в 2006 году до 1 млрд 726,936 млн рублей в 2023 году [3].

Целевыми направлениями использования субсидий являются:

- 60 % – на проведение мероприятий в целях реабилитации и социальной интеграции инвалидов;
- 23 % – на модернизацию производства предприятий в составе общероссийских общественных организаций инвалидов;
- 15 % – на техническое переоборудование и ремонт лечебно-профилактических учреждений, находящихся в их составе иных помещений, зданий, в которых осуществляются мероприятия по реабилитации и трудоустройству инвалидов;
- 3 % – на осуществление информационной и редакционно-издательской деятельности в целях реабилитации и социальной интеграции инвалидов.

Благодаря государственной финансовой поддержке, предприятия обеспечили трудоустройство более 6,5 тыс. инвалидов.

В 11 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждениях для инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья созданы специальные условия для получения образования по 26 адаптированным программам среднего профессионального образования технического, социальноэкономического, гуманитарного профилей. Контингент обучающихся – более 2 тыс. человек. Ежегодный прием обучающихся за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета – 600 чел., ежегодный выпуск студентов – 400 чел., уровень трудоустройства которых – 70–75 %.

Социальная поддержка ветеранов предусматривает осуществление системы мер, включающей:

- пенсионное обеспечение, выплату пособий;
- получение ежемесячной денежной выплаты;
- предоставление жилых помещений;
- компенсацию расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг;
- оказание медицинской помощи и протезно-ортопедической помощи [4].

Социальная защита людей, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, предусматривает систему мер, обеспечивающую социальные гарантии людям, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [5]. Социальная защита реализуется посредством социальной поддержки.

Меры социальной поддержки предоставляются при условии постоянного проживания, работы людей непосредственно перед предоставлением мер:

- в зоне отселения – не менее 1 года;
- в зоне проживания с правом на отселение – не менее 3 лет;
- в зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом – не менее 4 лет.

Исключение составляют дети независимо от места их рождения, чьи родители, один из родителей непосредственно перед рождением ребенка постоянно проживали, работали в зонах отселения, проживания с правом на отселение и проживания с льготным социально-экономическим статусом, при условии, что ребенок после рождения постоянно проживает в этих зонах.

Территории, подвергшиеся радиоактивному загрязнению вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, подразделяются на зоны отчуждения, отселения, проживания с правом на отселение, проживания с льготным социально-экономическим статусом.

Осуществляются возмещение вреда и меры социальной поддержки людей:

- получивших или перенесших лучевую болезнь, другие заболевания, инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы;
- участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- людей, занятых на работах в зоне отчуждения;
- эвакуированных из зоны отчуждения и переселенных, переселяемых из зоны отселения;
- постоянно проживающих, работающих на территории зоны проживания с правом на отселение;
- зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом;
- занятых на работах в зоне отселения, не проживающих в этой зоне;
- выехавших в добровольном порядке на новое место жительства из зоны проживания с правом на отселение;
- организация медицинского обслуживания и радиационной защиты пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- меры социальной поддержки детей и подростков.

В зависимости от категории граждан, установлена ежемесячная денежная выплата людям, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, в размерах 309; 464; 772; 1236; 1544 рубля.

Осуществляется пенсионное обеспечение людей, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, выплачивается ежегодно:

- компенсация за вред здоровью людям, получившим, перенесшим лучевую болезнь, другие заболевания вследствие чернобыльской катастрофы;
- инвалидам и членам семей людей, погибших, умерших вследствие чернобыльской катастрофы;
- компенсация за вред здоровью участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- компенсация семьям за потерю кормильца, участвовавшего в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Людам, подвергшимся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, гарантируются меры социальной поддержки, установленные для людей, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [6].

Осуществляется социальная поддержка российским гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне [7]. Людям, получившим суммарную накопленную эффективную дозу облучения, превышающую 25 сЗв (бэр), гарантируются:

- внеочередное обслуживание в лечебно-профилактических учреждениях и аптеках;
- обслуживание в поликлиниках, к которым они были прикреплены в период работы до выхода на пенсию;
- ежемесячная выплата денежной компенсации в размере 394 рубля 83 копейки на приобретение продовольственных товаров;
- доплата до размера прежнего заработка при переводе по медицинским показаниям на нижеоплачиваемую работу, которая осуществляется работодателем до восстановления трудоспособности или установления инвалидности;
- выплата пособия по временной нетрудоспособности в размере 100 % среднего заработка, учитываемого при начислении страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации независимо от продолжительности страхового стажа, в том числе при направлении на врачебную консультацию в другой населенный пункт.

Мерами социальной поддержки являются:

- преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата независимо от времени работы в организации, первоочередное трудоустройство при ликвидации или реорганизации данной организации;

- назначение пенсии по старости с уменьшением на 10 лет возраста, дающего право на пенсию по старости;
- преимущественное обеспечение местами в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме;
- использование ежегодного очередного оплачиваемого отпуска в удобное для них время, получение дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью 14 календарных дней;
- внеочередное вступление в жилищно-строительные кооперативы, внеочередное обеспечение земельными участками для индивидуального жилищного строительства при условии признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий, внеочередное обеспечение земельными участками для строительства гаражей для собственных нужд, внеочередное обслуживание на предприятиях службы быта, технического обслуживания и ремонта транспортных средств, в учреждениях жилищно-коммунального хозяйства, организациях связи и междугородного транспорта;
- компенсация расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг в размере 50 %.

Одному из родителей, бабушке, дедушке, опекуну, попечителю детей в возрасте до 18 лет первого и второго поколения людей, получивших суммарную, накопленную эффективную дозу облучения более 5 сЗв (бэр), страдающих заболеваниями вследствие радиационного воздействия на одного из родителей, гарантируются меры социальной поддержки:

- пребывание с больным ребенком в лечебном учреждении по рекомендации врачей в течение всего времени лечения;
- выплата пособия по временной нетрудоспособности в случае ухода за больным ребенком в возрасте до 15 лет за весь период амбулаторного лечения, совместного пребывания с ребенком в стационарном лечебно-профилактическом учреждении в размере 100 % среднего заработка, учитываемого при начислении страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в Фонд пенсионного и социального страхования, независимо от продолжительности страхового стажа;

- ежемесячная компенсация в размере 56 рублей 60 копеек на питание обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования, если они не посещают организацию, осуществляющую образовательную деятельность, в период образовательного процесса по медицинским показаниям, ежемесячная компенсация в размере 291 рубля на питание обучающихся по образовательным программам дошкольного образования, если они не посещают организацию, осуществляющую образовательную деятельность, по медицинским показаниям.

Люди, подвергшиеся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, имеют право на ежемесячную денежную выплату, которая устанавливается в размере:

- получившим дозу облучения, превышающую 25 сЗв (бэр), – 1236 рублей;
- более 5 сЗв (бэр), но не превышающую 25 сЗв (бэр), детям в возрасте до 18 лет первого и второго поколения людей, получивших более 5 сЗв (бэр), страдающим заболеваниями вследствие радиационного воздействия одного из родителей, – 387.

Меры социальной поддержки являются расходами на обязательные расходы Российской Федерации. В 2022 году 95 человек, подвергшихся воздействию радиации, получили регулярную денежную выплату, ее средний размер – 1389 рублей в месяц на одного получателя, 57550 руб. – единоразовную денежную выплату, средний размер которой – 3791 руб. [2].

Заключение.

В завершение проведенного исследования авторы пришли к выводу о необходимости обеспечения в увеличенном, достаточно полном объеме реализации мер, определенных в российском законодательстве, по социальной защите всех категорий инвалидов, ветеранов, людей, пострадавших в результате радиационных катастроф. Более того, исходя из сумм, указанных в ряде цитируемых нормативных документов, мы полагаем, что необходима индексация тех из них, которые, судя по всему, не изменялись со времени Чернобыльской аварии.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023. Статистический сборник // Soc_pol_2023.pdf. URL : rosstat.gov.ru
3. Доклад об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2023 году и задачах на 2024 год. URL : https://mintrud.gov.ru
4. Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
5. Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
6. Федеральный закон от 26 ноября 1998 года № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
7. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне». URL : ttps://ivo.garant.ru

References:

1. Federal Law of November 24, 1995 № 181-FZ «On Social Protection of Invalids in the Russian Federation». URL : garant.ru
2. Social status and standard of living of the population of Russia. 2023. Statistical Collection // Soc_pol_2023.pdf. URL : rosstat.gov.ru
3. Report on the results of the work of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation in 2023 and tasks for 2024. URL : https://mintrud.gov.ru
4. Federal'nyy zakon ot 12 yanvarya 1995 goda № 5-FZ «O veteranakh» // Sistema GARANT. URL : garant.ru
5. Law of the Russian Federation of May 15, 1991 № 1244-I «On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster» // GA-RANT System. URL : garant.ru
6. Federal Law of November 26, 1998 № 175-FZ «On Social Protection of Citizens of the Russian Federation, Exposed to Radiation as a Result of the Accident in 1957 at the Production Association «Mayak» and Radioactive Waste Discharges into the Techa River» // SISTEMA GARANT. URL : garant.ru
7. Federal Law of January 10, 2002 № 2-FZ «On social guarantees for citizens exposed to radiation as a result of nuclear tests at the Semipalatinsk test site». URL : ttps://ivo.garant.ru

Информация об авторах

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры политологии и этнологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Political Science and Ethnology,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID https://orcid.org/0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ORCID https://orcid.org/0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Бутова Анастасия Сергеевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений
и международного права,
Московский гуманитарно-экономический университет
Vasilisa2.78@mail.ru

Anastasia S. Butova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of International Relations and International Rights,
Moscow University of Humanities and Economics
Vasilisa2.78@mail.ru

Алборова Дина Владимировна
аспирантка кафедры политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Vasilisa.78@mail.ru

Dina V. Alborova
Postgraduate Student
of the Department of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vasilisa.78@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-11>
УДК 323:378

Attribution
cc by

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА «АЛЬЯНСА ДЕМОКРАТИЙ»

Стрелецкий Я.И.

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в ней отражен важнейший, а во многом и судьбоносный для нашей страны, аспект ее духовного бытия, который особо проявил себя с началом Специальной военной операции (СВО) России на Украине. Отсюда цели и задачи данной публикации состоят в том, чтобы, с одной стороны, определить и проанализировать основные направления информационной войны Запада против нашей страны, а с другой, предложить меры противодействия его атакам. Научная новизна представлена как в определении объекта исследования, так и в его предмете, отраженном в конкретных направлениях информационной войны «альянса демократий»: искажение истоков и причин СВО; клевета на наших солдат и офицеров; содействие процессу трансформации идеологии украинского национализма в укронацизм; стремление Запада использовать свою «пятую колонну» в нашем обществе. В процессе анализа этих направлений вскрыты научная несостоятельность и реакционная политическая сущность применяемых Западом приемов информационной войны, что реализуется методами историзма, диалектическим подходом к анализу общественных явлений, структурно-функциональным анализом. Предложен ряд мер обеспечения наступательной стратегии в информационной войне с Западом, а также патриотического воспитания российской молодежи.

Ключевые слова: понятие «информационная война», направления и приемы информационной войны Запада, политика, идеология, общественное сознание, патриотизм.

RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE: THE INFORMATION WAR OF THE ALLIANCE OF DEMOCRACIES

Yakov I. Streletsky

*Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov*

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that it reflects the most important, and in many ways crucial for our country, aspect of its spiritual existence, which especially manifested itself with the beginning of Russia's Special Military Operation in Ukraine. Hence, the goals and objectives of this publication are, on the one hand, to identify and analyze the main directions of the West's information war against our country, and on the other, to propose measures to counter its attacks. Scientific novelty is presented both in the definition of the object of research and in its subject, reflected in the specific directions of the information war of the Alliance of Democracies: distortion of the origins and causes of ITS own; slander of our soldiers and officers; assistance in the process of transformation of the ideology of Ukrainian nationalism into Ucronazism; the desire of the West to use its «fifth column» in our society. In the process of analyzing these areas, the scientific inconsistency and reactionary political essence of the information warfare techniques used by the West are revealed, which is realized by the methods of historicism, a dialectical approach to the analysis of social phenomena, and structural and functional analysis. A number of measures are proposed to ensure an offensive strategy in the information war with the West, as well as patriotic education of Russian youth.

Keywords: the concept of information warfare, directions and methods of information warfare of the West, politics, ideology, public consciousness, patriotism.

«Запад ведет против нашей страны агрессивную информационную войну».
В.В. Путин

Введение.

Информационная война – неизменный атрибут любой войны, о чем писал еще в V в. до н.э. в своем трактате «Искусство войны» Сунь-Цзы. И история развития военной политики и военного искусства не только подтвердила этот постулат, но и констатирует следующую закономерность: по мере углубления и расширения НТП роль информационной войны в феномене самой войны пропорционально возрастала за счет новых технических средств и новой технологии ее применения.

Представляется, что понятие «информационная война» следует трактовать в двух смыслах. В широком – как комплексное влияние на систему государственного управления противника с целью ее дезорганизации. В узком – как атаку на общественное сознание народа противоположной стороны для реформирования его сознания, менталитета, цивилизационной матрицы.

Обсуждение. Результаты.

В контексте осуществляемого в данной публикации анализа, оба эти варианта информационной войны современные русофобы пытаются реализовать по следующим основным направлениям.

1. Искажение истоков и причин нашей СВО.

Дескать, «режим Путина», продолжая «москальскую традицию», развязал захватническую войну против Украины с целью лишить ее государственного суверенитета и доступа к «европейским ценностям». По требованию Вашингтона, с началом СВО лидеры НАТОвских государств в срочном порядке собрались для противостояния «агрессии Кремля». Но не только. Оказывается, что эта операция по спасению Донбасса якобы дает основания немцам забыть, а то и простить, злодеяния Третьего рейха. Так, канцлер ФРГ О. Шольц, выступая в Бундестаге 27.02.2022 г., заявил: «российская агрессия освободила Германию от ограничений, связанных с исторической виной за Вторую мировую войну» [1, с. 4].

Заметим, что тема «освобождения от ограничений» генетически близка канцлеру, ибо его дед по отцовской линии – Фриц фон Шольц – «отличился», по характеристике начальства, в операциях по блокаде Ленинграда. Вот, что называется, круг замкнулся.

В действительности, как определил президент Путин В.В., «Не мы начали войну на Донбассе, но мы сделаем все, чтобы ее закончить» [2, с. 1].

Истоки этой войны – русофобская методология Запада, а конкретные ее причины следующие.

Во-первых, экзистенциальная угроза ДНР и ЛНР. В самом деле, киевский режим после спонсированного Западом госпереворота в феврале 2014 г., под прикрытием Минских переговоров по мирному урегулированию проблемы Донбасса начал против него «антитеррористическую операцию» –

вооруженную агрессию. На мирные города и села, жители которых в своей основе этнические русские, посыпались удары авиации и РСЗО, артиллерии и ракет системы «Точка-У». Как свидетельствует глава ДНР Денис Пушилин, «С 2014 года по февраль 2022-го от украинских снарядов погибли 4374 мирных жителя, в том числе 91 ребенок. Ранены 7819 человек, среди них 496 детей. Это свидетельство геноцида, которое должно быть признано мировым сообществом. Киев готовил на 2022 год силовой вариант захвата ДНР, поэтому решение о начале СВО мы называем спасительным» [3, с. 3].

Во-вторых, угроза Русскому Миру на Украине со стороны националистических военизированных формирований, идеологической основой которых стал неонацизм. Только несколько фрагментов этого:

– в период врио президента Украины А.В. Турчинова – массовые убийства мирных граждан 02 мая 2014 г. в одесском Доме профсоюзов, которые не приняли «Майдан»;

– в период президентства П.А. Порошенко, финансируемый им «Правый сектор», реализовывал программу «по наведению порядка на востоке Украины», «по возвращению под контроль» ДНР и ЛНР, а также Крыма методами массового террора;

– при президенте В.А. Зеленском – факельные шествия в январе 2021 г. в честь 112-й годовщины С. Бандеры, копировавшие фашистские марши Третьего рейха. Лидеры националистических организаций, среди которых: «Национальный корпус», «Украинский национальный союз», «Добровольческий Рух ОУН», известные творимыми зверствами батальон ВСУ «Азов», скандировали: «Мы сила, которая будет управлять этой страной. Мы сила, которая будет воевать в Москве. Мы гордимся и помним подвиги дивизии СС «Галичина»... скоро мы пройдем с золотым львенком (символ этой дивизии – Я.С.) по Донецку и Москве» [4, с. 6]. Поэтому важнейшей целью нашей СВО определена денацификация Украины.

В-третьих, реальная угроза Государству Российскому вследствие планируемого членства Украины в НАТО. Напомним, что в нарушении достигнутой договоренности на переговорах 06 марта 1991 г. советской и американской делегаций с участием ГДР, ФРГ, Англии и Франции «не двигать НАТО на Восток ни на дюйм», последний двигался к нашим границам. Причем, системно методично, поэтапно. Как отметил президент В.В. Путин в своем интервью американскому журналисту Такеру Карлсону 06 февраля 2024 г., было «пять волн расширения». На очереди шестая в составе Грузии и Украины.

Отметим, что подготовка последней к приему в Северо-атлантический военный блок шла полным ходом:

- ВСУ переходили на его стандарты;
- офицерский состав проходил переподготовку в военных вузах США, Канады и Англии, а сержантский – на Яворовском полигоне во Львовской области НАТОвскими инструкторами;
- западная техника и вооружение пополняли арсеналы ВСУ.

Конечно, всё не даром, всё во благо заокеанского господина в чем признаются сотрудники американского Института изучения войны: долгосрочная цель США – «сделать Черное море озером НАТО».

Будущее США и НАТО тесно переплетено с будущим Украины [5, с. 8]. И чтобы этого достичь, «незалежной» отведена суицидная роль геополитического и военного тарана против России для удержания Вашингтоном лидерства в геополитическом пространстве.

2. Клевета на наших солдат и офицеров, якобы творящих в ходе СВО террор и геноцид. Яркий пример этого черного пиара – поднятая украинскими и западными СМИ «бучи вокруг Бучи». Суть в следующем. Дескать, «русские оккупанты», заняв этот населенный пункт, учинили там расправу над мирным населением – горы трупов демонстрировало телевидение, репортеры и журналисты клялись, что видели весь этот ужас собственными глазами, а финансируемый коллективным Западом МУС (Международный уголовный суд) постановил призвать к ответственности «русских варваров».

Но на деле оказалось, что все это – фейк, сработанный украинской пропагандой под кураторством западных спецслужб, о чем свидетельствует «гробовое молчание» на следующие вопросы российской дипломатии:

- Где списки, паспортные данные погибших?
- Почему на трупах – осколки от артиллерийских ударов?
- Почему не был созван по предложению нашего полпреда В. Небензы Совбез ООН по этому вопросу?

Ответов нет, да и не будет потому, что нет фактов, нет доказательств. Значит сие – клевета на наших военнослужащих. Кстати, в этом признался впоследствии ряд европейских изданий, определив этот пасквиль как «ложь во благо».

Известно, что объективным критерием истины является практика. Именно она убедительно доказывает, что террором и геноцидом занимается киевский режим и ВСУ. Докажем этот тезис следующими положениями.

Во-первых, еще до начала СВО необандеровцы учинили геноцид участникам антимайдановского движения «Куликово поле», о чем отмечалось выше, убили украинского писателя-патриота

Олеся Бузина, ряд лидеров Донбасса, в том числе и В. Захарченко, известных российских журналистов Владлена Татарского, Дарью Дугину, покушение на жизнь Захара Прелепина...

Кроме этого, массированным ракетным ударам американскими «хаймерсами», РЗСО и дронами ВСУ подвергаются не только жилые кварталы Донбасса, но и Крымский мост, Белгородская и Курская области, пляж в Севастополе. Более того, за серией терактов, равно как и в «Крокус-Сити», стоят украинские спецслужбы, о чем свидетельствует даже маршрут отхода его исполнителей – в сторону границы Украины.

Как свидетельствует директор ФСБ России Александр Бортников: «Украинские неонацисты и их западные покровители организуют совершение самых варварских преступлений на территории нашей страны. При этом они используют в качестве исполнителей преступлений в том числе членов международного террористического подполья [6, с. 4].

Во-вторых, по распоряжению В. Зеленского в ночь на 6 июня 2023 г. была взорвана плотина Каховской ГЭС, что привело к затоплению 14-ти поселков с населением около 38 тыс. человек. Масштабы этой массовой трагедии еще предстоит определить.

Не прекращаются удары ВСУ по Запорожской АЭС, находящейся под управлением наших специалистов. Последствия бомбардировок самой масштабной в Европе АЭС ставят под реальную угрозу жизнь миллионов человек, но ни в Киеве, ни на Западе этим не озабочены. Так, глава МАГАТЭ Р. Гросси, неоднократно посещая этот ядерный объект, систематически ограничивался заявлениями о «недопустимости» его бомбардировок, но ни разу не оговорился об ответственных за них. Видимо, «русские сами себя обстреливают».

В-третьих, необандеровское руководство Украины устроило геноцид ее народа, что выражается в сознательном уничтожении своих же граждан призывного возраста. По известным причинам, солдат и офицеров ВСУ, заранее подготовленных НАТОвскими инструкторами, почти не осталось, а поэтому после снижения призывного порога потенциальных боевиков, мужчин хватают прямо на улицах, на рынках, в транспорте и отправляют на фронт.

«Я считаю то, что делает Зеленский, – пишет официальный представитель МИДа РФ Мария Захарова, – это геноцид украинского народа. Мы наблюдаем, как за людьми бегают людоловы. Как матери отбивают сыновей, жены пытаются спасти мужей, сестры – братьев, причем не от трусости, а от понимания, что их ведут на убой» [7, с. 3].

В зарекламированном «контрнаступе» июня 2023 г. за атакующими русские позиции ВСУшниками для поддержки «боевого духа» следили

заградотряды нацистских батальонов «Кракен» и «Азов». Даже собственных пленных угробили:

– в ночь на 29.07.2022 г. ударом РСЗО по лагерю в поселке Еленовка ЛНР были убиты более 70-ти человек;

– 23.01.2024 г. был сбит в Белгородской области наш ИЛ-76 на борту которого – 65 бывших украинских вояк, планировавшихся обменять на наших военнослужащих. Погибли все.

3. Содействие процессу трансформации идеологии украинского национализма в укронацизм, который охватывает следующие этапы.

Первый период – начало «оранжевой революции» президента Украины Виктора Ющенко: 2005 г. по февраль 2014 г. [8, с. 24]. Супруга последнего Екатерина Ющенко – эмигрантка из США – создала в 2006 г. Фонд «Украина-3000» на средства которого была развернута широко-масштабная антисоветская и русофобская кампания по следующим направлениям:

1. Реанимация идеологии бандеровцев, воевавших на стороне Третьего рейха, а их лидеры Роман Шухевич, Степан Бандера и другие были возведены в ранг национальных героев.

2. Фальсификация исторической правды – мифы:

– о «древнем украинском государстве»;

– о голодоморе, якобы учиненном большевиками против украинцев;

– о природном этническом превосходстве украинцев, их генетической расовой исключительности;

– о насильственной русификации украинцев «москалями» и «советами» [9, с. 48–58].

3. Политика и практика «декоммунизации», которая свелась к варварскому сносу памятников советским воинам-освободителям от фашистских оккупантов, а заодно – и всем «поработителям», включая и А.С. Пушкину...

Второй период – «майданный» госпереворот в 2014 г. по февраль 2022 г. Его содержание можно определить, как этноцид (от греч. – народ и латин. caedo – убивать) – политика и практика ликвидации на Украине «некоренных наций». Среди них, в первую очередь, русских как субъектов «угрозы» национальной идентичности украинцев. Для ее сохранения и укрепления всему русскому в «незалежной» объявлена война, начиная с русского языка на котором общалось более 70 % ее населения. Украинская «мова» – единственный государственный язык, на который переведена вся государственная инфраструктура – от детских яслей, школ и вузов до СМИ, сфера культуры и аппарат Верховной

Рады. Стало быть, через одно-два поколения Украина должна превратиться в моноэтническое государство, населенное только украинцами. А это и есть геноцид, который, кстати, «не замечают» на Западе. Там, например, только в одной Швейцарии – четыре государственных языка, в Канаде и Финляндии – 2. Заметим, что в последней шведов только 6 %, но их язык – государственный.

Третий период – начало и продолжение нашей СВО. В ходе этой операции киевский режим не только легализовал, но и открыто пропагандировал идеологию нацизма. При этом последний трансформировался в неорасизм, который отличается от немецкого времен Третьего рейха не биологическим фактором, а социальным. «Не важно кто ты: еврей, русский, венгр или поляк, – отмечает эту черту укронацизма политолог Алексей Кочетков, – если ты принимаешь идею строительства грядущей, существующей только в воображении, осуществимой в будущем украинской «нации господ», хочешь повелевать на том просторстве, которое останется после разрушения русской цивилизации то ты – свой» [10, с. 8]. Остальные – биомасса.

Именно этой нацистской идейкой руководствовался В. Зеленский, который своим указом присвоил 10-ой горно-штурмовой бригаде ВСУ «почетное» наименование «Эдельвейс». Так именовалась 1-я горно-пехотная дивизия вермахта, творившая злодеяния в Словакии, Греции и на советском Северном Кавказе в 1942–1943 гг.

Именно эта ментальная установка привела к тому, что наши солдаты и даже прошедшие Афганистан офицеры были шокированы нацистской символикой «азовцев», сдавшихся в плен под Мариуполем.

Неонацизм в ходе СВО принял характер тотальной войны со всем русским, включая и религию – запрет Украинской православной церкви Московского патриархата – и сферу образования, где в головы школьников и студентов вбивают русофобские нарративы.

4. Стремление Запада использовать свою «пятую колонну» в нашем обществе в целях его дезинтеграции и реализации плана «нанесения России стратегического поражения на поле боя».

На этом поприще у западных, особенно у американских политологов, идеологов и экспертов по информационным войнам весьма богатый и, признаемся, достаточно «положительный» опыт. Пример этому – развал Советского Союза, осуществленный, главным образом, методами информационных технологий. По такому же сценарию ныне пытаются разрушить и Россию. Благо, у них для этого имеется определенный арсенал.

На первом месте – субъекты «5 колонны» для которых Запад – заграничный дом, где хранятся награбленные у россиян в «лихие 90-е» богат-

ства, где рождаются их дети, которых, как писал Ф.М. Достоевский, «там они воспитывают и прилагают все старания, чтобы заставить их забыть русский язык».

Вторая категория «своих» русофобов – это «западники по положению». Они, пробравшись во властные структуры и в прибыльный бизнес, находятся на «кормлении» у различных западных фондов, «благотворительных обществ», иностранных НКО.

Третья страта – это «интеллектуальная элита», которая связана с Западом ментально узами ненависти к славянству, ко всему русскому. Пример этому – деятельность сотрудников Института философии РАН, усилиями которых на деньги государства и во вред ему сконструирована целая система русофобских концепций, среди которых выделим следующие:

– «цивилизационная» Сергея Никольского, в которой он пытается доказать, что «цивилизация в нашей стране – явление, не состоявшееся», а Россия является «источником реальной угрозы миру» [11, с. 3];

– «толерантности», внедряющая в когнитивное пространство стереотипы насильственного сопротивления «режиму Путина», предлагающая методы «эстетики протеста», а также нарративы биоэтики – манипуляция с природой самого человека: эвтаназия, клонирование, полигендернизм...; коллективной виновности «российской нации». Эта концепция стала, своего рода, политико-идеологическим хитом бывшего заместителя директора этого Института Юлии Синеской, сбегавшей с началом СВО во Францию. Обосновавшись там на средства фонда Сороса, стала издавать «Историко-философский ежегодник в темные времена», на страницах которого определила нашу операцию по защите Донбасса и Русского Мира как «тоталитаризм» и «агрессию», а русскую философию в целом как отстающую, реакционную и иррациональную.

На объективную критику этих русофобских интенций со стороны патриотического крыла Института, его руководство уволило ведущего научного сотрудника А.В. Черняева, а против Александра Дугина развернуло кампанию по его дискредитации «потому, что никто другой так блестяще не формулировал различие великой русской цивилизации от западной. Он вывел этот конфликт (СВО на Украине – Я.С.) на уровень философии, на уровень метафизики» [12, с. 3].

Русофобский арсенал «5-ой колонны» содержит и неолиберальный «Ельцин-центр», на стендах которого Крым числится за Украиной, история России определена как «блуждания в лабиринтах тоталитаризма», а индустриализация страны, оказывается, осуществлялась за счет рабского труда жертв ГУЛАГа.

Заключение.

Информационная война Запада против нашей страны, как самый дешевый, безопасный и достаточно эффективный инструмент ее разложения и ослабления, велась всегда, но особенно интенсивно – в периоды, когда, по мнению его политических лидеров, Москва угрожала «альянсу демократий». Последней под руководством Вашингтона усилил информационные атаки против России после известной «мюнхенской» речи В.В. Путина, в которой наш президент заявил о российских национальных интересах и о готовности их отстаивать и защищать.

Вторая волна этих атак захлестнула информационное пространство после проспонсированного Белым домом «майданного» госпереворота в Киеве, где власть захватили необандеровцы с реваншистской, родственной нацизму, русофобской идеологией. Но «демократический» Запад «ничего не заметил». Более того, неоднократные предложения России на заседаниях Совбеза ООН по осуждению процесса реанимации фашизма в «незалежной» блокировались представителями США и Англии.

Третья волна информационной войны Запада при активном участии «нашей» пятой колонны была поднята с началом СВО. Дескать, агрессивная, дескать, геноцид украинцев, дескать, угроза всей европейской цивилизации, а поэтому «Россию надо победить на поле боя». Но ведь Россия тоже европейская цивилизация, которая не будет воевать сама с собой, что называется, по определению. Это, во-первых.

Во-вторых, не Кремль, а НАТОвские страны развязали эту войну и вели ее против Донбасса и Русского Мира 8 лет. А наша СВО – это вынужденная операция с целью завершения этой войны.

В-третьих, нанести поражение России на поле боя Запад не сможет, не уничтожив себя, а заодно и земную цивилизацию.

Что, полагается, необходимо предпринять для минимизации результатов информационной войны Запада против нашей страны?

Во-первых, следует «навести порядок в своем доме» – то есть, выгрести и утилизировать весь русофобский информационный мусор из отечественной информационной сферы, с одной стороны, и предпринять меры, направленные на фильтрацию, на купирование, на управление информационными потоками государства. Ведь наша СВО – это, по сути, война, а во время войны, как известно на уровне аксиомы, вводится государственная цензура. Заметим, кстати, что борец за свободу А.С. Пушкин был сторонником морально-нравственной цензуры даже в мирное время.

Во-вторых, активнее реализовывать тактические приемы наступательного характера в информа-

ционной войне, что нашими отдельными СМИ уже применяется, но пока робко и точно. Здесь надо быть реалистами – противник ничем не брезгует, даже откровенной ложью и клеветой. Конечно, нам до этого опускаться не следует, но работать на опережение – веление времени и обстоятельство.

В-третьих, активизировать работу по патриотическому воспитанию российской молодежи. На этом участке идеологического фронта определенные успехи достигнуты: основаны Всероссийская военно-организация «Юнармия», «Движение первых» – воспитание подрастающего поколения на основе отечественных духовно-нравственных ценностей и традиций. А вот

«старший» сегмент нашей молодежи, который по своей природе «ищущие», например, студенты вузов, остаются «в тени» – они, за редким исключением, не охвачены этой работой, что не случайно.

Дело в том, что фундаментальной методологии для реализации задач и развития страны на историческую перспективу в виде государственной идеологии у нас нет. Но общество без идеологии, как и человека без идеи, не было и нет. Поэтому настало время заменить неофициальную неолиберальную идеологию в России на официальную – то есть, государственную, за принятие которой давно ратует патриотическое сообщество страны.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Маслов А. Германия вооружается // Завтра. 2023. № 1.
2. Путин В.В. Послание президента России Федеральному Собранию // Российская Газета. 2024. № 46. 5 с.
3. Балашов Д. Противостояние республики / Д. Балашов // Аргументы и факты. 2024. № 15.
4. Овчинский В. Денацификация / В. Овчинский, Ю. Жданов, В. Коваленко // Завтра. 2022. № 16.
5. Костиков В. Украина. Очевидное и невероятное / В. Костиков // Аргументы и факты. 2024. № 3.
6. Егоров И. Чужими руками / И. Егоров // Российская Газета. 2024. № 78.
7. Рукобратский В. Во власти людоловов / В. Рукобратский, Г. Иванов // Аргументы и факты. 2024. № 25.
8. Прудников Л.А. Информационная экспансия Запада против Украины: уроки и выводы для России / Л.А. Прудников, Д.В. Суржик // Военная мысль. 2024. № 3. 12 с.
9. Стрелецкий Я.И. Русофобия – методология украинской историографии / Я.И. Стрелецкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. 8 с.
10. Кочетков А. Инклюзивный нацизм / А. Кочетков // Завтра. 2022. № 29.
11. Гончаров А. Дело академиков / А. Гончаров // Завтра. 2023. № 2.
12. Проханов А. Мишень – Дугин / А. Проханов // Завтра. 2024. № 16.

References:

1. Maslov A. Germany is arming / A. Maslov // Tomorrow. 2023. № 1.
2. Putin V.V. Message of the President of Russia to the Federal Assembly / V.V. Putin // Rossiyskaya Gazeta. 2024. № 46. 5 p.
3. Balashov D. The confrontation of the republic / D. Balashov // Arguments and facts. 2024. № 15.
4. Ovchinsky V. Denazification / V. Ovchinsky, Yu. Zhdanov, V. Kovalenko // Tomorrow. 2022. № 16.
5. Kostikov V. Ukraine. The obvious and the improbable / V. Kostikov // Arguments and facts. 2024. № 3.
6. Egorov I. By someone else's hands / I. Egorov // Rossiyskaya Gazeta. 2024. № 78.
7. Rukobratsky V. In the power of the Ludolovs / V. Rukobratsky, G. Ivanov // Arguments and facts. 2024. № 25.
8. Prudnikov L.A. Information expansion of the West against Ukraine: lessons and conclusions for Russia / L.A. Prudnikov, D.V. Surzhik // Military thought. 2024. № 3. 12 p.
9. Streletsky Ya.I. Russophobia – methodology of Ukrainian historiography / Ya.I. Streletsky // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 1. 8 p.
10. Kochetkov A. Inclusive Nazism // Tomorrow. 2022. № 29.
11. Goncharov A. The case of academicians / A. Goncharov // Tomorrow. 2023. № 2.
12. Prokhanov A. Target – Dugin / A. Prokhanov // Tomorrow. 2024. № 16.

Информация об авторе

Стрелецкий Яков Ильич
кандидат философских наук,
профессор,
профессор кафедры
военно-политической работы в войсках (силах),
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова
dma101@mail.ru

Yakov I. Streletsky
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Military
and Political Work in the military (forces),
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov
dma101@mail.ru

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание / Online edition

№ 4 от 25.12.2024

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор
Упоров Иван Владимирович

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

д-р истор. наук, доцент
Медведев Валерий Иванович

д-р истор., д-р социол. наук, профессор
Касьянов Валерий Васильевич

ШЕФ-РЕДАКТОР

д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.12.2024
Подписано к публикации 25.12.2024

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415-05-71

e-mail: id.yug2016@gmail.com